

А
СЕРИЯ

НОЧЬ МЯГКОГО УЖАСА

1

ВЫПУСК

ЛЮБИМЫЕ РАССКАЗЫ

ХИЧКОКА

И ПРОЧИЕ ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА

ИКС

НОЧЬ МЯГКОГО УЖАСА

Выпуск 1

**Любимые рассказы
А. ХИЧКОКА
и прочие истории**

**Свердловск
1991**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Составители

И. В. КОРМИЛЬЦЕВ, А. В. ПЕРЦЕВ, Л. А. ШАТОВА

Литературный редактор

О. А. ЕГОРОВА

Технический редактор

Т. А. ШАБУРОВА

Художественные редакторы

А. Г. МАРЕЕВ, А. В. МОХИН

Корректор

Т. А. ЩЕРБЕНОК

Библиотека журнала «МИКС»

Серия А

НОЧЬ МЯГКОГО УЖАСА

Любимые рассказы А. Хичкока и прочие истории. —
Свердловск: «МИКС», 1991. — 193 с.

Первый выпуск серии «Ночь мягкого ужаса» — библиотека журнала «МИКС». Содержит оригинальные переводы остросюжетных рассказов западных авторов — современные «страшные сказки». Шесть рассказов — из собрания, составленного А. Хичкоком, по некоторым из них он снимал свои фильмы ужасов. Среди авторов остальных — мастера жанра, такие, как Дафна дю Морье, Стенли Эллин, Дороти Сейерз, Роберт Уэстол и другие.

© Издательство «МИКС», 1991.
Составление и переводы.

Дорогой наш бесстрашный Читатель!

У Тебя в руках первая книга одной из нескольких серий, которые будут выходить приложением к журналу «МИКС».

Знаешь ли ты, что такое «МИКС»?

Это толстый, на 160 страниц, иллюстрированный журнал. Он издается с 1990 года в Свердловске (печатается казанскими мастерами!) и тиражом 25 тысяч сообщает читателям о том интересном, что было создано деятелями отечественной и зарубежной культуры. Философия, религиозная мысль, учения мистиков, беллетристика, музыка и балет, кино и театр, эротические произведения, творения классиков «массовой» культуры и кулинария — все это есть в номерах нашего «МИКСа».

«МИКС» — это в переводе «смесь». Принцип составления наших интеллектуальных коктейлей один: все проявления человеческой культуры должны быть представлены своими лучшими образцами. «МИКС» — чтение для людей, которые привыкли думать даже на работе, и изысканный дизайн.

Читатель, все о нашем журнале Ты можешь узнать, написав по адресу: 620077, г. Свердловск, ул. Октябрьской революции, д. 35. Тел.: 51-10-63. Журнал можно заказать наложенным платежом, а можно подписаться на год (6 номеров, нумерация сплошная).

Теперь — о приложениях. Всего мы будем выпускать несколько серий. Среди них: «Антология сверхъестественного», «Лукулов пир» (избранные кулинарные книги мира), «Женщина в поисках счастья» (книги о любви), «Только для мужчин и женщин» и другие.

Но есть среди них одна, самая-самая, которая и начинается этой вот книгой. Эта серия — «НОЧЬ МЯГКОГО УЖАСА». От реальной жизни она отличается, во-первых, тем, что ужасы в ней вымышленные, а во-вторых — они мягкие. Стало быть, книги этой серии хорошо читать на ночь — они

обеспечат плавный переход от сурового бодрствования к спокойному сну.

Радостное заметно только на фоне гнетущего нас. Вспомни, каким ясным и светлым было утро в пионерлагере после ночного рассказа про Синюю Руку или Черный Автобус! (Наоборот, после сказки о светлом-светлом будущем действительность кажется значительно более мрачной.)

Друг Читатель, прочитаешь Ты первый же из наших рассказов, окинешь взглядом свою милую квартирку и уютную жену (мужа) да скажешь: «Хорошо-то как, господи!»

Может, Тебе захочется узнать, как мы подбираем материалы для нашего журнала? А очень просто. Журнал «МИКС» делает достаточно теплая и тесная команда людей. В среднем нам — не сильно за тридцать. Однажды мы сидели у себя в редакции и вдруг поняли, что с недавнего времени центр мировой культуры из Васюков стал перемещаться к нам, в Свердловск. Но мы вовсе никому не хотим это доказывать и никого не собираемся просвещать! Насильно никого ничему научить нельзя! Мы не просвещаем. Мы просто рассказываем друг другу при встречах, кто из нас что выискивал интересного для себя. Так и составляется журнал «МИКС»: из бесед в дружеской компании, или как сказал бы англичанин, «у меня в клубе».

Так же мы составляли и наш сборник, который у Тебя в руках.

Жил-был однажды (1899—1980 гг.) на Западе кинорежиссер Альфред Хичкок (как леденяще звучит фамилия, не правда ли? А по-русски — Ежиков!). Этот режиссер снимал ужасные-преужасные фильмы ужасов, но был человеком добрым и отзывчивым, хотя и учился в детстве в иезуитской школе. Он понимал, как трудно молодому, неизвестному автору пробиться к широкому читателю, а потому помогал молодежи, позволяя использовать для рекламы свое громкое имя. «А. Хичкок. Мои любимые преужасные истории» — примерно так было написано на обложке многих книжек. Но своим именем А. Хичкок дорожил. И отбирал только самые-самые преужасные рассказы!

Ими и начинается наш сборник.

Вторая его половина — под статью первой. Здесь мы собрали самые изысканные рассказы, некоторые из них написаны признанными мастерами. Это, к примеру, Дороти Сейерз; она в 1923—1939 годах создала великолепную серию романов и рассказов о лорде Питере Уимзи, детективе-аристократе. Это и Стенли Эллин, семь раз получавший премию имени Эдгара По. Остальные авторы известны меньше, но мы выбрали лучшие их рассказы.

Принцип, по которому пишется «мягкий» детектив или рассказ ужасов, достаточно прост — либо «страшно о нестрашном», либо «нестрашно о страшном». Не иссушающий душу кошмар, а очень-очень легкий, еле ощутимый где-то в самой глубине души, — вот что хочет автор вызвать у читателя. И благодарный читатель вдруг ощущает, докуда простирается его душевный покой, где в мире его души — к которому ему, вообще-то, некогда приглядываться, потому что нужно дело делать —

проходит внешняя граница. Эта граница отделяет в его душе надежный, до скуки изученный, полностью осознанный и контролируемый район цивилизованности от безбрежного поля, где живут страхи всех наших животных предков: кошмары приматов, переживания земноводных, ужасы инфузории-туфельки. Мы давно уже не испытываем таких страхов, положенных нам эволюцией — от них происходит освежающие наш организм выбросы адреналина. Помнишь, как здорово было выбежать из освещенной дачи или от костра прямо в темный-темный лес, но очень недалеко, а потом быстро — назад!

Читай наши рассказы, Читатель!

Тебе предстоит

НОЧЬ МЯГКОГО УЖАСА!

Редакция журнала «МИКС»

ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

ВАРИАЦИИ НА ОДНУ ТЕМУ

Положение было невозможным. Пенн Ноултон постиг это в ту самую минуту, когда констатировал, что влюблен в Джинни Острэндер — супругу Дейвида Острэндера. Ему было тяжело сознавать себя в роли разрушителя семьи, хотя Джинни и говорила, что уже давно собиралась развестись с Дейвидом — еще до того, как встретила Пенна.

Но Дейвид не желал давать развода, в чем и была вся соль. Будучи человеком воспитанным, Пенн видел: в итоге единственный выход — он должен исчезнуть, пока у Дейвида не возникло подозрений. Конечно, чтобы сохранить при этом лицо, об этом не могло быть и речи. Просто иногда бывают такие ситуации, в которых сознаешь полное свое бессилие.

Пенн поднялся по лестнице на третий этаж, где была комната Джинни, и постучал в дверь. В ответ раздался ее веселый, высокий голос.

— Пенн, это ты? Входи!

Она сидела на кушетке, освещенная солнцем, одетая в желтую блузку и черные обтягивающие брюки, и пришивала пуговицу к рубашке Дейвида.

— Скажешь, я не похожа на идеальную хозяйку дома? — спросила она кокетливо и убрала длинные светлые волосы со лба. — Может, и тебе пришить какую-нибудь пуговку, милый?

Иногда она называла его «милым» даже в присутствии Дейвида.

— Нет, спасибо, — улыбнулся он в ответ и опустился на пуфик.

Она взглянула на дверь, как будто желая удостовериться, что никого нет поблизости, затем сделала губы бантиком и послала ему воздушный поцелуй.

— Я ужасно буду скучать без тебя в этот уик-энд. Когда ты уедешь завтра?

— Дейвид хотел, чтобы мы отправились сразу после обеда. Это последнее его поручение, которое я выполняю, во всяком случае — вместе с Дейвидом. Я увольняюсь.

— Ты увольняешься?

Ее шитье упало на колени.

— Ты уже сказал Дейвиду?

— Нет, скажу завтра. Я не знаю, почему это так тебя удивляет. Причина — ты, Джинни. Думаю, долгих объяснений здесь не требуется.

— Понимаю, Пенн. Ты же знаешь, я просила у Дейвида развод. Я буду просить еще. Я что-нибудь придумаю, и тогда...

Она вдруг упала перед ним на колени, схватила за руки, уронила голову на грудь и горько заплакала. Он отвел глаза в сторону, медленно встал и поднял ее с колен.

— Я, вероятно, останусь еще на две недели, пока Дейвид не закончит свою книгу — разумеется, если он будет нуждаться в моих услугах все это время. Но не беспокойся, я не скажу ему, почему увольняюсь.

Он понизил голос почти до шепота, хотя Дейвид был внизу, в своем кабинете с отличной звукоизоляцией, а служанка спустилась в подвал. Во всяком случае, Пенн так полагал.

— Можешь и сказать почему, мне это без разницы! — заявила она дерзко.

— И без того просто чудо, что он все еще ничего не заметил.

— А ты сможешь быть где-нибудь неподалеку от меня, скажем, ближайшие три месяца, на тот случай, если мне все-таки удастся добиться развода? — спросила она.

Пенн кивнул. Глаза его загорелись, но он только горько усмехнулся.

— Где-нибудь неподалеку от тебя я буду очень долго. Вот только не уверен, хочешь ли ты вообще развода.

Ее лицо сделалось серьезным.

— Ты увидишь! Просто я не хотела раздражать Дейвида. Я боюсь вспышек его бешеного темперамента. Ведь я говорила тебе. Но мне, наверно, нужно перестать бояться. Дальше уже некуда.

Ее голубые глаза смотрели прямо на Пенна.

— Вспомни тот сон, что ты нам рассказывал, — про человека, с которым ты шел вдоль сельской дороги и который вдруг исчез. Ты звал его, звал, но так и не смог найти.

— Помню, — откликнулся он с улыбкой.

— Я хочу, чтобы твой сон стал явью. Я хочу, чтобы Дейвид и ты пошли по дороге и Дейвид просто исчез, уже в этот уик-энд, навсегда и навечно. И тогда я смогла бы быть с тобой.

Слова ее произвели на него странное и пугающее впечатление. Он отпустил ее руку.

— Так просто люди не пропадают. Есть ведь и другие способы... — он собирался добавить, что, например, это — развод, но вдруг умолк.

— Какие же, например?

— Лучше уж я вернусь к своей пишущей машинке. Мне еще надо расшифровать и перепечатать диктофонную запись на полчаса.

Дейвид и Пенн уехали после обеда на следующий день в черном «кабриолете» — с двумя маленькими чемоданчиками, пишу-

щей машинкой, диктофоном и переносным холодильником, в котором было несколько кусков мяса, пиво и другие продукты. Дейвид явно пребывал в прекрасном расположении духа и говорил о замысле новой книги, пришедшем ему этой ночью.

Дейвид Острэндер писал научно-фантастические романы, причем в таких количествах, что ему приходилось пользоваться полудюжиной псевдонимов. Ему редко требовалось больше месяца, чтобы закончить книгу, а работал он двенадцать месяцев в году. У него было множество идей, больше, чем он мог реализовать сам, и он имел обыкновение делиться ими с другими писателями на еженедельных встречах, которые происходили по средам.

Дейвиду Острэндеру исполнилось сорок три. Он был строен и жилист. Лицо его, узкое и аскетичное, казалось высушенным и было изборождено множеством тонких морщинок. Эти морщинки были единственным свидетельством его возраста, но странным образом контраст их с молодой его фигурой производил особенно сильное впечатление. Могло показаться, что все сорок три года своей жизни он провел на сухом безжизненном ветру тех фантастических планет, о которых писал.

Джинни исполнилось двадцать четыре, на два года меньше, чем Пенну. Ее кожа была тонкой и нежной, а губы походили на лепестки мака. Бог мой, сказал себе Пенн, я же навсегда запретил себе думать о ней. Ему больно было представлять, как эти губы целует Дейвид. Как ее угораздило выйти за него замуж? И почему? Может, было что-то такое в интеллекте Дейвида, в его горьком юморе, в его неукротимой энергии, что могло бы привлечь женщину? Конечно, доходы Дейвида были немалыми — но что с того? Джинни, правда, покупала себе красивые платья, но Дейвид никогда не выводил ее в свет. Сами они тоже почти никогда не принимали гостей. И насколько было известно Пенну, путешествовать они тоже не путешествовали.

— Ну, а что вы скажите на это, Пенн? Сине-зеленые водоросли выделяют ядовитый газ, который со временем уничтожит на Земле всю растительность подчистую. Скажите, в каких эмпиреях вы сегодня витаете?

— Я все слышал, — сказал Пенн, не отрывая взгляда от дороги. — Мне следует записать эту идею?

— Да. Впрочем, нет. Я в течение дня еще подумаю над ней.

Дейвид закурил сигарету.

— И все-таки голова у вас чем-то занята, Пенн. Чем же?

Руки Пенна сжали руль еще сильнее. Ну, более удобного момента могло и не выпасть. Две порции виски вечером тоже могли не помочь. А откладывать дальше — просто трусость, подумал Пенн.

— Дейвид, когда книга будет готова, я покину вас, — сказал он решительно.

— О! — откликнулся Дейвид, не высказав, однако, особого удивления. Он глубоко затянулся. — А что, на это есть какая-то особая причина?

— Да. Как я вам рассказывал, мне захотелось самому написать книгу. Ту вещь — про береговую стражу.

Последние четыре года Пенн провел в рядах береговой стражи, что главным образом и послужило причиной приглашения его секретарем к Дейвиду. Дейвид поместил объявление в газете, что ищет секретаря, «предпочтительно — имеющего хорошие познания в сфере службы на флоте».

Первая книга, над которой они работали с Дейвидом, описывала именно флотскую службу, но — в 2800 году, когда весь земной шар уже был поражен радиоактивностью.

Книга Дейвида должна была, по его замыслу, отличаться совершенной точностью в деталях, дабы создать впечатление полной достоверности. Сюжет — тривиальный. Конец — хороший.

— Мне будет неоставать вас, — сказал Дейвид, помолчав. — И Джинни тоже. Она вас очень любит.

В устах любого другого мужчины это замечание прозвучало бы по меньшей мере двусмысленно, но — только не в устах Дейвида, который часто прямо поощрял Пенна, чтобы тот проводил как можно больше времени с Джинни, совершал с ней долгие лесные прогулки вокруг его владений и играл в теннис на площадке позади летнего домика.

— Мне тоже будет неоставать вас обоих, — заверил Пенн. — Разве я променял бы это очаровательное общество на скучную квартиру в Нью-Йорке без крайней необходимости?

— Ладно, не витийствуйте, Пенн. Мы достаточно хорошо знаем друг друга, чтобы витийствовать.

Дейвид потер нос пальцем, пожелтевшим от никотина.

— А что вы скажете на такое предложение: я буду загружать вас только половину дня, а вторую половину можете заниматься собственной работой? Можете занять весь флигель.

Пенн вежливо отказался, пояснив, что просто намерен на некоторое время уехать.

— Джинни это сильно расстроит, — сказал Дейвид больше сам себе.

До охотничьего домика они доехали на закате. Это был маленький и уютный домик из неотесанных бревен. Внутри — камин из камня. Ветви берез и огромных елей тихо пошевеливал осенний бриз. Когда они разобрали багаж и разожгли огонь в камине, чтобы пожарить мясо, минуло уже семь. Дейвид больше молчал, но, кажется, пребывал в веселом расположении духа, будто разговора с Пенном и не было. Перед ужином они пропустили по две порции виски — предельный лимит Дейвида, особенно в те дни, когда он еще собирался работать.

Дейвид, сидя напротив за массивным столом из дерева, бросил на Пенна вопросительный взгляд.

— Вы уже сказали Джинни, что намерны нас оставить?

Пенн кивнул, и ему большого труда стоило проглотить кусок.

— Я сказал ей вчера.

Он вдруг пожалел, что ответил так. Надо было сказать, что еще не говорил. Разве не естественней было бы вначале сообщить

об этом своему работодателю? Взгляд Дейвида выдал, что он задал себе тот же вопрос.

— И как же она отнеслась к этому?

— Сказала, что сожалеет о моем отъезде, — проговорил Пенн, изо всех сил стараясь сохранить безразличный тон и делая вид, что всецело поглощен разрезанием мяса.

— Только-то и всего? Я уверен, это для нее настоящая трагедия!

Пенн весь сжался, словно в него воткнули нож.

— Я ведь не слепой, Пенн. Я знаю, вы вообразили, будто влюблены друг в друга.

— Послушайте, Дейвид, всего минуту, не перебивайте. Если вы думаете...

— Я знаю то, что знаю, и мне этого достаточно! Я знаю, что творится за моей спиной, пока я сижу в своем кабинете или езжу по средам в город на писательские собрания!

В глазах Дейвида засверкали голубые искры, такие же ледяные, как лунные огни в его писаниях.

— Дейвид, ничего за вашей спиной не творится, — сказал Пенн преувеличенно спокойным тоном. — А если сомневаетесь, спросите Джинни.

— Ха!

— Во всяком случае, теперь вы поняли, почему мне лучше уехать. Думаю, вы должны признать это.

— Да уж, как не признать!

Дейвид закурил новую сигарету.

— Я сожалею, что дело зашло так далеко, — помолчав, сказал Пенн. — Джинни очень молода. И кроме того, ей, думаю, довольно скучно. Я не хочу сказать — скучно с вами. Ей скучно вообще, скучна сама жизнь, которой вы ее заставили жить.

— Покорно благодарю!

Слова Дейвида резанули, как удар хлыстом.

Пенн тоже закурил. Оба встали из-за стола. Ни тот, ни другой почти не притрагивались к еде. Пенн молча наблюдал, как Дейвид метался по комнате, словно африканский охотник в зарослях, который готов в любую минуту открыть стрельбу или выхватить нож. Он не доверял Дейvidу. Этот человек был непредсказуем. Впрочем, вспышку гнева нынче вечером следовало ожидать. Другое дело, что Пенн наблюдал ее у Дейвида в первый раз.

— Ну хорошо, Дейвид, повторяю еще раз, я сожалею о происшедшем. И тем не менее, вы не имеете никаких оснований злиться на меня.

— Прекратите эту идиотскую болтовню! Неужто я сам не распознаю негодяя, когда он стоит передо мной!

— Будь вы в той же весовой категории, что и я, — закричал Пенн не в силах более сдерживаться и шагнул к нему, сжав кулаки, — я бы вам сейчас все кости переломал. Вы теперь, наверное, отправитесь домой и наговорите Джинни тех же гадостей. А чего вы, собственно, ожидали, поручая скучающую симпатичную супругу своему секретарю-мужчине и отправляя нас вместе на пикник? Сейчас вы не вправе винить ни ее, ни меня!

Дейвид что-то буркнул себе под нос, повернулся и сказал:

— Пойду пройдусь.

Он вышел из дому и хлопнул тяжелой дверью так, что задрожали стены.

Пенн механически стал убирать со стола посуду и оставшийся нетронутым салат. Сразу же по приезде они включили холодильник, и Пенн аккуратно положил туда масло. Мысль о том, что придется провести ночь под одной крышей с Дейвидом, была ужасна, но куда пойдешь еще? Ближайший город в восьми километрах, а машина у них была одна на двоих.

Внезапно дверь распахнулась. Пенн даже чуть не выронил кофейник.

— Пойдем проветримся! — сказал Дейвид. — Наверно, это будет на пользу нам обоим.

Он сказал это совершенно серьезно, без тени улыбки.

Пенн снова поставил кофейник на печку. Гулять с Дейвидом ему хотелось меньше всего, но прямо отказать он не отважился.

— А у вас есть фонарик?

— Нет, но его и не требуется. Светит луна.

Они вышли, дошли до машины, затем зашагали по неровной и грязной дороге, которая вела через лес к автостраде.

— У нас сейчас полнолуние, — пояснил Дейвид. — Вам не составит труда проделать небольшой эксперимент? Пройдите вон туда, где достаточно светло, я хочу поглядеть, насколько мне удастся различить ваше лицо и узнать вас с расстояния в тридцать метров. Вы помните, это для того рассказа, про Фаро.

Пенн кивнул. Он помнил. Стало быть, они вернулись к работе над книгой, и, может быть, им удастся сегодня еще поработать несколько часов, когда возвратятся. Это был бы наилучший выход. Пенн начал считать, делая большие шаги.

— Вот так, отлично, идите, идите! — крикнул Дейвид ему вслед.

Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Пенн остановился и повернулся кругом. Дейвида он не увидел.

— Эй! Вы где?

Никакого ответа.

Пенн вымученно улыбнулся и сунул руки в карманы.

— Вы видите меня, Дейвид?

Молчание. Пенн медленно двинулся к тому месту, где он в последний раз видел Дейвида. Маленькая шутка, подумал он. Несколько оскорбительная шуточка, но он решил не обращать внимания.

Он вернулся к охотничьему домику, так как был уверен, что Дейвид уже там. Наверно, уже расхаживает по комнате, размышляя о новой книжке, а может, даже начал записывать что-то на диктофон. Но когда Пенн вошел в дом, там никого не оказалось.

Из маленькой угловой комнатки, в которой они обычно работали, не доносилось ни звука. Как и из той комнаты, где всегда спал Дейвид. Пенн закурил сигарету, взял газету и опустился в единственное кресло. Он старательно пытался понять смысл написанного, докурив при этом сигарету до фильтра, обжег пальцы и закурил новую. Докурив и ее, встал. Он был страшно сердит и

одновременно растерян. Подошел к двери и снова крикнул с порога:

— Дейвид!

Он крикнул что было сил, потом подошел к машине и заглянул внутрь. Затем вернулся в домик и методично обыскал его весь, даже посмотрел под кроватями.

Что Дейвид задумал? Вернуться посреди ночи и убить его спящего? Нет, это было бы уж совсем безумно. Впрочем, его писательские фантазии тоже достаточно безумны...

Вдруг Пенн вспомнил тот свой сон. Он вспомнил вдруг, какой острый интерес мгновенно вспыхнул в глазах Дейвида тогда вечером, стоило ему этот сон рассказать.

— Кто был тот человек, который шел с вами? — спросил тогда Дейвид. Но Пенн во сне не мог разобрать, кто это был. Кто-то вообще. Непонятно кто.

— Наверное, это был я, — сказал Дейвид, и в глазах его сверкнули голубые молнии. — Наверное, у вас есть подсознательное желание, чтобы я исчез, Пенн.

Ни Джинни, ни он не сказали в ответ ни слова, как осознал сейчас Пенн, вспомнив это мгновение со всей отчетливостью. И после он не поговорил об этом с Джинни, когда они остались вдвоем. Впрочем, дело давнее, не меньше двух месяцев прошло.

Пенн отогнал от себя эти мысли. Наверное, Дейвид спустился к озеру, чтобы немного побыть в одиночестве, просто не сказал ему. Пенн вытер посуду, сходил в душ и залез в постель. Было десять минут первого. Он, собственно, думал, что всю ночь не сможет сомкнуть глаз, но две минуты спустя уже спал.

Хриплые крики диких уток разбудили его в половине седьмого утра. Он надел халат и отправился в ванную. Полотенце Дейвида, которое он накануне вечером бросил на вешалку, было нетронутым. Пенн подошел к комнате Дейвида и постучал. Затем приоткрыл дверь и заглянул в щелку. Обе двухъярусные кровати стояли заправленные. Пенн наскоро умылся, оделся и вышел на улицу.

Он обошел все кругом слева и справа от дороги — там, где видел Дейвида в последний раз. Он искал следы на влажном ковре из еловых иголок. Спустился к озеру и обследовал болотистый берег, но не нашел ничего — ни следа, ни окурка.

Он крикнул Дейвида, крикнул три раза, затем сдался.

Было семь тридцать, и он поехал на машине в ближайший городок, Кройдон. На доме между парикмахерской и оптовой москательной лавочкой отыскал прямоугольную вывеску «Полиция», припарковал машину, вошел в участок и рассказал всю историю. Он ожидал, что полиция будет обыскивать охотничий домик. Так оно и вышло. Пенн на машине Дейвида поехал вперед, показывая двум полицейским дорогу.

Оба они слыхали о Дейвиде Острэндере раньше, но не как о писателе, а как о владельце одного из немногих охотничьих домиков в этих краях. Пенн показал им место, где он в последний раз видел Дейвида, и объяснил, что тот хотел проэкспериментиро-

вать — выяснить, как видно человека при луне с расстояния в тридцать метров.

— Как долго вы уже проработали у мистера Острэндера?

— Четыре месяца. Три месяца и три недели, если быть точным.

— Он был выпивши?

— Он выпил две порции виски. Это его норма. Я выпил столько же.

Затем они подошли к озеру и все осмотрели.

— Мистер Острэндер женат? — спросил один из них.

— Да, его жена дома. У них городской дом в Стоунбридже, штат Нью-Йорк.

— Тогда лучше будет оповестить ее.

В охотничьем домике телефона не было. Пенн хотел остаться на случай, если Дейвид все-таки объявится, но полицейские предложили ему поехать с ними в участок, и Пенн не стал возражать. По крайней мере, там он будет присутствовать при телефонном разговоре с Джинни, да и сам сможет сказать ей пару слов.

Конечно, не исключалась возможность, что Дейвид решил вернуться в Стоунбридж и уже находится дома. Автострада, в конце концов, проходила всего в пяти километрах, и Дейвид мог сесть на автобус или «проголосовать», чтоб его подвезли. С другой стороны, Пенн не мог себе представить, чтобы Дейвид Острэндер поступил столь примитивно.

— Послушайте, — обратился Пенн к полицейским, прежде чем сесть в машину Дейвида. — Мне кажется, я должен сказать вам, что у мистера Острэндера есть некоторые странности. Он пишет научно-фантастические романы. Я, правда, не знаю, зачем ему это нужно, но думаю, что он вчера вечером пропал намеренно. Едва ли его похитили или на него напал медведь, или что-то в этом роде.

Полицейские задумчиво поглядели на него.

— О'кей, мистер Ноултон, — сказал один из них. — Поезжайте перед нами.

Вернувшись в участок, они набрали номер, который им дал Пенн. Трубку взяла Ханна, служанка. Пенн, стоя в двух метрах от аппарата, мог узнать ее резкий голос с сильным немецким акцентом. Потом к телефону подошла Джинни.

Полицейский сообщил ей, что Дейвид Острэндер исчез в десять часов минувшей ночью, и спросил, нет ли у нее каких-либо известий от мужа. Голос Джинни звучал испуганно. Пока полицейский слушал ее, он не сводил глаз с Пенна.

— Да... Как вы сказали?... Нет, никаких следов крови или чего-то в этом роде. Поэтому мы вам и звоним.

Затем полицейский надолго умолк. Он постукивал карандашом по бумаге, но ничего не записывал.

— Понимаю... понимаю... Мы дадим вам знать, миссис Острэндер.

— Можно мне поговорить с ней?

Пенн потянулся к телефонной трубке.

Полицейский колебался было, но сказал:

— До свидания, миссис Острэндер.

И положил трубку.

— Итак, мистер Ноултон, можете ли вы поклясться, что история, рассказанная вами, соответствует действительности?

— Абсолютно.

— Судя по тому, что я сейчас услышал, у вас были очень серьезные основания устранить мистера Острэндера. Ну, и как же вы это сделали?

Полицейский оперся о стол и навис над Пенном.

— Это вам сказала миссис Острэндер?

— Она сказала, что вы влюблены в нее и что она опасается, как бы у вас не возникло желания устранить ее мужа.

Пенн пытался сохранять спокойствие.

— Я собирался уволиться, чтобы избежать этой ситуации. Я вчера сообщил мистеру Острэндеру об увольнении и то же самое сказал его жене днем раньше.

— Значит, вы открыто признаете, что такая ситуация была?

Полицейских в комнате стало уже четверо, и все они недоверчиво взирали на него.

— Миссис Острэндер, естественно, взволнована, — сказал Пенн. — Она не понимает, что говорит. Разрешите мне, пожалуйста, переговорить с ней.

— У вас будет такая возможность, когда она приедет сюда.

Полицейский снова сел за стол и взял в руку карандаш.

— Ноултон, мы задерживаем вас по подозрению в убийстве. Сожалею, но мы вынуждены это сделать.

Они допрашивали его до часу дня. Затем принесли ему бутерброд с котлетой и картонный стаканчик с жидким кофе. После обеда снова спрашивали, не было ли в охотничьем домике ружья, не бросил ли он труп Дейвида в озеро вместе с ружьем, из которого застрелил его.

— Вы же сами сегодня обошли пол-озера, — отвечал им Пенн. — Разве там были какие-то следы?

К этому моменту он уже рассказал про свой сон и выразил предположение, что Дейвид Острэндер, возможно, попытался превратить сон в действительность, но это соображение только вызвало у них очередные недоверчивые улыбки. Рассказал о чувствах, которые питал к Джинни, равно как и о надеждах, которые были равны нулю.

Пенн не сказал, что Джинни призналась ему в ответной любви. Он просто был не готов выложить этим хладнокровным чиновникам самое сокровенное.

Они занялись его прошлым. Раньше у него не было ни судимостей, ни провинностей. Он родился в Релее, штат Вирджиния, после окончания университета защитил диссертацию, год работал журналистом в балтиморской газете и после этого четыре года прослужил в береговой страже. Весьма достойный жизненный путь — по крайней мере, полицейские ему поверили, кажется.

Но странное дело — они совершенно не верили в его безупречное-благородное поведение по отношению к Острэндеру. Он был влюблен в миссис Острэндер и, несмотря на это, хотел уво-

литься? И не строил никаких планов на будущее, связанных с ней?

— Ну, спросите тогда ее, в конце концов! — устало сказал Пенн.

— Спросим и ее, — ответил полицейский, которого остальные звали Мак.

— Она знает и про тот сон, что я вам рассказывал, — продолжил Пенн. — Спросите ее наедине, если мне не верите.

— Вот что, Ноултон, — сказал Мак. — Нас не интересуют какие-то глупые сны. Нас интересуют факты.

Джинни приехала после трех. Пенн на миг увидел ее через решетку камеры, в которой его заперли. У него вырвался вздох облегчения. Она выглядела совершенно спокойной и полностью владела собой. Полицейские увели ее в другую комнату и беседовали там минут десять. Потом они вернулись и открыли дверь камеры Пенна. Когда он подошел к Джинни, она смерила его взглядом, полным такой ненависти, что у него все оборвалось внутри. Он хотел было сказать: «Привет, Джинни!» — но слова застряли в горле.

— Миссис Острэндер, повторите, пожалуйста, что он сказал вам позавчера, — предложил Мак.

— Да, я могу повторить. Он сказал мне: «Я хочу, чтобы Дейвид исчез, как тот человек в моем сне. Я хочу, чтобы он исчез из моей жизни, чтобы мы смогли быть вместе».

Пенн изумленно уставился на нее.

— Джинни! Но ведь это сказала ты, а не я!

— Вот что! Единственное, чего мы все здесь хотим — узнать от вас, Ноултон, что вы сделали с моим мужем?

— Джинни, — проговорил Пенн в полном отчаянии. — Я не знаю, зачем ты все это говоришь. Я могу повторить любое слово из нашего разговора тогда, позавчера вечером, начиная с того момента, как я сказал тебе об увольнении.

— Мой муж просто вышвырнул его — из-за чересчур большого внимания, которое он уделял мне!

Джинни зло посмотрела сначала на Пенна, затем на всех вокруг. Пенн почувствовал, что ему становится дурно. Джинни вела себя как сумасшедшая, или как жена, полагающая, что перед ней убийца ее мужа. Он вдруг вспомнил о ее чудовищном самообладании. Как-то раз он поцеловал ее, а буквально секунду спустя вошел Дейвид. Джинни и бровью не повела. Она — прирожденная актриса. И сейчас тоже разыгрывает спектакль перед ним и перед полицейскими.

— Это ложь, — сказал Пенн. — И ты это знаешь.

— И то, что она сказала про ваше намерение избавиться от ее мужа — тоже ложь? — спросил Мак.

— Это она выражала такое намерение, а не я, — сказал Пенн, у него подгибались колени. — Именно потому я и хотел уволиться. Я не хотел разрушать семью, которая...

Внимательно слушавшие полицейские разом улыбнулись.

— Мой муж и я очень любили друг друга, — сказала Джинни. Потом опустила голову и горько зарыдала. Получилось очень натурально.

Пенн повернулся к столу.

— Ну хорошо, запирайте меня. Я с удовольствием останусь здесь, пока Дейвид Острэндер не объявится — готов держать любое пари, что он жив.

Пенн прижал ладони к холодной стене камеры. Он был уверен, что Джинни уже покинула участок. Но это единственное, в чем он был уверен.

Что за странная женщина эта Джинни?! Выходит, она все же любила Дейвида. Может быть, за его талант писателя или за дисциплину и работоспособность. Или за то, что он любил ее. А что она представляла собой, в конце-то концов?

Симпатичная молодая женщина, не снискавшая признания на актерском поприще (исключая, возможно, сегодняшний день). Женщина, интересы которой не настолько богаты, чтобы она умела занять себя, пока ее муж по двенадцать часов в сутки работает. Потому и начала флиртовать с секретарем мужа.

Пенн вспомнил, что Джинни рассказывала ему, как пять месяцев назад уволился их шофер. С тех пор муж так и не нанял нового. Пенн спросил себя: «А не по той ли самой причине он уволился? Или его выгнал Дейвид?» Пенн мало-помалу вообще уже перестал верить всему, о чем ему когда-либо рассказывала Джинни.

Вдруг кошмарная мысль пришла ему в голову.

Что, если Джинни совсем не любила мужа? И когда сегодня ехала в Кройдон — завернула в охотничий домик, встретила его там и застрелила? Или, может, встретила его в лесу или где-то поблизости и подстроила все так, чтобы труп нашли позднее, а убийство приписали ему? И она бы разом отделалась и от него, и от Дейвида! Вдруг дома у них, в Стоунбридже, и в самом деле было ружье, которое она взяла с собой?

Любила Джинни Дейвида или ненавидела? От ответа на этот мучительный вопрос сейчас зависела судьба Пенна. Ведь если Джинни сама убила мужа... И все-таки: как в таком случае объяснить добровольное исчезновение Дейвида прошлой ночью?

Пенн услышал шаги в коридоре и поднялся.

Прямо перед его камерой остановился Мак.

— Вы сказали правду, Ноултон? — спросил он неуверенно, тихим голосом.

— Да.

— Тогда самое худшее, что вам грозит — провести в тюрьме денег-другой, пока Острэндер не отыщется.

— Я надеюсь, вы его ищете?

— Ищем по всей стране и будем искать по всему свету, если понадобится.

Он собрался было идти, но обернулся.

— Вот что. Принесу-ка я вам грушу получше и что-нибудь почитать. Если у вас, конечно, есть настроение.

Все следующее утро никаких вестей не было. Потом, около четырех дня, пришел полицейский и открыл дверь камеры.

— Что случилось? — спросил Пенн.

— Острэндер появился у себя дома в Стоунбридже, — сказал полицейский и слегка улыбнулся. Пенн улыбнулся тоже и пошел за ним в помещение участка.

Мак приветствовал его кивком.

— Мы как раз звонили домой мистеру Острэндеру. Полчаса назад он пришел домой. Говорит, что устроил длительную прогулку, чтобы поразмышлять на природе, и совершенно не понимает, почему из-за этого разгорелся такой сыр-бор.

Рука Пенна подрагивала, когда он подписывал бумаги о своем освобождении. Он боялся возвращаться в охотничий домик за вещами. Точно так же его страшила та неотвратимая минута, когда ему придется еще раз появиться в Стоунбридже, чтобы забрать все свое.

«Кабриолет» Дейвида стоял у края тротуара, где Пенн припарковал его накануне. Он сел в машину и поехал в направлении охотничьего домика. Там упаковал свои вещи и погрузил чемодан в машину. Диктофон хотел взять тоже, но после некоторых колебаний все-таки решил оставить. Что делать с вещами Дейвида, он не знал.

Пока ехал на юг, к Стоунбриджу, Пенн убедился, что все еще не может разобраться в своих чувствах. Он так и не решил, что должен думать обо всем и как должен на это реагировать. Что делать при встрече с Джинни? Промолчать? Или спросить, почему она так странно вела себя? А при виде Дейвида просто трудно будет удержаться, чтобы не спросить, развлекла ли его эта милая шутка.

Пенн сильнее нажал на газ, но вдруг снова резко сбавил скорость.

«Мне нельзя волноваться, — сказал он себе. — Я совершенно спокойно заберу свои вещи и так же спокойно исчезну».

В гостиной горел свет, и в комнате у Джинни тоже. Было около девяти. В это время они обычно заканчивали ужинать и сидели после за кофе в гостиной. Но чаще Дейвид сразу же уходил в свой кабинет и начинал работать. Окно кабинета выходило на другую сторону дома, и Пенн не мог его видеть. Он позвонил.

Дверь открыла Ханна.

— Мистер Ноултон! — воскликнула она. — А мне говорили, что вы уехали совсем.

— Я и уезжаю совсем, — сказал Пенн. — Мне только надо забрать свои вещи.

— Так заходите же, сэр! Мистер и миссис Острэндер в гостиной. Я пойду доложу им! — она быстро затопала прочь, он не успел ее остановить.

Пенн пошел за ней через большое фойе. Он хотел только на секунду взглянуть на Дейвида, и все. Пенн остановился в дверях. Дейвид и Джинни сидели рядышком и смотрели на него. Рука Дейвида лежала на спинке софы. Когда Ханна доложила о приходе Пенна, он опустил ее на талию Джинни. Джинни не выказывала ни малейшей реакции, спокойно продолжая курить сигарету.

— Входите, Пенн! — улыбаясь, сказал Дейвид. — Что вы там стоите?

— Я только хотел забрать свои вещи, если позволите.

— Если позволю, — передразнил его Дейвид. — Конечно, позволю, Пенн!

Он встал и взял за руку Джинни, чтобы продемонстрировать Пенну, насколько они сблизились в последнее время.

— Скажи ему, пусть забирает свои вещи и убирается, — заявила Джинни и бросила сигарету в пепельницу. Собственно, голос ее звучал не сердито, а скорее нежно воркующе. Но было заметно, что она выпила.

Дейвид подошел к Пенну. Все его многочисленные морщинки, казалось, лучились.

— Я пойду с вами, может, помогу упаковаться.

Пенн неловко повернулся и пошел в свою комнату наверху, в конце коридора. Там он достал из шкафа огромный чемодан и повернулся к комоду, в верхнем ящике которого лежали носки и пижамы. Затылком он ощущал, как тигриные когти, насмешливую улыбку Дейвида.

— Где вы спрятались нынче ночью, Дейвид?

— Спрятался? Нигде! — хихикнул тот. — Просто я решил чуточку прогуляться. Мне хотелось узнать, что из этого выйдет. Все вышло так, как я и предвидел.

— Как это надо понимать?

Руки Пенна дрожали, когда он открывал верхний ящик.

— Мне хотелось посмотреть, как поведет себя Джинни, — сказал Дейвид. — Я знал, что она будет не на вашей, а на моей стороне. Такие дела бывали и раньше, знаете ли. Вы были идиотом, когда думали, что она разведется со мной, чтобы принадлежать вам. Абсолютным идиотом!

Пенн повернулся с кипой аккуратно сложенных рубашек в руках.

— Послушайте, Дейвид. Я не собираюсь претендовать на Джинни, я просто хочу исчезнуть отсюда.

— Не рассказывайте мне сказок! Вы все время флиртовали тут за моей спиной, за спиной того, кто дал вам работу! Эти штучки случались и раньше.

Пенн с размаху бросил рубашки в чемодан.

— Как это понимать? Какие «штучки случались и раньше»?

— А с нашим прежним шофером. И с моим прежним секретарем. Я даже взял бы секретаршу, знаете ли, но Джинни просто обожает такие маленькие драмы. Они нужны нам для того, чтобы острее чувствовать любовь друг к другу. А кроме того, они разгоняют ее скуку. Вы же видели, как чудесно повела себя Джинни по отношению ко мне. Она считает, что вы совершенный идиот.

Дейвид засмеялся и поднес сигарету ко рту. Спустя мгновение кулак Пенна с невероятной силой обрушился на его подбородок. Ноги Дейвида мелькнули в воздухе, и голова его глухо стукнулась о стену — в двух метрах от того места, где он стоял.

Пенн бросил остатки своих вещей в чемодан и сердито захлопнул крышку. Потом взял чемодан с кровати и пошел к выходу.

Джинни преградила ему дорогу.

— Что ты с ним сделал?

— К сожалению, не то, чего мне очень хотелось бы.

Джинни пробежала мимо него к Дейвиду, и Пенн вышел из комнаты.

Ханна, торопясь, поднималась снизу.

— Что-то случилось, мистер Ноултон?

— Ничего серьезного. До свидания, Ханна, — сказал Пенн, пытаясь смягчить интонацию своего голоса.

— Спасибо вам за все! — добавил он, идя ко входной двери.

— Он мертв! — закричала Джинни жалобно.

Ханна побежала к ней в комнату. Пенн поколебался было, но все-таки пошел к выходу. Маленькая притворщица! Все отдаст, лишь бы только разыграть трагедию, хлебом ее не корми!

— Держите его! — продолжала кричать Джинни. — Ханна, он пытается бежать!

Пенн поставил чемодан и пошел обратно. Он собрался поднять Дейвида и поддержать его голову под холодной водой.

— Он жив, — сказал Пенн, быстро входя в комнату.

Ханна стояла рядом с Дейвидом. Ее лицо было совершенно расстроенным, в любой момент она готова была разразиться рыданиями.

— Да нет, он мертв, мистер Ноултон.

Пенн нагнулся, чтобы поднять Дейвида, но отдернул руку, так и не коснувшись его. Что-то блестящее торчало у того в горле, и Пенн узнал, что это. Это был его собственный ножичек для разрезания бумаг, который он забыл забрать.

Джинни истерически захохотала, стоя за его спиной. Или это было рыдание?

— Ты чудовище! — закричала она. — Ты хитер, я знаю, ты, конечно, стер отпечатки своих пальцев. Но это тебе не поможет, Пенн! Ханна, сейчас же вызывай полицию. Скажи им, что у нас здесь убийца!

Ханна в ужасе уставилась на нее.

— О, конечно, я вызову полицию, мэм. Но ведь это вы вытирали рукоятку ножика. Вы вытирали ее своим подолом, как раз когда я вошла в комнату!

Пенн посмотрел на Джинни. Да, они, как видно, еще не все сказали друг другу.

ЧУДО МАК-КОУНИ

Я нашел его в конце концов совершенно случайно. Он поджидал трамвай на Пауэлл-стрит, почтенного вида невысокий человек лет шестидесяти, в черном пальто и серой фетровой шляпе. Скрестив руки на груди, как священник, благословляющий орду язычников, он выглядел очень спокойным и даже отрешенным от остальной толпы. Но я знал, что этот человек не священник.

Пелена тумана окутала Сан-Франциско, она приглушала стук колес и делала тусклыми огни трамваев.

Я подошел к Мак-Коуни и произнес: «Добрый вечер».

Казалось, он не узнал меня. «Добрый вечер, сэр! — ответил он с легкой улыбкой. — Весьма любезно с вашей стороны столь дружески приветствовать незнакомого человека».

На какое-то мгновение мне подумалось, что я ошибся. Каждому ведь доводилось слышать о людях, похожих друг на друга как две капли воды. К тому же я не видел Мак-Коуни с начала июля. Но одну из своих главных отличительных черт Мак-Коуни все-таки изменить не смог: его голос звучал все так же гортанно и с пафосом, обычно свойственным служащим похоронных бюро.

Он слегка коснулся пальцами своей шляпы и быстро зашагал по Пауэлл-стрит, при этом его пальто било по тонким ногам, подобно перебитому крылу.

Однако вскоре он остановился и обернулся, чтобы посмотреть, следую ли я за ним. Я же действительно шел следом. Тогда он двинулся дальше, покачав головой, как будто и в самом деле не понимал истинной причины моего интереса к нему.

На следующем углу он остановился возле магазина. И, когда я приблизился, он хмуро поглядел на меня.

— Не знаю, почему вы преследуете меня, молодой человек, но...

— Почему бы вам не спросить меня об этом, Мак-Коуни?

Но спрашивать он явно не собирался. Он лишь удивленно повторил свое имя.

— Меня зовут Эрик Михам, я адвокат миссис Китинг. Кажется, мы с вами однажды встречались.

— Я встречался со многими людьми. Одни мне запомнились, другие — нет.

— Но вы, наверное, помните миссис Китинг. Вы организовывали ее похороны.

— Конечно, конечно. Замечательная женщина. Действительно замечательная женщина. Ее кончина наполнила печалью сердца тех, кому посчастливилось знать ее и кто помнил прелесть ее улыбки...

— Бросьте, Мак-Коуни. Миссис Китинг была ехидной старухой. Язык, как бритва. Во всем мире у нее не было ни единого друга.

Он отвернулся от меня, но его лицо отражалось в стекле, как в зеркале, и я видел — оно было напряженным и крайне испуганным.

— Вы так далеко уехали от своего дома, Мак-Коуни.

— Теперь мой дом здесь.

— Вы покинули Арбану так внезапно.

— Вовсе не внезапно. Уже двадцать лет я мечтал уехать отсюда и, когда подошло время, осуществил свое намерение. Тогда, правда, было лето, но я все время думал о грядущей зиме, когда все будет увядать и умирать. А смертями я был сыт по горло.

— Миссис Китинг была вашей последней клиенткой?

— Да.

— На прошлой неделе ее эксгумировали.

Битком набитый трамвай взбирался в гору, раскачиваясь, словно пьяная лошадь. Неожиданно Мак-Коуни выскочил на проезжую часть и помчался вдогонку за вагоном. Несмотря на преклонный возраст, ему удалось настичь трамвай, однако тот был так переполнен, что он не смог прицепиться. Мак-Коуни остановился и замер прямо посередине улицы, провожая глазами задние огни вагона, постепенно исчезающие на вершине холма. Затем он, не обращая внимания на сигналы и крики водителей автомашин, медленно побрел назад к тротуару, где его ждал я.

— Вам не убежать, Мак-Коуни.

Он устало посмотрел на меня, не сказав ни единого слова. Затем достал из кармана грязный носовой платок и вытер вспотевший лоб.

— Результат эксгумации не может быть для вас неожиданным, — заметил я. — Ведь это вы написали анонимное письмо, в котором предлагали провести ее. Оно было отправлено из Беркли*. Поэтому-то я сюда и приехал.

— Никакого письма вам я не писал.

— Полученная мной информация могла исходить только от вас.

— Нет. Ею располагал еще один человек.

— Кто же?

— Моя... жена.

— Ваша жена?

* Пригород Сан-Франциско. — Прим. перев.

Подобного ответа я ожидал меньше всего. Миссис Мак-Коуни и их единственная дочь умерли во время эпидемии гриппа вскоре после окончания первой мировой войны. Совсем привычная история, из тех, какие еще и сегодня рассказывают о городках типа Арбана, хотя с тех пор минуло уже тридцать пять лет. После демобилизации Мак-Коуни оказался безработным, и у него не было денег на двойные похороны. Когда владелец похоронного бюро предложил ему место своего помощника, чтобы отработать долг, Мак-Коуни согласился. И всякий знал, что после смерти своей жены он так и не посмотрел ни на одну женщину, кроме, конечно, тех, с которыми ему приходилось иметь дело по роду занятий.

— Так вы снова женились, — сказал я.

— Да.

— Когда?

— Полгода назад.

— Значит, сразу же после того, как вы покинули Арбану?

— Да.

— Быстро же вы начали новую жизнь.

— Мне нельзя было поступить иначе. Ведь я уже не молод.

— Вы женились на ком-то из местных?

— Да.

И лишь потом я понял, что он имеет в виду женщину из Арбаны, а не из Сан-Франциско, где я его нашел.

— Так вы полагаете, что это ваша жена отправила мне анонимное письмо?

— Да.

Зажглись уличные фонари, уже смеркалось и заметно похолодало. Мак-Коуни поднял воротник пальто и надел вытянувшиеся белые перчатки из хлопка. Я уже не раз видел его в таких перчатках. Они являлись столь же неотъемлемым атрибутом его профессии, как гортанный голос и неистощимый запас сентиментальных сентенций.

Он заметил, что я пристально разглядываю его перчатки, и произнес извиняющимся тоном:

— Денег вечно не хватает. Ко дню рождения жена вяжет мне шерстяные перчатки.

— Она не работает?

— Нет.

— Для человека с вашим опытом, наверное, несложно найти работу по вашей специальности.

Я был почти уверен, что он так и не попытался найти ее. За последние дни я обзвонил практически все местные похоронные бюро. Ни в одном из них Мак-Коуни не появлялся.

— Я не хочу больше такой работы, — заявил Мак-Коуни.

— Но ведь это единственное, что вы умеете делать.

— Да. Но я больше не верю в смерть.

Он сказал это так просто и буднично, будто заявил: «Я больше не играю в очко». Или: «Я больше не ем соленых орешков». Ни о смерти, ни о картах, ни о соленых орешках беседовать я не был готов и поэтому просто сказал:

— Моя машина стоит в гараже отеля «Кантербюри». Давайте возьмем ее, и я отвезу вас домой.

Мы пошли в сторону Саттер-стрит. Поток пешеходов еще более увеличился за счет целой армии конторских служащих, закончивших свой рабочий день. Однако вся эта людская масса, шум и толкотня Мак-Коуни, казалось, совершенно не трогали. Он спокойно шагал рядом со мной и отрешенно, молча улыбался, как всякий человек, наделенный способностью время от времени покидать этот мир и переноситься на какой-то далекий островок счастья. Мне бы очень хотелось знать, где находится островок Мак-Коуни и кто живет там вместе с ним. Ясно было только одно: на островке Мак-Коуни не существовало смерти.

Вдруг он произнес:

— Должно быть, это было тяжело.

— Что именно?

— Провести эксгумацию. Ведь зимой там, на Востоке, земля промерзает и становится как камень. Я полагаю, мистер Михам, вы не присутствовали при этом?

— Вы ошибаетесь.

— Господи! Это удовольствие — на любителя!

— По моему мнению, никакому любителю эта процедура удовольствия не доставила бы. Кладбище тогда было белым-бело от снега, выпавшего ночью. Как раз рассвело, если можно назвать рассветом тусклые проблески. На простом гранитном надгробии было высечено: «Элеонора Регина Китинг, 3 октября 1899 — 30 июня 1953 года. Добрая душа оставила тело, любимый голос смолк».

Добрая душа действительно отправилась на небо. Но когда мы два часа спустя подняли и открыли гроб, оттуда ударил отнюдь не запах брэнной оболочки, тронутой посмертным тлением, а запах старых прелых газет и камней, покрытых серо-зеленой плесенью. Вы догадываетесь, Мак-Коуни, что мы обнаружили в гробу?

— Разумеется. Я ведь сам устраивал ее погребение.

— То есть вы один несете всю ответственность за то, что в землю был опущен пустой гроб?

— Нет, не я один.

— Кто был вашим сообщником? И почему вы это сделали?

Он лишь покачал головой. Мы остановились в ожидании зеленого сигнала светофора. Я внимательно разглядывал лицо Мак-Коуни, пытаюсь определить, не безумен ли он. В его поступках не было логики. Миссис Китинг умерла совершенно обычно от сердечного приступа и, в соответствии со своим завещанием, была похоронена в закрытом гробу. Ничего нельзя было поставить в вину и доктору, подписавшему свидетельство о смерти. В тот день он случайно оказался в доме миссис Китинг, поскольку был вызван к ее простудившейся старшей дочери Мэри. Этот врач и осмотрел миссис Китинг, засвидетельствовал ее кончину и послал за Мак-Коуни. Два дня спустя я пригласил Мэри на похороны, хотя она все еще шмыгала носом, не знаю уж, от горя ли или из-за простуды. Мак-Коуни был, как всегда, корректен. Он только отсоветовал сразу класть тело миссис Китинг в гроб.

Прошло время. Никто особенно не печалился по поводу смерти миссис Китинг. Она была несчастной женщиной, духовно и морально превосходившей своего мужа, который погиб в пьяной дра-

ке в Новом Орлеане, и обеих дочерей, похожих на своего отца. В течение трех последних лет я был адвокатом миссис Китинг. С удовольствием беседовал с ней. У нее был острый ум и незаурядное чувство юмора. Но, как многие другие богатые люди, не познавшие радости труда и чувства удовлетворения от хорошо выполненной работы, миссис Китинг превратилась в скучную и одинокую женщину. Она выдавала свое отчаяние и одиночество за строгую нравственность и жила воспоминаниями, преимущественно горькими.

Сразу же после смерти миссис Китинг Мак-Коуни продал свое похоронное бюро и уехал из города. Никто в Арабане не стал связывать вместе эти два события, пока не пришло письмо из Беркли, как раз перед вступлением завещания миссис Китинг в законную силу. В этом послании, адресованном на мое имя, содержалось требование провести эксгумацию и объявить завещание недействительным, поскольку нет доказательств смерти миссис Китинг. Мне никак не приходило в голову, почему новая жена Мак-Коуни должна была написать подобное письмо. Разве что муж надоел ей до чертиков, и она выбрала столь сложный способ избавиться от него.

Но вот, наконец, загорелся зеленый свет, мы с Мак-Коуни перешли улицу и стали ждать возле отеля, пока портье выведет мою машину. Я не смотрел на Мак-Коуни, но чувствовал, что он исподтишка наблюдает за мной.

— Вы, Михам, наверное, думаете, что я сумасшедший?

Я не ожидал такого вопроса. Мне стоило большого труда сохранить невозмутимый вид.

— А я, Михам, не берусь утверждать, что абсолютно нормален. А вы?

— Я стараюсь быть нормальным.

Мак-Коуни положил свою кисть в растянутой белой перчатке на мою руку. Я заставил себя ее не сбрасывать. Она походила на подстреленного голубя.

— Но давайте допустим, что вы вдруг сделали весьма странное открытие.

— Как, вы?

— Да. Я испытал сильнейший шок, хотя всегда чувствовал, что в один прекрасный день это произойдет. Я все время думал об этом. Каждый раз, когда приходилось видеть покойника. Можно даже сказать, что я желал этого.

Меня бросило в холодный пот.

— Чего вы желали, Мак-Коуни?

— Я хотел, чтобы они вновь ожили.

Тут я увидел, что портье мне машет рукой. Моя машина с работающим двигателем стояла у тротуара.

Я сел за руль, Мак-Коуни нехотя влез в машину. Он, кажется, уже пожалел, что сказал мне слишком много.

— Вы мне не верите, — заметил Мак-Коуни, когда мы отъехали.

— Я адвокат. Привык верить только фактам.

— Но ведь факт — то, что однажды произошло?

— Совершенно верно.

— Так вот, это и произошло однажды.

— Вы хотите сказать, что она ожила?

— Да.

— И это произошло только благодаря вашему страстному желанию?

Он беспокойно заерзал на сидении:

— Я ввел ей адреналин и дал кислород.

— С другими клиентами вы проделывали то же самое?

— Чаще всего да.

— Подобные действия являются общепринятыми?

— Для меня это было обычным делом, — со всей серьезностью ответил Мак-Коуни. — Я всегда мечтал стать врачом. Во время войны я служил в санитарной части, там и получил небольшие познания в медицинской области.

— Небольшие, но достаточные, чтобы творить чудеса?

— Я не обладал возможностью вернуть ее к жизни. Я только очень хотел этого. Она просто утратила волю к жизни, но у меня ее вполне хватало на двоих.

Если между здравым смыслом и безумием действительно проходит лишь тоненькая грань, то за последний час Мак-Коуни пересекал ее многократно. Он перепрыгивал эту пограничную линию с легкостью ребенка, которым, без сомнения, оставался в душе.

— Теперь-то вы поняли, Михам? Она потеряла желание жить. Я видел, как это произошло. Мы никогда не разговаривали с ней, она и имени-то моего, наверное, никогда не слышала, однако я наблюдал за ней в течение ряда лет, поскольку во время утренних прогулок она проходила вблизи моего бюро. Я видел, как взгляд ее становился все более печальным и как тяжелела походка. Я понимал, что скоро она умрет. Однажды я вышел, чтобы сказать ей об этом, чтобы предостеречь. Но, увидев меня, она пустилась бежать. Наверное, догадалась, что я хочу ей сказать.

Он говорил сущую правду, по крайней мере, такой она ему представлялась. Поздней весной миссис Китинг действительно говорила мне о подобном происшествии. Мне вспомнились ее слова: «Сегодня утром, Михам, со мной случилось нечто необычное. Когда я проходила мимо похоронного бюро, оттуда выскочил странный человек небольшого роста и напугал меня чуть ли не до смерти...»

Учитывая то, что вскоре произошло, нельзя было не заметить присутствовавшую во всем этом чудовищную иронию. Пока мы добирались до Беркли, Мак-Коуни подробно рассказал мне свою удивительную историю.

Это случилось в один из последних июньских дней. В маленькой задней комнатке, в которой Мак-Коуни оборудовал свою лабораторию, после утреннего дождя было душно и сыро.

Миссис Китинг очнулась, как будто бы после долгого и тяжелого сна. Ее руки дрожали, рот кривился от изнеможения, пульс прослушивался с трудом. Из-под плотно закрытых век текли слезы, сбегавшие по мочкам ушей прямо в волосы.

Дрожа от волнения, Мак-Коуни склонился над ней:

— Миссис Китинг! Миссис Китинг! Вы живы!

— О, господи!

— Произошло чудо!

— Оставьте меня в покое. Я устала.

— Вы живы, живы!

Она медленно открыла глаза и взглянула на него.

— Послушайте, вы, настырный коротышка, вас для чего наняли?

Потрясенный и словно одурманенный, Мак-Коуни отступил на шаг назад.

— Ведь вы живы. Это все-таки случилось. Мое чудо свершилось.

— Жизнь. Чудо, — она произносила слова с явной издевкой.

— Вы полный идиот.

— Но я...

— Принесите мне лучше стакан воды. В горле пересохло.

Его била такая сильная дрожь, что он расплескал почти всю воду. Он все-таки совершил чудо. Сбылись ожидания всей его жизни.

Он протянул женщине стаканчик с водой, потом, прерывисто дыша, сел на стул и стал наблюдать за ней. Она пила очень медленно, как будто разучилась это делать за то короткое время, пока была мертва.

— Зачем вы это сделали? — миссис Китинг скомкала в кулаке бумажный стаканчик, — кто вас вообще просил творить чудеса?

— Но я... Ведь, фактически...

— Фактически вы влезли совершенно не в свое дело. Вот что вышло фактически, Мак-Коуни.

— Да, мадам.

— А что вы теперь собираетесь делать?

— Ну... я... собственно говоря, еще не думал об этом.

— Так подумайте же, черт возьми.

Он уставился в пол, от стыда и разочарования вся кровь бросилась ему в голову, а руки вдруг похолодели.

— Лучше всего вызвать врача.

— Ни в коем случае, Мак-Коуни.

— Но ваша семья... она ведь должна узнать, что...

— Они не узнают ничего.

— Однако...

— Никто ничего не узнает, Мак-Коуни. Ни один человек. Понятно?

— Да.

— Поэтому сядьте и не шумите. Дайте мне сосредоточиться.

Он молча сел. У него не было больше ни малейшего желания двигаться или разговаривать. Еще ни разу в жизни он не ощущал себя таким никчемным и ничтожным.

— Вы полагали, наверное, что я буду вам очень благодарна, — ядовито заметила миссис Китинг.

Мак-Коуни покачал головой.

— Видимо, вы сумасшедший, раз проделали такое, — она выдержала паузу и задумчиво взглянула на него, — вы, Мак-Коуни, немножко того, не правда ли?

— Некоторые действительно так считают, — неуверенно ответил он. — Не могу с ними согласиться.

Окно было закрыто, сквозь толстое матовое стекло не могли проникнуть никакие уличные шумы. Вдруг послышались гулкие шаги в коридоре, где был каменный пол. Мак-Коуни вскочил, быстро закрыл дверь и подпер ее спиной.

— Мистер Мак-Коуни? Вы здесь?

Мак-Коуни посмотрел на миссис Китинг. Та побледнела как мел и схватилась руками за горло.

— Мистер Мак-Коуни?

— Да, Джим.

— Вас к телефону.

— Я... я не могу подойти сейчас, Джим.

— Требуют лично вас. Это дочь миссис Китинг, по поводу похорон.

— Скажи ей, что я позвоню попозже.

— Ладно.

Возникла небольшая пауза.

— С вами все в порядке, мистер Мак-Коуни? У вас какой-то странный голос.

— Со мной все в порядке, Джим.

— О'кей. Я просто спросил.

Шаги затихли.

— Мэри время зря не теряет, — прошептала сухими губами миссис Китинг, — ей не терпится скорее зарыть меня в землю, чтобы выйти наконец замуж за своего электрика. Ну, теперь, надеюсь, вам ясна ваша задача, Мак-Коуни?

— Какая?

— Вы должны меня похоронить.

Мак-Коуни так и застыл, прислонившись к двери, как оловянный солдатик.

— Я должен вас пох-х-хоронить?

— Меня или что-нибудь вместо меня.

— Я не могу так поступить миссис Китинг, это было бы непорядочно.

— С вашей стороны было непорядочным воскрешать меня.

— Вы не представляете, как сложно выполнить вашу просьбу.

— Почему?

— Во-первых, есть ваша семья. Во-вторых, ваши друзья, которые тоже захотят увидеть вас в гробу перед погребением. Ведь таков обычай — тело необходимо выставить для прощания.

— Это я улажу.

— Каким образом?

— Дайте мне лист бумаги и что-нибудь, чем можно писать.

Мак-Коуни не протестовал, поскольку именно себя считал виноватым во всем. Это было его чудо. И отвечать за все последствия должен, конечно, он.

Свое письмо миссис Китинг датировала числом трехнедельной давности:

«По поводу своих похорон оставляю мистеру Мак-Коуни следующие распоряжения. Поскольку при жизни я больше всего ценила уединение и покой, то не хочу, чтобы мне досаждали и после смерти. Поэтому поручаю мистеру Мак-Коуни сразу же после моей смерти заколотить гроб и проследить, чтобы его не открывали, невзирая ни на какие просьбы моих близких, сколь бы трогательными они ни были.

Элеонора Регина Китинг»

Она сложила вчетверо лист бумаги и подала его Мак-Коуни.

— Покажите это Мэри, Джоан и мистеру Михаму, моему адвокату, — она, без сомнения, была очень довольна собой. — Волнующее дело, Мак-Коуни, не правда ли?

— Да уж, — вяло произнес Мак-Коуни.

— У меня что-то аппетит разгулялся. Не думаю, чтобы здесь у вас была кухня.

— Нет.

— Тогда вам придется принести мне что-нибудь из магазина на углу. Два сэндвича с салатом из тунца и кофе побольше. Все еда — за ваш счет, — добавила она насмешливо. — Я забыла дома свой кошелек.

— Деньги, — произнес Мак-Коуни. — Деньги.

— Что — деньги?

— Что будет с вашими деньгами?

— Недавно я составила завещание.

— Собираетесь же вы на что-то жить?

— Возможно, — сухо заметила миссис Китинг, — вам удастся сотворить еще одно чудо.

Когда он принес из магазина еду, миссис Китинг с явным удовольствием поела и выпила кофе. Она предложила второй сэндвич Мак-Коуни, но тот был слишком удручен, чтобы думать о еде. Сотворенное им чудо, радостное, как огромный мыльный пузырь, лопнуло. Вместо этого появилось чувство, будто он собственными руками приковал себя на железную цепь. Как-то он дотянул до конца дня. Он оставил миссис Китинг, снабдив ее несколькими яблоками и кипой старых журналов. На следующий день Мак-Коуни переговорил с Мэри и Джоан Китинг, а также позвонил Михаму. После обеда он отпустил своего помощника Джима Вагнера, и когда тот ушел, набил обернутыми в старые газеты камнями гроб миссис Китинг — прекрасную модель из бронзы и белого сатина, выбранную Мэри по каталогу.

Мак-Коуни был мужчиной маленьким, ему редко выпадали большие физические нагрузки. Когда он закончил операцию с камнями, его тело дрожало от усталости.

И тут позвонила Мэри, заявившая, что они с Джоан еще раз подумали и решили, что раз миссис Китинг при жизни была столь экономной, то и после смерти ей не будет покоя в таком роскошном гробу. Обычный, серый, будет более подходящим, да и обойдется он дешевле.

— Но вы должны были сказать мне об этом раньше, — холодно заметил Мак-Коуни.

— Мы решили это в самый последний момент.

— Теперь уже поздно что-либо менять.

— Не понимаю, почему?

— Есть определенные... технические сложности.

— Ну что же, мистер Мак-Коуни, раз вы не можете сделать для нас такую малость, мы вынуждены будем, наверное, обратиться в другое похоронное бюро.

— Ни в коем случае! Вы не сделаете этого — думаю, это было бы верхом неприличия, мисс Китинг.

— Мы живем в свободной стране.

— Подождите. Хотите, я назначу вам особую цену за бронзу и белый сатин?

— Что значит особую?

— Ну, скажем, с двадцатипятипроцентной скидкой?

На другом конце телефонного провода прошло короткое совещание, после чего Мэри сказала:

— Но ведь все равно это будет стоить кучу денег.

— А тридцать пять процентов?

— Это нас устраивает значительно больше, — заявила Мэри и повесила трубку.

В эту минуту дверь отворилась, и в комнату вошла миссис Китинг со своей язвительной, как обычно, улыбочкой.

Мак-Коуни беспомощно посмотрел на нее.

— Вы не должны здесь появляться! Скорее возвращайтесь назад и...

— Я услышала телефонный звонок и подумала, что это, наверное, Мэри.

— Нет, звонила не она.

— Да нет, Мак-Коуни, именно она. Я ведь слышала каждое слово.

— Ну хорошо, это была она, — Мак-Коуни откашлялся. — Вам не следовало подслушивать.

— О, ее просьба не была для меня неожиданной. Я ничуть не расстроена. Не хочу огорчать вас. Я никогда за последние годы не чувствовала себя так хорошо, как сейчас. А знаете почему?

— Нет.

— Потому что мне не надо возвращаться домой. Наконец-то я свободна. Свободна, как птица, — она вцепилась в его рукав, — мне ведь не придется идти обратно домой, правда?

— Думаю, что нет.

— Надеюсь, вы ничего ей не сказали?

— Нет.

— Вы хороший человек, Мак-Коуни.

Когда стемнело, Мак-Коуни вывел свою машину из гаража и подогнал ее к заднему входу в свое бюро, куда обычно подъезжали катафалки.

— Спрячьтесь-ка на всякий случай — лягте на заднее сиденье, пока мы не выедем за город, — сказал он.

— А куда мы поедem?

— Я отвезу вас в Детройт. Оттуда вы сможете уехать куда угодно автобусом или поездом.

— Куда?

— Куда хотите. Вы ведь свободны, как птица.

Несмотря на то, что ночь была теплая, она забралась на сидение, дрожа всем телом. Мак-Коуни укутал ее в плед.

— Послушайте, Мак-Коуни.

— Да.

— Я чувствовала себя гораздо свободнее, пока сидела взаперти в вашей маленькой лаборатории.

— Сейчас вам просто немного страшно, только и всего. Свобода — великая вещь.

Мак-Коуни поехал в сторону автомагистрали на Детройт. Спустя полчаса, когда городские огни остались позади, он остановился и предложил миссис Китинг пересесть на переднее сидение. На ее плечи был накинут плед, как сари у индианки. Мак-Коуни почувствовал, что должен развеселить ее — ведь именно он повинен в том, что она оказалась сейчас рядом с ним.

— На свете столько прекрасных мест, — начал он твердым голосом, — которые стоит посмотреть.

— Например?

— Я открыл для себя Калифорнию. Там круглый год цветут цветы, — он немного поколебался. — Вот что я хочу вам сказать. Я давно уже мечтал о том, чтобы в один прекрасный день продать свое дело и, уйдя на покой, переехать в Калифорнию.

— Что же вам мешает сделать это?

— Я не мог до сих пор воплотить в реальность свою мечту только потому, что одинок, нет у меня ни семьи, ни друзей. А вы были когда-нибудь в Калифорнии?

— Много раз я проводила лето в Сан-Франциско.

— Вам там нравилось?

— Очень.

— Мне тоже там нравится, — он снова прокашлялся, — но в одиночку я жить не люблю. Вам не холодно?

— Нет, спасибо.

— Вольная птица... насколько я понимаю, быть вольной птицей, оказывается, вовсе не так уж замечательно.

— Почему?

— Слишком много свободы, и они не знают, что с ней и делать, вот и кружат попусту в воздухе. Такая жизнь не подходит для столь солидной женщины, как вы, миссис Китинг.

— Наверное, нет.

— Я думаю...

— Я знаю, Мак-Коуни, о чем вы думаете.

— Правда?

— Разумеется.

Мак-Коуни зарделся.

— Это все как-то неожиданно, не правда ли?

— Я так не нахожу.

— Но еще полчаса назад я об этом и подумать не мог.

— Это вы. Женщины в таких вопросах более проницательны.

На какое-то мгновение Мак-Коуни замолчал.

— Конечно, мое предложение руки и сердца было сделано не в слишком-то романтической форме. Я должен был сказать несколько прочувствованных слов.

— Еще не поздно.

Он крепко сжал руль.

— Мне кажется, что я люблю вас.

— Вам не следовало говорить этого, — строго возразила она.

— Я ведь не глупая гусыня, которую можно на это купить. В моем возрасте любви уже не ждут. Я не хочу...

— Но я действительно люблю вас, — заявил Мак-Коуни.

— Не верю.

— Вы еще в этом убедитесь.

— Это тоже одно из ваших чудес, Мак-Коуни?

— Самое большое из них.

Впервые в своей жизни миссис Китинг услышала признание в любви. В благоговейном молчании она сидела возле Мак-Коуни, скрестив руки на коленях, как девочка в воскресной школе.

В Детройте Мак-Коуни устроил ее в отель и поспешил обратно домой, чтобы заняться ее похоронами. Две недели спустя они зарегистрировали свой брак в небольшом городке близ Чикаго. Во время долгого, безмятежного путешествия на Запад в автомобиле Мак-Коуни оба они почти не говорили о прошлом и не высказывали тревоги в отношении своего будущего. Продавая свое похоронное бюро, Мак-Коуни слишком торопился, что не позволило получить за него настоящую цену. Поэтому он был несколько стеснен в средствах. Но он не хотел волновать свою жену подобными проблемами. К тому времени, когда они добрались до Сан-Франциско, от капитала Мак-Коуни осталось совсем немного. И большая часть этого остатка пошла на покупку маленького домика в Беркли.

Поздней осенью деньги у них кончились совсем, и Мак-Коуни пришлось стать продавцом в обувном отделе большого магазина. Неделью спустя вместе с первой зарплатой он получил и уведомление об увольнении.

Обо всем этом он поведал за ужином Элеоноре столь непринужденно, словно это была милая шутка, сопроводив свой рассказ парой анекдотов, чтобы уж наверняка вызвать у нее улыбку.

Но она выслушала его со всей серьезностью.

— Значит, ты всю неделю торговал ботинками?

— Да.

— Почему ты не сказал мне, что нам срочно нужны деньги?

— Не волнуйся, как-нибудь выкрутимся. Я могу легко устроиться куда-нибудь еще.

— Кем же?

— Тем, кем я был всю свою жизнь.

Она наклонилась над столом и взяла его за руку:

— Но ты ведь не хотел больше работать в похоронном бюро.

— Ну и что? Это ерунда.

— Ты ведь всегда ненавидел эту работу.

— Говорю тебе, это ерунда.

После этих слов она решительно поднялась со своего стула.

— Что ты задумала, Элеонора?

— Я напишу письмо, — вздохнула она.

— Элеонора, давай не будем делать поспешных шагов.

— Мы были так счастливы. Но это не может длиться вечно. Это было бы уж совсем нескромно.

До него не сразу дошел смысл сказанных ею слов.

— Ты хочешь сказать кому-то, что осталась жива?

— Нет. Я не могу раскрывать эту тайну, по крайней мере, пока. Хочу только дать им понять, что я не умерла и они, следовательно, не могут распоряжаться моими деньгами.

— Но почему?

— Если со мной что-нибудь случится, ты, как супруг, должен иметь право на свою часть наследства.

— С тобой ничего не должно случиться. Мы ведь оба уверены в этом, не правда ли?

— Разумеется, Мак-Коуни.

— Мы с тобой не будем больше думать о смерти.

— Я пошлю письмо Михаму, — сказала она.

— Вот так появилось это послание, — в голосе Мак-Коуни слышались усталые нотки. — Оно было написано ради меня. Остальное, Михам, вы знаете.

— Конец всей истории.

— Конец... — Мак-Коуни поерзал на сидении и вздохнул. — Я не верю в конец.

У следующего светофора я свернул направо, как указал мне Мак-Коуни. На табличке, привинченной к фонарному столбу, было написано: «Авеню Лип».

Через три улицы показался маленький, увитый зеленью и хорошо побеленный домик. С его кровельного лотка на землю падали капельки воды.

Я заглушил мотор и вышел из машины. Мысль о том, что вскоре я снова смогу увидеть миссис Китинг, наполняла меня радостью. Я открыл дверцу автомобиля, но Мак-Коуни продолжал сидеть, не шелохнувшись и уставившись прямо перед собой.

— Выходите, Мак-Коуни.

— Что? Ах да, сейчас.

Он ступил на тротуар столь неуверенно, что чуть было не упал. Я взял его за руку:

— Что-нибудь случилось?

— Ничего. Так.

Мы поднялись по ступенькам крыльца.

— Свет не горит, — заметил Мак-Коуни. — Элеонора, наверное, пошла в магазин. Или вышла к соседям. У нас прекрасные соседи.

Входная дверь оказалась незапертой. Мы вошли, и Мак-Коуни зажег свет.

В кресле-качалке возле камина сидела женщина, которую я знал как миссис Китинг. Ее голова склонилась вперед, как будто бы она была глубоко погружена в собственные мысли. Ее вязание упало на пол. Я успел заметить, что это — наполовину законченная перчатка яркого цвета. Подарок Мак-Коуни ко дню рождения.

Мак-Коуни нагнулся, поднял перчатку и молча положил ее на стол. Затем тихонько прикоснулся ко лбу жены. Он сразу же от-

дернул руку, и я понял, что ее лоб, должно быть, такой же холодный, как зола в камине.

— Я приведу врача, — сказал я.

— Нет.

— Она мертва?

Он не дал себе труда ответить. Он стоял над телом жены и умоляюще смотрел на нее.

— Элеонора, дорогая, просыпайся! У нас гости.

— Мак-Коуни, ради бога...

— Я думаю, вам сейчас лучше уйти, мистер Михам, — сказал он твердо и громко. — Мне придется потрудиться.

Он снял пальто и засучил рукава.

ДОНАЛЬД ХОНИГ

СЕНСАЦИЯ: ЧЕЛОВЕК УКУСИЛ СОБАКУ!

Как мне сказали, карьеру газетчика надо начинать в маленьком городишке. Только там и можно выучиться всем азам журналистского ремесла: как добываются новости, как делается газета, как нужно обращаться с читателями, и так далее и тому подобное. А я прямо жаждал всему этому научиться.

Словно чтобы предостеречь меня, судьба распорядилась так, что я получил свое первое место в редакции фактически благодаря несчастному случаю. Только позднее выяснилось, каким счастливым этот случай был для меня. (Впрочем, первое, что я уяснил — несчастный случай является счастьем для газеты.) Короче, судьба распорядилась так: я был обнаружен и взят в оборот, когда стоял со своей пишущей машинкой на автобусной остановке в одном маленьком городишке (название его мне не хотелось бы называть по ряду причин, которые станут ясны вам впоследствии).

Человек, обнаруживший меня и взявший в оборот, был издателем, главным редактором и корреспондентом местной газеты. У него были хитрые глазки, впрочем, часто встречающиеся у газетчиков. Звали его Сирил Флагг. Заметив мою пишущую машинку, он сделал логичный вывод, что я — человек образованный и честнолюбивый, а также умею читать и писать по меньшей мере на одном языке. Так я и был обнаружен и взят в оборот.

Мы вместе ушли с автобусной остановки и направились в редакцию, которая находилась на верхнем этаже над большим магазином. Редакция помещалась в маленькой комнатке с двумя письменными столами и двумя стульями. Пол покрывал истертый но-

гами линолеум. На стенах были драные обои. Комнату украшали несколько горшков с геранью, уже забывшей, как выглядит вода. Там и сям были разложены стопки бумаги, которые волновали и будоражили. В редакции царила атмосфера высокого напряжения и охоты за сенсациями. Здесь чувствовалось лихорадочное биение пульса газетного мира.

— Вот тут мы и помещаемся, — сказал мистер Флагг. Расстегнул пуговицу на воротнике и ослабил узел своего галстука. Вот теперь он действительно выглядел как газетчик, находящийся на гребне успеха.

— Это великолепно, — заявил я с воодушевлением.

— Другой парень исчез, — невозмутимо сказал Флагг.

— Кто?

— Ваш предшественник.

— Вы хотите сказать, что он ушел от вас?

— Он покинул меня, в этом нет никакого сомнения. Вот только никто не знает, почему и куда он делся, — он поднял экземпляр газеты «Натиск», почти месячной давности. Громадный заголовок гласил «ИСЧЕЗ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА».

— Благодаря этому мы продали весь выпуск без остатка. Это вообще был лучший материал за последние месяцы. Истории о пропавших всегда притягивают людей, кажется, у всех просыпается какой-то нездоровый интерес.

— Может, он еще объявится.

— Маловероятно. Если тут в округе кто пропадает, то это, как правило, насовсем.

Его тон мне очень не понравился. Флагг, казалось, вообще не сожалел об исчезновении своего бывшего сотрудника. Это вызвало у меня странное чувство.

— Как, собственно, вас зовут? — спросил Флагг.

— Эндрю Джербер.

— Вы понимаете, как вы должны относиться к своей газете, Джербер? — спросил он. — Это должна быть еще более интимная связь, чем между врачом и пациентом. Распространение новостей, которые интересуют публику и формирование у нее мнений по разным вопросам — это задача наивысшей степени важности. Мы должны постоянно подбрасывать пищу для любопытства общественности, но при этом никогда не должны открывать, откуда черпаем информацию. Вы поняли меня, Джербер? — спросил он строго.

— Да, сэр.

— Существует кодекс журналистской чести. С того момента, как вы поступили сюда, он распространяется и на вас. Считайте, что вы приняли присягу.

— Понимаю.

— Тогда порядок, — сказал он. Мы пожали друг другу руки.

На протяжении последующих дней я уютно устраивался на новом месте. Из-за своего письменного стола я мог видеть главную улицу и все события, на ней происходившие, всю жизнь города. Тут была прямо идеальная позиция для наблюдений, вот только не происходило ничего, что стоило бы наблюдать. Это был сон-

ный городишко, до которого не доносилось дыхание большого и шумного мира.

Постепенно, пережив несколько крайне скучных недель, я начал задавать себе вопрос: зачем вообще этому городу газета? За исключением человека, который все время заводил городские часы, и пивной, где все время заводили его, в окрестностях, казалось, совсем ничего не шевелится.

С терпеливым упорством «Натиск» сообщал о рождениях, кончинах, юбилеях и тому подобных волнующих событиях. Иногда бывало даже, что на протяжении целой недели никто не рождался и не умирал; это лишний раз доказывало, насколько мало жители городка интересуются течением времени.

Но Флагг был непоколебим в своем оптимизме. Казалось, он каждый день ждет, что вот-вот произойдет жестокое убийство, наводнение или эпидемия. При этом порой, чтобы вообще заполнить чем-то столбцы нашей газетки, мне приходилось описывать закаты солнца или идти в школу и беседовать там с детьми на разные столь спорные темы, как рождество, мороженое и езда на велосипеде.

Все-таки в один прекрасный день наступил кризис, не было ничего, ну абсолютно ничегошеньки, что можно было бы вынести на первую полосу. В общественной жизни городка наступил полный штиль. И даже погода на протяжении нескольких недель совершенно перестала меняться. Я сидел за своим письменным столом, неподвижно уставившись в окно. Я уже оставил всякую надежду на то, что на этой неделе может произойти что-нибудь, способное спасти выпуск. Тем самым оказалась под угрозой священная традиция — выпускать газету регулярно, не пропуская ни номера. Это был самый трагический момент в моей жизни, по крайней мере, до сих пор. Совершенно упав духом, я обернулся к Флаггу, который сидел за письменным столом и занимался сажанием клякс на свое пресс-папье. Я хотел сказать ему, что мы оказались в безвыходной ситуации.

— Так ли уж она безвыходна? — спросил он, продолжая сажать кляксы.

— К сожалению, сэр, — сказал я печально.

— Тогда нам придется что-нибудь предпринять, — проговорил он, неустанно занимаясь сажанием клякс, которые явно вызывали у него просто небывалый интерес.

— А что, раньше бывало что-нибудь подобное? — спросил я.

— Время от времени бывало, — ответил он. — Такая же ситуация была за несколько недель до вашего прибытия. Нас спасло только исчезновение вашего предшественника.

И снова у меня возникло это странное, неприятное чувство.

— Однако еще один несчастный случай нам не поможет, — сказал Флагг.

— Что же нам делать?

— Используем нашу фантазию. Прекратим быть аналитиками и начнем действовать творчески. Дайте мне подумать.

Он подпер голову рукой и уставился на стенку.

— Мы могли бы потребовать эксгумации какого-нибудь трупа. Стоп, не пойдет, это мы уже делали два года назад.

Мне показалось, что выбрал совсем неподходящее время для шуток. Вдруг он встал и снял с крючка на противоположной стене древнее охотничье ружье. Я до сих пор думал, что это какой-то музейный экспонат. Он сдул с него целое облако пыли и осмотрел ствол, явно удовлетворившись осмотром. Затем он выгреб из ящика стола пригоршню патронов ужасного вида. После этого зарядил ружье и поглядел на меня.

— Одевайте свою шляпу, — скомандовал он.

Я сделал, что мне было сказано, вышел вслед за ним из редакции. Мы спустились по задней лестнице и сели в машину Флагга. А потом покатали по городу: Флагг, я и ружье. Мы выехали на старую пыльную дорогу и ехали до тех пор, пока не увидели, что кто-то идет перед нами.

— О! — радостно констатировал Флагг. — Старый Джимм.

Он остановил машину, взял ружье и вылез. Я последовал за ним. Он поглядел на меня. Его хитрые серые глаза газетчика глядели твердо и непримиримо.

— Помните о своей клятве, Джербер? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил я.

Мы двинулись дальше. Старый Джимм шел нам навстречу. Он кивнул, когда подошел, и по-стариковски захихикал.

— На охоту, Сирил?

— Да, — ответил Флагг, вскинув ружье, тщательно прицелился и выстрелил.

Раздался ужасный грохот. Когда дым рассеялся, а я немного пришел в себя, я собрал все свое мужество и подошел поближе. Старый Джимм лежал бездыханно. От его груди еще поднимался дымок. Можете представить себе, какой меня охватил ужас.

— Олл райт! — сказал спокойно Флагг. — Теперь у нас есть материал. Заголовок: «Джимм Пенн убит одним или несколькими лицами». Пометьте себе некоторые подробности.

Поскольку я был его подчиненным, а из ствола его ружья еще клубился дымок, я поспешил выполнить его указания. Я достал из кармана блокнот и карандаш и начал писать, хотя едва мог держать карандаш в дрожащей руке.

— Должна выйти хорошая статья, — сказал Флагг, вытаскивая пустую гильзу. Он отнес ружье в машину и вынул фотоаппарат, которым сделал несколько снимков.

— Все в порядке, — сказал он затем. — Сейчас вы едете в редакцию, а вечером берете интервью у членов его семьи. Я пишу передовую. О, господи, какой сегодня горячий денек! Работы невпроворот.

«Убийство на пыльном проселке». Я сделал очень хорошую статью, которая вырвала людей из их летаргического сна, они взволнованно обсуждали это дело. Мы заполнили весь выпуск сообщением об убийстве и интервью. В следующий номер пошла информация с похорон, затем мы посвятили два выпуска полицейским расследованиям. И осталось достаточно материалов для последующих номеров, в которых мы критиковали неудачи полиции. У Флагга была еще одна идея — обвинить кого-нибудь в убийстве, чтобы написать о том, как того будут допрашивать. Но впоследствии он от нее отказался.

— Этого дела нам хватило на пять номеров, — сказал он. — Пора и честь знать. Видите, Джербер, иногда приходится просто импровизировать. Потребность общественности в информации должна удовлетворяться в любом случае. Однажды вы заведете свою собственную газету, надеюсь, вы вспомните об этом и будете благодарны за то, чему я вас научил.

Думаю, мне не надо вам говорить, что я прожил всю неделю в постоянном страхе. Каждый вечер после закрытия редакции я спешил прямо домой, подняв воротник пальто и вздрагивая при каждом шорохе. К этому моменту я уже начал догадываться, что с моим предшественником произошло нечто ужасное, и стал опасаться за собственную жизнь. Чтобы не дать возникнуть такой же ситуации, которая могла бы потребовать принесения меня в жертву на алтарь «Натиска», я с удвоенным рвением старался собирать новости, благодаря чему я действительно созрел как журналист, а это в конце концов было самое главное.

Несмотря на все усилия, несколько месяцев спустя снова наступил полный штиль, еще хуже предыдущего. Мы смотрели на чистые белые листы, которые нечем было заполнить.

Я снова сидел и глядел на Флагга. По спине у меня пробегал холодок. Мне было страшно, но в то же время я был как зачарованный.

Флагг сидел несколько часов подряд, погруженный в глубокие размышления. Я знал, что он, наверняка, прикидывал вариант с моим исчезновением. Раз или два он задумчиво поглядел на меня, и я с ужасом наблюдал, как он меряет меня взглядом.

Затем он сделал быстрое движение, и я вскочил.

— Что у вас есть, Джербер? — спросил он.

— Ничего, — ответил я смущенно и почувствовал, как стучит мое сердце.

— Я пойду, — сказал он.

— Так рано?

— Да. Надо походить, послушать, о чем говорят, может, есть какие новости. Нам срочно нужно что-то.

Он вышел, а я упал на свой стул. Мне было ясно — я оказался в исключительно опасной ситуации. Единственное мое преимущество состояло в том, что он уже прикончил недавно одного своего сотрудника, и если за такой короткий срок пропадет еще один, то это, наверное, не вызовет особого интереса у его читателей. Но я не мог знать точно, чего он напридумывал на самом деле. С этого момента мне следовало быть начеку.

И на следующее утро кризис все еще не кончился. После полчасового размышления Флагг встал, нахлобучил шляпу и сделал мне знак. Молча и механически, как робот, я последовал за ним. Мы спустились вниз и сели в машину. По меньшей мере, полчаса мы ездили по тихим улочкам туда и сюда. Охотничье ружье он оставил висеть на стене, потому что в этот раз требовалось что-нибудь другое.

Тут мы увидели женщину, которая переходила улицу. Флагг нажал на газ и великолепно поддел ее. Она перевернулась вверх ногами в воздухе и приземлилась на острые колья изящного заборчика. Я повернулся на сиденье и посмотрел назад.

— Ну, — спросил Флагг.

— Она еще шевелится.

— Она и должна шевелиться. У вас есть заголовок? «Домохозяйку сбила машина, преступник-шофер сбежал с места происшествия». Будем обвинять подростков, и за одно достанется дорожной полиции. Затем обвиним городских бюрократов в том, что они подкуплены и торгуют водительскими правами. Понятно?

— Да, сэр.

— Хорошо, я высажу вас на следующем углу. Бегите назад и возьмите интервью у этой женщины. Не забудьте записать точно ее имя печатными буквами.

Из этого дела мы набрали материал на два номера. Разумеется, обвинение в коррупции нам пришлось взять назад, но мы сделали это в такой форме, что только усилили подозрение. Флагг, кажется, был рад, я тоже почувствовал облегчение, потому что прямая опасность моей жизни уже не угрожала.

Однажды Флагг спросил меня, как мне понравилось моя учебная практика.

— Очень понравилась, — ответил я.

— Вы многому научились?

— О, да, — ответил я. — Очень многому.

Флагг посмотрел на меня изучающим, неуверенным взглядом, и тут я понял, что он точно также боялся меня, как и я его.

В этот вечер я остался в редакции дольше обычного и просмотрел подшивки газеты. Несмотря на ошеломляющее содержание некоторых статей, я был почти восхищен. Я нашел одну, напечатанную несколько лет назад, о «сумасшедшем поджигателе», который подпалил школу и больницу. В другой раз кто-то открыл клетку со львами, когда приезжал на гастроли цирк. Хищники сожрали троих, пока полиция не положила конец этому ужасу.

Затем было сообщение о том, как в группу туристов, которые сидели в лесу у костра, кто-то бросил ручную гранату. Эта история, приправленная душераздирающим интервью, тянулась на протяжении восьми выпусков газеты. Была также напечатана фотография Флагга, получающего премию Издательского союза за выдающиеся заслуги в распространении гуманной информации.

В этот вечер я возвращался домой быстрым шагом, охваченный донныне неведомым мне чувством. Всю ночь я ходил из угла в угол по комнате, куря одну сигарету за другой. Впервые в жизни я испытал все то волнение и напряжение, какое может вызвать журналистика. В висках у меня стучало так, будто голова готова была разлететься. Донныне в городке еще не было похищения детей, отравлений или сумасшедшего, который подкладывал бы бомбы. Я надеялся, что мне удастся при следующем кризисе навести Флагга на одну из этих идей.

Я едва мог его дождаться: засыпал спокойно. Очередной кризис в газете не заставил себя ждать. Мы снова молча сидели в редакции. Флагг, казалось, размышлял еще более удрученно, чем обычно. А я шлифовал совершенно сенсационный заголовок.

— Джербер, — сказал недовольно Флагг, — у нас опять мертвая тишина.

Было заметно, что он стареет и теряет свою необычайную фантазию. История с дорожным происшествием тоже не принесла того успеха, на который он рассчитывал.

— Я тут кое-что придумал, сэр, — сказал я.

— Хорошо, покажешь мне, когда будет готово.

И вот, наконец, все было готово. Я встал и почувствовал, что с сегодняшнего дня я — настоящий газетчик. Я с гордостью продемонстрировал Флаггу придуманный мною заголовок. На бумаге было написано четкими буквами: «ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ УБИТ ТЯЖЕЛЫМ ПРЕДМЕТОМ В ПОМЕЩЕНИИ РЕДАКЦИИ!» Когда он попытался вскочить и повернуться, я ударил его пресс-папье по голове, потом еще и еще...

КОМНАТА С ВИДОМ

Джейкоб Бомен, немощное тело которого было укрыто одеялами и обложено шестью подушками, с неудовольствием наблюдал, как дворецкий ставит перед ним поднос и раскрывает шторы, впуская в комнату солнечный свет.

— Может, открыть окна, сэр? — спросил Чарльз.

— Хотите, чтобы я простудился?

— Нет, сэр. Еще чего-нибудь желаете, сэр?

Джейкоб покачал головой и засунул салфетку за ворот пижамы. Затем потянулся к крышке подноса с завтраком, но остановился на полпути и поглядел на Чарльза, который по-прежнему стоял у окна, как часовой.

— Ждете, когда я дам вам на чай? — язвительно осведомился Джейкоб.

— Нет, сэр. Жду, когда придет мисс Невинз. Доктор Холмс сказал, что не следует оставлять вас в одиночестве, сэр.

— Иди, иди, — распорядился Джейкоб. — Если я соберусь умереть в ближайшие пять минут, то вызову тебя звонком. Ты не лишишься удовольствия наблюдать это зрелище.

Он проводил дворецкого взглядом, дождался, пока дверь за ним закроется, и приподнял серебряную крышку подноса. Под ней оказалось одно единственное вареное яйцо, положенное на кусочек тоста. Меню дополняли маленький кусочек мармелада и чашка жидкого чая.

Хм! Джейкоб отвернулся от еды с отвращением и стал смотреть в окно. День был хорош. Большой газон перед именем Боменов зеленел, как сукно бильярда. Его обрамляла подковообразная дорожка из ослепительно-белого гравия. На газоне то там, то тут располагались небольшие статуи из бронзы — флиртующая богиня, окруженная херувимами; быстроногий гонец; свирепая львица с выводком — все очень некрасивое, но дорогое. С левой стороны подковы перед кирпичным домиком сторожа Джейкоб увидел своего садовника, мистера Коувени, который склонился над клумбой с азами. Справа, перед калиткой из железных прутьев, располагался двухэтажный гараж. Его ворота были открыты, и Джейкоб мог видеть, как шофер полировал хромирован-

ные детали голубой машины, на которой ездила миссис Бомен. При этом он беседовал с мисс Невинз, девушкой, выполнявшей при Джейкобе функции дневной сиделки. За воротами газон кончался, за ним была дорога, но так далеко, что даже острые глаза Джейкоба не могли различить марки машин, по ней проезжавших.

«Бедняга Джейкоб Бомен!» — подумал Джейкоб. Все хорошее в его жизни пришло слишком поздно. Да, у него огромное состояние. Но он слишком болен, чтобы наслаждаться этим богатством. Да, он женат на молодой женщине, которая так хороша, что мужчины провожают ее взглядами, но он слишком стар для супружеских удовольствий. Да, он научился понимать тайны человеческой природы, но прикован к постели, и весь круг общения составляют для него слуги. «Бедный-бедный богатый Джейкоб Бомен!» — подумал он снова. Что проку в богатстве, удаче и мудрости, коли его мир ограничен шириной матраца, длиной участка, который он мог созерцать из окна, и глубиной ума мисс Невинз.

А где же она, кстати? Он поглядел на часы, лежавшие на его ночном столике среди пузырьков, таблеток и бутылочек. Шесть минут десятого. Он еще раз поглядел в окно и увидел девушку в белом, которая, поглядев на часы, ужаснулась, послала шоферу воздушный поцелуй и заторопилась к дому. Она была коренастой блондинкой, двигалась энергично, резко размахивая руками, и вся была полна тех жизненных сил, каких так не доставало Джейкобу. Тот проводил ее взглядом до самого входа в дом, а затем вернулся к своему завтраку, предположив, что мисс Невинз непременно заглянет пожелать доброго утра кухарке и горничной, а он за это время успеет покончить с яйцом и тостом.

Он как раз дожевывал тост, когда она постучала в дверь. Джейкоб крикнул:

— Поди прочь!

Сиделка, смеясь, вошла в комнату.

— Доброе утро, мистер Би! — поздоровалась она, положила книгу на туалетный столик и скользнула взглядом по диаграмме температуры, оставленной ночной сиделкой.

— Как вы чувствуете себя сегодня?

— Жив, как видите, — сказал Джейкоб.

— И день сегодня, согласитесь, не такой скверный, как обычно? — девушка подошла к окну. — Перед тем, как идти сюда, я говорила с Виком, и мне показалось, что уже совсем лето. Может, хотите, чтобы я открыла окна?

— Нет. Ваш друг доктор запретил мне находиться на сквозняке.

— О! Правильно!.. Я и забыла. Видимо, я не очень хорошая сиделка. Правда? — она улыбнулась.

— Вы — нормальная сиделка, — сказал Джейкоб. — И лучше уж вы, чем перспектива оставаться в одиночестве.

— Нет, вы говорите это из вежливости. Я и сама знаю, что на самом деле недостаточно внимательна.

— Внимательна? Просто вы прелестная молодая особа, и у вас другие интересы. Я ведь понимаю. Вы сказали себе: «Пойду на время в сиделки. Работа легкая, непыльная. На готовом питании. Я подзаработаю, скоплю приданое».

Девушка поглядела на него удивленно.

— Знаете, я именно так и подумала, когда доктор Холмс предложил мне эту работу. Какой вы проницательный, мистер Би! Вы знаете об этом?

— Благодарю вас. Поживете с мое, станете проницательной, — сухо вато заметил Джейкоб.

Он глотнул чая и скривился.

— Тьфу! Какая гадость. Унесите.

От раздражения Джейкоб даже попытался топнуть ногой, лежа под одеялом.

— Вы действительно больше не будете завтракать?

— Унеси это от меня! — в гневе сказал Джейкоб.

— Иногда вы ведете себя, совсем как мальчишка.

— Вот именно. Я мальчишка. А вы — девчонка. Впрочем, лучше поговорим о вас.

Он начал было поправлять подушки, но остановился, когда девушка подошла, чтобы помочь.

— Скажите мне, Френсис, — Джейкоб поглядел ей прямо в глаза, — вы еще не выбрали себе мужа?

— Мистер Би, вы задаете девушкам чересчур интимные вопросы.

— Да, задаю интимные вопросы. Но если вы не можете рассказать об этом мне, то кому сможете? Разве есть кто-то, кому я могу проболтаться? Ваш друг доктор лишил меня даже телефона, чтобы я не мог поговорить со своим управляющим. Видите ли, это был бы удар для меня, если бы я узнал, что потерял несколько тысяч долларов. Разве он не понимает, что я могу это узнать из газет?.. Расскажите же мне... — он вкрадчиво улыбнулся, — ...в кого вы влюблены?

— Мистер Би! Одно дело — будущий муж, другое дело — возлюбленный... Не могу представить, что вы обо мне думаете.

Джейкоб пожал плечами.

— Я думаю, что вы хорошенькая девушка. Но сегодняшние хорошенькие девушки несколько отличаются от тех, какие были пятьдесят лет назад. Я не могу сказать, лучше вы или хуже. Я только говорю, что вы отличаетесь. Я понимаю. К тому же вы всего на несколько лет моложе моей жены. Я знаю, что мужчины любят смотреть на нее, поэтому я знаю, что им нравится смотреть и на вас.

— О! Но ваша жена на самом деле прекрасна. Я думаю, она самая яркая женщина из всех, которых я когда-либо видела.

— Ай да она! — сказал Джейкоб. — Ну, так расскажите мне о вашем возлюбленном.

— Так и быть, — и девушка начала с явным удовольствием. — Правда, на самом деле все еще не определено. Я имею в виду, что мы еще не назначили дату нашей свадьбы, ну и все такое.

— Да, наверное, — сказал Джейкоб, — вы потому не хотите мне рассказать, что боитесь — я вас уволю раньше, чем вы сами соберетесь уйти.

— Нет, на самом деле, мистер Бомен...

— Ну ладно, день вы еще не назначили, но уж месяц-то выбрали, не так ли? Доверьтесь мне. Я ведь сказал, что понимаю в таких вещах. Так какой месяц? Июнь?

— Июль, — смеясь, ответила девушка.

— Ну, я почти попал в точку... Я не спрашиваю, порядочный ли он человек. Я уверен, что это так... К тому же он, наверное, сильный, мужественный...

— Да!

— Но добрый и мягкий.

Девушка согласно кивнула, вся сияя.

— Это славно, — сказал Джейкоб. — Очень важно найти мужа доброго, мягкого... Но не слишком. Те, кто слишком добр, от этого и страдают. Поверьте мне. Я всегда был очень добр, и вы думаете, это мне помогло в жизни? Как бы не так! И потому я научился быть разным. Это, конечно, не значит, что я совсем избежал ошибок... Но я расплачивался за каждую из них... Неудачная женитьба или замужество — это очень большая ошибка, может, самая большая в жизни. Вы должны ясно представлять, что за приобретение делаете. Но зачем я это вам говорю! Вы ведь и так знаете, не так ли?

— Да. Он самый лучший, на самом деле. Вы не можете ничего сказать о нем, мистер Бомен, потому что не знаете, какой он на самом деле. Но если б вы когда-нибудь смогли встать...

Она запнулась и закусила губу.

— О, простите, я вовсе не хотела сказать...

— А, так выходит, я знаю, кто ваш избранник! Очень интересно! Но мне, наверно, не догадаться ни за что. Может, это кто-то из моих друзей?

— Нет. На самом деле нет. Не угадали.

— Это доктор Холмс? — продолжал гадать Джейкоб.

— О, нет!

— Может, это кто-то из тех, кто работает у меня? — лукаво поглядел Джейкоб в глаза девушке. — Чарльз?

— Нет, что вы! Ни в коем случае!

— Вы очень не любите Чарльза, правда, Френсис? Вы полагаете, что он задирает перед вами нос, а?

— Да, — с негодованием сказала девушка. — Он воображает, что я из тех... О, я даже не знаю, из каких. И все потому, что он вообразил, будто он — верх элегантности. А на самом деле он — просто рыба, и все.

Джейкоб усмехнулся.

— Вы абсолютно правы, Чарльз — сушая рыба, холодная и скользкая. Похож на щуку, впрочем. Но тогда кто же это? Мистер Коувени? Нет, пожалуй, он староват для вас. Так. Остается лишь...

Он сделал паузу. Глаза его заискрились, он уже открыл было рот. Но затем бросил взгляд в окно, к которому девушка стояла спиной, и сказал:

— Нет, все-таки не знаю. Дайте мне какой-нибудь намек, что ли? Скажите, чем он занимается. Коммивояжер? Может, торгует нефтью? Сталью?

Он повысил голос:

— Работает на транспорте?

— О! Да вы знали все, просто разыгрывали меня! — сказала девушка. — Вы с самого начала знали, что это Вик. На самом деле вы знали с самого начала! Ведь вы не сердитесь? Я на самом деле хотела рассказать вам с самого начала, но...

Стук в дверь прервал ее.

— Поди прочь! — крикнул Джейкоб.

Дверь открылась. Миссис Бомен, действительно очень красивая рыжеволосая женщина в возрасте между двадцатью и тридцатью, в бледно-желтом свитере и вызывающе обтягивающих брюках, вошла в комнату.

— Доброе утро! Сиди, сиди, дорогая, — сказала она Френсис. — Как нынче утром чувствует себя твой пациент?

— Отвратительно! — отозвался Джейкоб.

Жена его деланно рассмеялась и потрепала его по щеке.

— Не знаю, как вы его выносите, почему не сбежите от него.

— Все из-за денег, — сказал Джейкоб. — Точно так же, как и ты.

Миссис Бомен снова рассмеялась и снова неискренне.

— Он совсем как ребенок, правда? Ты уже принял свою оранжевую пилюлю?

— Да, — сказал Джейкоб.

— Нет, не принял, — воскликнула Френсис. — Это ту, которую он должен принять в четверть десятого?

— О! Я...

— Боюсь, что уже почти двадцать минут десятого, — холодно проговорила миссис Бомен. — Я сама дам ему лекарство.

Она взяла со столика пузырек с таблетками и налила в стакан воды из серебряного кувшина.

— Открой рот пошире.

Джейкоб отвернулся от нее.

— Я еще способен удержать пилюлю и стакан воды сам, — сказал он. — Роль сиделки тебе совершенно не идет.

Он положил пилюлю в рот и запил водой.

— Интересно, куда ты так нарядилась. Будто девчонка из колледжа.

— В город. Пробежаться по магазинам.

— Вик уже приготовил вам машину, — сказала Френсис. — Он все утро полировал ее. Выглядит, как новенькая.

— Уверена, что это именно так, дорогая.

— Если она недостаточно сверкает, купи себе новую, — сказал Джейкоб.

— Я уже подумывала об этом, — ответила его жена. — Но я думаю, что лучше подождать до твоего выздоровления, когда ты сможешь вставать. Тогда мы купим такую спортивную двухместную машину и будем на ней ездить только вдвоем с тобой.

— Жду не дождусь, — сказал Джейкоб.

— Разве сегодня плохой день? — спросила миссис Бомен. — Почему ты не распорядился, чтобы Чарльз открыл окна?

— Потому что не хочу простудиться и умереть, — сказал Джейкоб. — Но, тем не менее, благодарю тебя за заботу.

Кисло улыбаясь, миссис Бомен приложила пальцы к своим губам, а затем тронула ими лоб мужа.

— Более горячего поцелуя ты сегодня не заработал, — сказала она. — Если он будет так же ворчать, не разговаривайте с ним больше. Он должен получить по заслугам, — она заговорщически улыбнулась девушке.

— Я скоро вернусь, — сказала она Джейкобу.

— Я буду здесь же, — ответил он.

— До свидания, — сказала миссис Бомен и вышла.

— Закрой дверь, — бросил Джейкоб.

— Ну, разве она не прекрасна? — воскликнула Френсис, возвращаясь к кровати. — Мне кажется, что я тоже могу носить такие же брюки, как у нее.

— Окажи услугу своему мужу — носи их только до свадьбы, — сказал Джейкоб.

— О, Вику это все равно. Он совершенно не ревнует. Он тысячу раз говорил мне, что ему нравится, когда другие мужчины на меня заглядываются.

— А что вы чувствуете, когда на него смотрят другие женщины?

— Ну, я не знаю! Скорее всего, это естественно, не правда ли?

Она покраснела.

— Не знаю, почему мы снова заговорили на эту тему. О, это на самом деле ужасно.

— Ну, доставьте старику небольшое удовольствие, поговорите с ним, — сказал Джейкоб. — Значит, у Вика большой опыт общения с дамами, не правда ли?

— Иногда это на самом деле смущает меня. Я имею в виду, что некоторые женщины буквально вешаются на шею мужчинам. Мы две недели назад были в ночном клубе. В среду. У Вика тогда был выходной.

Джейкоб кивнул и снова посмотрел в окно за спиной девушки. Та все больше увлекалась рассказом. Жена Джейкоба шла через газон по направлению к гаражу. Она двигалась совсем не так, как Френсис, — значительно медленнее, почти лениво, покачивая бедрами. И даже руками она двигала томно. Похоже, что она стремилась сохранить энергию для каких-то более важных движений.

— ...это на самом деле была ужасная девица, — продолжала между тем Френсис. — Я имею в виду, что я на самом деле испугалась, когда увидела, как она подходит к нашему столику. Волосы у нее были совершенно черными, и, похоже, она не причесывалась уже несколько недель. А губы накрашены так густо, будто она извела на них целый тюбик помады.

Джейкоб совсем не слушал. Он провожал глазами жену. Та дошла до машины и остановилась у дверцы, заговорив с Виком. Джейкобу было видно, как широко она улыбалась, слушая, а за-

тем захохотала, откинув голову. Смеха он слышать не мог, но он хорошо помнил этот ее смех — громкий, звонкий, вызывающий и поощряющий. Вик, опираясь ногой на бампер машины, смеялся вместе с ней.

— ...можно было подумать, что она совершенно пьяна, — продолжала свое повествование Френсис. — Я имею в виду, что не могу представить, какие нервы должны быть у женщины, чтобы сесть на колени к совершенно незнакомому мужчине и поцеловать его. Я имею в виду — к совершенно незнакомому. К тому же она не знала — а может, я его жена?

— И что же сделал Вик? — спросил Джейкоб, отворачиваясь от окна.

— Конечно же, ничего. А что же он мог сделать? Ведь мы были в общественном месте, и все такое. Он старался улыбаться и превратить все в шутку. Но я не могла. Я имею в виду, я тоже старалась, но девица не двигалась с места, а Вик ничего не мог сделать, чтобы прогнать ее. Я имею в виду, что все, все видели это, и я все больше приходила в бешенство. Скажу вам правду, мистер Бомен, иногда у меня бывает просто бешеный темперамент. Я имею в виду, что когда дело касается такого личного, как Вик, я себя совершенно перестаю контролировать.

— Как с Бетти? — спросил Джейкоб.

Френсис удивленно посмотрела на него:

— Не знала, что вы в курсе. Я на самом деле очень виновата. Но когда я зашла на кухню позавтракать, то увидела, как она обнимает Вика, и рассвирепела.

— Да, я слышал об этом, — улыбаясь, сказал Джейкоб. — Я не видел после этого Бетти, но Чарльз сообщил мне, что она была уже не столь прелестна, как обычно.

— Кажется, я ее ужасно поцарапала, — сказала Френсис, нахмурившись. — Я на самом деле сожалею об этом. Хотела извиниться перед ней, но она меня даже не стала слушать. Будто я одна во всем виновата.

— А что вы сделали с той девицей в ночном клубе?

— Я оттащила ее от Вика за волосы, — тихо призналась Френсис. — И если бы он не удержал меня, я, наверное, выцарапала бы ей глаза. Я имею в виду, что я на самом деле обезумела. Это было еще хуже, чем с Бетти — ведь она целовала Вика. Мне кажется, что если бы рядом оказался нож, я могла бы ее убить.

— Вот как? — сказал Джейкоб.

Он отвел взгляд от девушки и поглядел в окно. Но не увидел ни жены, ни Вика. Взор его скользнул по газону, по статуям, сверкающим на солнце, по мистеру Коувени, который продолжал заниматься азами, и вернулся к автомобилю. На крыше машины он увидел какое-то темное пятно и, приглядевшись, решил, что это тряпка, которой Вик полировал облицовку.

— А как Вик реагирует на эти маленькие инциденты? — небрежно спросил он.

— О, не обращает внимания. Я имею в виду, а как бы он должен на них реагировать. Он же не виноват, что женщины вешаются ему на шею. Я имею в виду, что он не поощряет их к этому.

— Ну, конечно же, нет, — сказал Джейкоб.

Он прищурился, глядя на темное окно гаража. Ему показалось, что там мелькнуло что-то желтое. Может, солнечный зайчик отразился от стекла? Нет, окно было открыто. Это не мог быть солнечный зайчик. Вот опять что-то мелькнуло, появилось и пропало, будто кто-то махнул тряпкой. И снова в проеме окна ничего не было видно.

Джейкоб улыбнулся.

— Я уверен, что Вик — человек порядочный. И если кто-то виноват во всем, так это женщины. Ваши переживания мне вполне понятны. Совершенно правильно — схватиться и не выпускать из рук то, что имеешь, — пусть это даже и разрушит в чем-то твою жизнь.

Френсис с недоумением поглядела на него.

— Думаете, Вик разлюбит меня из-за всего случившегося? Он говорил, что понимает меня.

— Я уверен в этом, — сказал Джейкоб. — На самом деле он даже крепче любит вас, видя вашу привязанность. Мужчинам нравятся такие вещи... Но я смотрю глазами старика. А что же мне остается?

— О, вы могли бы заняться многими делами. Вы ведь такой умный. Я имею в виду, по крайней мере, я так думаю. Вы могли бы найти себе такое занятие — например, составлять кроссворды. Или еще что-нибудь. Я уверена, у вас бы хорошо получилось. Может быть...

— Может быть, когда-нибудь я и займусь этим, — сказал Джейкоб. — Но сейчас я, пожалуй, лучше подремлю.

— Славная идея, — сказала Френсис. — Я тут принесла новую книгу, хотела почитать сегодня. Я даже начала читать в автобусе. Она на самом деле ужасная. Про ту француженку, которая дурачила королей.

— Звучит многообещающе, — сказал Джейкоб. — Но прежде чем мы начнем, я попрошу вас оказать мне небольшую услугу.

Он повернулся и выдвинул ящичек ночного стола.

— Не бойтесь, — он достал небольшой серый револьвер. — Я держу его тут на случай, если залезут воры. Но его уже давным-давно не чистили, и я не знаю даже, исправен ли он. Не могли бы вы отнести его Вику, чтоб он посмотрел.

— Конечно, — сказала девушка, поднимаясь и осторожно беря оружие. — Какой он легкий. Я всегда считала, что оружие весит фунтов двадцать.

— Я думаю, это дамский, — сказал Джейкоб. — Для женщин и для старых мужчин. Только будьте осторожны, он заряжен. Я бы разрядил, но боюсь, что не смогу сделать это.

— Я буду осторожна, — сказала Френсис, с опаской держа оружие. — А вы постарайтесь уснуть, пока я хожу. Позвать Чарльза?

— Нет, не стоит беспокоиться, я буду паинькой. Лучше проведите это время в обществе жениха. Кажется, я видел, как он поднимался к себе в комнату, с минуту назад.

— Он лег спать, — сказала Френсис.

— А почему бы вам не подобраться к нему потихоньку и не устроить сюрприз? — спросил Джейкоб. — Ему, должно быть, понравится.

— Наверное. А если не понравится, скажу, что это ваша идея.

— Ладно, — сказал Джейкоб. — Говорите, что это исключительно моя идея.

Он улыбнулся, глядя, как девушка идет к гаражу, затем откинулся на подушки и закрыл глаза. Стояла совершенная тишина. Он был настолько утомлен, что так и не смог разомкнуть веки, когда услышал один резкий звук, потом другой, а немного спустя — третий. Он хотел было поглядеть в окно, что там произошло, но не смог — так сильно устал. И потом — что я сделаю, подумал он, ведь я не могу подняться.

РОБЕРТ БЛОК

КАЖДЫЙ ДЕНЬ СВЕЖИЕ ЦВЕТЫ

Бабушка жила рядом с кладбищем. В ее доме в вазе на столе всегда стояли свежие цветы.

— Ничто не делает комнату такой уютной, как цветы, — частенько повторяла она. — Эд, будь хорошим мальчиком, сбегай-ка и принеси мне что-нибудь красивое. У меня такое чувство, будто вчера после обеда около могилы Уивер что-то появилось. Ты знаешь, где именно. Выбери что-нибудь милое, но только не лилии.

Эд вышел из дома, перепрыгнул через забор и оказался на той стороне кладбища, где были могилы с провалившимися надгробными плитами. Он перебежал дорогу и срезал путь через кусты и статуи.

Эду не было еще и семи лет, а он уже знал наизусть каждую пядь кладбища, мог свободно гулять по нему даже в темноте и с завязанными глазами. Он любил кладбище. Оно было красивее двора и ветхого старого дома, в котором они с бабушкой жили. Когда мальчику исполнилось четыре года, он стал играть на кладбище. Кругом росли кусты и могучие деревья, всюду была зеленая трава, и извилистая тропинка терялась в лабиринте из могильных холмов и белых памятников. Сказочно пели птицы, и не было никого, кто бы смотрел за ним, ругал или мешал. Правда, Эд побаивался старого брюзгу сторожа и прятался от него. Тот жил в большом каменном доме на другом конце кладбища, у главного входа.

Бабушка рассказывала Эду об этом угрюмом человеке и предупреждала, что сторож может поймать его на кладбище.

— Он не любит, когда маленькие мальчики играют там, — сказала бабушка. — И совсем недопустимо играть во время похорон. Можно подумать, что кладбище — его собственность! Нет, если кто и имеет права на кладбище, так это не он, а мы! Ты можешь играть там, когда захочешь и сколько угодно. Но, Эд, старайся не попадаться сторожу на глаза. Гуляй! Мальчишкой бывают только раз в жизни.

Бабушка у Эда была отличная. Она позволяла внуку не спать до поздней ночи и играть в прятки с Сюзи и Джоем среди надгроб-

бий. В сущности, это не волновало ее, потому что она сама принимала гостей до полуночи.

Хорошо, что днем к бабушке никто не приходил. Иногда только заходили мальчик-посыльный из продуктового магазина и почтальон — раз в месяц он приносил чек на бабушкину пенсию. Целыми днями бабушка и Эд почти всегда были дома одни.

Зато вечерами бабушка принимала гостей. Они всегда появлялись после ужина, около восьми часов, когда становилось совсем темно. Иногда это была целая компания. Почти всегда приходили мистер Уиллз, миссис Кассиди и Сэм Гейтс. Были и другие гости, но Эд особенно хорошо запомнил этих троих.

Мистер Уиллз был смешным мужчиной. Он всегда ворчал, жаловался на холод и вечно спорил с бабушкой о каком-то месте, которое он называл «мой земельный участок».

— Я даже понятия не имел, до чего там будет холодно! — повторял он, когда сидел у камина в углу и грел руки. — День ото дня я мерзну все сильнее. Я не жалею, пойми меня, пожалуйста, правильно. Это не сравнить с ревматизмом, который у меня был раньше. Я думал, что они сделают мне все прилично и добротно. Я оставил им так много денег, а они выбрали самые дешевые еловые доски и какую-то блестящую хлопчатобумажную ткань, которые не выдержат первой же зимы.

Да, мистер Уиллз был удивительно ворчлив. У него было худое и бледное старческое лицо со множеством морщин и неизменной печатью дурного настроения. Эду не удавалось внимательно рассмотреть его лицо, потому что сразу после прихода гостей бабушка выключала в доме свет, и лишь огонь в камине освещал гостиную.

— Мы должны экономить, — говорила она Эду. — Моей маленькой пенсии едва хватает на жизнь, не говоря уже о том, что на нее приходится содержать и сироту.

Сиротой был Эд. Он это знал, но не понимал этого слова и не особенно переживал по этому поводу.

Он вообще был каким-то странным мальчиком...

— Если бы можно было представить, что со мной станется! — вздыхал мистер Уиллз. — Этот участок земли принадлежал моей семье. Пятьдесят лет тому назад здесь было пастбище — зеленый луг. Ты ведь помнишь, Ханна?

Ханна — имя бабушки. Ханна Морс. Дедушку звали Роберт Морс. Много лет назад он погиб на войне, и бабушка даже не знала, где он похоронен. Этот дом дедушка построил для бабушки. Эд думал, что мистер Уиллз потому так и горячился.

— Когда Роберт захотел построить этот дом, я продал ему землю, — жаловался мистер Уиллз. — Все было по-честному. Но когда пришли городские власти и потребовали землю под кладбище, они заставили меня продать им все по твердой цене — а вот это уже было непорядочно! Подкупили крючкотворов-законников и лишили человека его законной собственности. Принудительная продажа с торгов! Отчуждение имущества! Я всегда следую принципам морали! Не только в отношении ничтожного клочка земли, которого они меня лишил, но и в любых делах.

— Ну и что вы теперь собираетесь делать?! — спросила миссис Кассиди. — Что вы хотите нам доказать?!

И тут все рассмеялись. Они смеялись негромко. Бабушкины друзья всегда вели себя спокойно и тихо, независимо от хорошего или дурного настроения. Эд с особым интересом наблюдал, как смеется миссис Кассиди, потому что она была крупной женщиной и сотрясалась всем телом. Миссис Кассиди постоянно носила удивительно красивое черное платье, была припудрена и подкрашена. Она часто говорила с бабушкой о чем-то, что называла «пристанищем». Эд помнил, как однажды она сказала: «Я всегда буду им благодарна за свое пристанище. Украшения просто восхитительны даже зимой. А видели бы вы резьбу по дереву. Просто безукоризненно. Все это ручная работа, настоящее красное дерево! Они действительно не пожалели никаких денег. Я так им благодарна! Очень благодарна. Они, конечно, поставили бы и памятник, если бы я не запретила в завещании. Простая гранитная плита из Вермонта выглядит более скромно и достойно. Правда?»

Эд не совсем понимал миссис Кассиди. Впрочем, ему всегда казалось интереснее послушать Сэма Гейтса. Сэм единственный любил заниматься с Эдом.

— Ну, парень! — говорил он. — Маршируй ко мне, да садись рядом! Рассказать тебе о великом сражении?

Сэм выглядел еще молодо и постоянно смеялся. Он сидел обычно у камина. Эд располагался у его ног и слушал волнующие истории. Например, ту, в которой Сэм встречался с Эйбом Линкольном, нет, не с президентом, а с адвокатом из Спрингфильда, штат Иллинойс. Или что-нибудь еще похлеще — про кровавые бои.

— Мы в шестьдесят четвертом году знали, за что бились! Мальчик мой, я думаю, что мне посчастливилось. Я не так стар, как Уиллз. Я так и не успел жениться и не создал семьи, как вот тот старик в углу. Ну и что? Ведь кончили-то мы все одинаково же — верно, друзья?

И Сэм, подмигивая, оглядывал всех. Порой это сердило бабушку.

— Ты что, всегда так будешь себя вести? — одергивала она его. — Думаешь, если вы все так любите бывать на людях и можете заходить сюда, потому что этот дом стоит на земле, которая, так сказать, прилегает к основному участку, у тебя есть право морочить голову шестилетнему мальчишке? Это просто неприлично!

Когда бабушка так говорила, она была очень рассержена. Тогда Эд поднимался и выходил из дома, чтобы поиграть с Сюзи и Джоем.

Спустя год Эд вспоминал и никак не мог вспомнить, когда впервые начал играть с этими детьми. Часы, проведенные с ними, он помнил ясно и отчетливо. Другие подробности выскользнули из памяти: где они жили, кто были их родители, почему Сюзи и Джой приходили только вечером и звали его, стоя под окном кухни: «Хэлло, Эдди! Пойдем играть!» Джой был темноволосым тихим мальчиком примерно девяти лет. Сюзи — ровесницей Эду, или чуть младше. У нее были каштановые локоны. Она всегда носила платье с рюшами, которое очень боялась запачкать, и поэто-

му больше уделяла внимание наряду, а не игре. Эд был восхищен ее красотой. Каждую ночь дети играли в прятки на холодном, темном кладбище: они тихо звали друг друга по именам и негромко смеялись.

Даже сейчас Эд помнил, какими тихими были эти дети. Но остального про них он не помнил. Отчетливей всего он видел перед собою лицо Сюзи, слышал ее смех и голос.

Позже он никогда и никому не рассказывал об этих своих воспоминаниях. Позже, когда произошла вся катастрофа. А началась она с того, что пришли из школы люди и спросили бабушку, почему Эд не пошел в первый класс. Они поговорили с нею, затем с Эдом. С волнением он вспомнил, как бабушка заплакала. Затем пришел большой мужчина в голубом и показал ей пачку бумаг... Эд не мог даже спокойно вспоминать об этом. После прихода мужчины не стало ни вечеров у камина, ни игр на кладбище, и даже Джой и Сюзи пропали бесследно. Мужчина довел бабушку до слез, говоря о неспособности и небрежности в том, что он называл «опекунством». И все это произошло потому, что Эд по глупости проболтался ему об играх на кладбище и бабушкиных друзьях.

— Вы совсем сбили с толку бедного ребенка, разве вы этого не видите?! — спросил мужчина бабушку. — Так дальше не может продолжаться, миссис Морс. Внушать ребенку эту нездоровую чепуху о мертвых!

— Они не мертвые! — закричала на него бабушка. Эд никогда еще не видел ее в такой ярости. — Они друзья — мои и моего внука! Я всю жизнь прожила в этом доме с того времени, как муж погиб на Филиппинах, и впервые сегодня в этот дом вошел чужой человек! Мои соседи приходят к нам регулярно. Мы живем бок о бок. Они не мертвые! Для Эда и для меня они значат много больше, чем люди вашего сорта!

Но мужчина даже не слушал бабушку, он не задавал больше никаких вопросов. И все остальные мужчины и дамы были дружелюбны и вежливы. Они забрали с собою Эда в город, в сиротский дом. Это был конец. В сиротском доме не было ежедневно свежих цветов. Хотя Эд познакомился со многими детьми, он не встретил таких, как Джой и Сюзи. И дети, и взрослые очень хорошо относились к нему. И миссис Уэрд, директор, сказала Эду, что он должен видеть в ней свою маму — это единственное, что она может для него сделать. Он не знал, что она хочет этим сказать. А она не объяснила. Она не говорила, что случилось с бабушкой, почему она не приходит к нему. Ничего миссис Уэрд не отвечала Эду и тогда, когда он спрашивал ее о своем прошлом. И это было лучше для него. Он пытался забыть все, что происходило с ним до сиротского дома. И постепенно Эд забыл все.

Так прошло двадцать лет... И сейчас он с таким трудом пытался все вспомнить. Он очень хотел вспомнить все.

* * *

Когда Эд собрался идти в армию, пришло письмо от бабушки. Это было одно из немногих писем, которые Эд получил за свою

одинокую жизнь. И поначалу адрес и имя Ханны Морс ни о чем не сказали ему. Да и письмо — пара строк, написанных дрожащей рукой на линованой бумаге — не прояснило его туманных воспоминаний. «Я была в санатории, — писала бабушка, — но теперь я опять дома и разузнала все о том подлом плане, который они осуществили, чтобы получить тебя в свои руки. Если ты, Эд, хочешь вернуться домой...» Эд в отчаянии затосковал по дому. Но он уже был в солдатской форме и ожидал приказа. Конечно, он ответил бабушке. Он написал, что слишком долго был за океаном, и, кроме того, выслал ей деньги.

Иногда бабушкины письма доходили до Эда. Она писала, что ждет его в отпуск. Она регулярно читает газеты. Сэм Гейтс говорит, что война — это такое ужасное дело.

Сэм Гейтс... Эд стал взрослым мужчиной. И Сэм для него принадлежал уже миру нереальному. Но бабушка вновь писала ему о фантастических личностях — о мистере Уиллзе, миссис Кассиди, о «новых друзьях», которые теперь приходят к ней. «У меня всегда много свежих цветов, дорогой Эд, — писала бабушка. — Не проходит и дня, чтобы они на той стороне не играли свою грустную музыку. Конечно, я уже не так здорова, как раньше, — мне уже 77 лет, но цветы я приношу себе, несмотря ни на что».

С тех пор как Эда ранили, письма приходить перестали. На долгое время для Эда все остановилось: только кровать, доктора, медсестры, уколы и боли. Из этого состояла жизнь Эда. Из этого да из попыток все вспомнить — все про детство. Однажды Эд уже почти собрался все рассказать врачу, но вовремя сдержался. Об этом нельзя никому говорить и рассчитывать, что тебя поймут. Эд уже имел массу неприятностей и вовсе не хотел попасть в сумасшедший дом. Вскоре он выздоровел и вновь написал письмо. Прошло почти два года. Война уже закончилась. Так много всего произошло, что Эд едва надеялся на ответ. Ханне Морс теперь восемьдесят, если...

Он получил ответ за пару дней до выписки из госпиталя. «Дорогой Эд...» Такой же дрожащий почерк, вероятно, и листок из той же линованой тетради. Ничего не изменилось. Бабушка все еще ждала и знала, что он не откажется приехать. Произошло нечто странное, о чем она хотела ему сообщить. Помнит ли Эд еще старого угрюмого человека, сторожа кладбища? Прошлой зимой он попал под поезд. И с тех пор он живет по соседству и вечерами вместе с другими соседями приходит к ней в гости. Сейчас он с нею очень дружен и даже симпатичен ей, не то что раньше. Они так много расскажут Эду, когда он вернется... И Эд вернулся...

* * *

Спустя двадцать лет Эд вернулся. До этого был долгий месяц в Гонолулу, полный самых невероятных людей и событий. Ночи, проведенные в баре, девочка по имени Пегги, медсестра по имени Линда, рабочий из госпиталя, который предлагал Эду на сэкономленные деньги открыть дело.

На корабле все постоянно говорили о России, об инфляции, о жилищной проблеме. Эд слушал, кивал и пытался вспомнить слова, которые употреблял Сэм Гейтс, когда рассказывал об Эйбе Линкольне из Спрингфилда штата Иллинойс. Эд написал миссис Ханне Морс о намерении приехать и полетел самолетом. Последние сорок миль он проехал на автобусе. Он перекусил на вокзале и уже в сумерки поехал в город. Такси доставило Эда до бабушкиного дома. От волнения Эд задрожал, когда вышел у дома на углу кладбища; он заплатил водителю. Машина уехала. Эд, собравшись духом, постучал в дверь. Он глубоко вздохнул. Открылась дверь — он был дома. Он знал, что он дома, потому что ничего не изменилось. Совсем ничего. Бабушка была все той же бабушкой. Она стояла у двери, маленькая и очаровательная. Очень, очень старая женщина. Она, освещенная огнем в камине, взглянула на внука и сказала:

— Эд, мальчик! Ты ли это, правда? Какую шутку сыграла память! Я думала, что ты все еще маленький мальчик! Иди ко мне, Эд, иди сюда. Сначала вытри ботинки.

Он вытер ботинки о циновку и вошел в комнату. Затем подложил в камин полено и сел на стул.

— В мои годы все уже делается не так просто, мальчик, — вздохнула бабушка. Она села напротив внука и улыбнулась.

— Ты не должна жить одна, — сказал Эд.

— Одна? Но я не одинока! Ты уже не помнишь мистера Уиллза и остальных соседей? Они тебя не забыли. Они только и говорят что о твоём возвращении.

— Правда? — спросил Эд и уставился на огонь.

— Конечно. Ты же знаешь, Эд!

— Да. Только я думал...

Бабушка улыбнулась.

— Я тебя понимаю. Ты попал под влияние этих людей, которые так ничего и не поняли. Я встретила с одним таким в санатории. Они держали меня почти десять лет, пока я не поняла, как нужно себя с ними вести. Вечная болтовня о духах, привидениях. В конце концов я сделала вид, что соглашаюсь с ними. И они отпустили меня домой. Мне кажется, что с тобой все было также. Но ты сейчас не знаешь, чему верить по-настоящему.

— Да, бабушка, я не знаю.

— Ах, мальчик, не волнуйся. Тебе же нельзя волноваться, у тебя же прострелены легкие.

— Мои легкие? Откуда ты знаешь про них?

— Они написали мне письмо, — сказала бабушка. — Не знаю, правда то, что они написали, или нет, мне безразлично. Я знаю, что ты не боишься. Ты не вернулся бы, если бы боялся. Не так ли, Эд?

— Да, бабушка. Я думал, что если даже мне остается жить совсем немного, я все равно должен приехать сюда. Кроме того, я хочу раз и навсегда узнать, правда ли...

Он замолчал и ждал, что она ответит. Но бабушка только кивнула и склонила голову набок.

— Ты скоро все узнаешь.

Миссис Ханна Морс улыбнулась, и Эд сразу вспомнил все ее хорошо знакомые жесты и привычки. Будь что будет, а этого у него никому не отнять: он был у себя дома.

— Боже мой, почему же они задерживаются?

Бабушка быстро встала и подошла к окну.

— Они опаздывают.

— Ты уверена, что они придут?

Эд сказал это и тут же пожалел о сказанном.

Бабушка резко повернулась к нему.

— Да, придут, у меня нет никаких сомнений. Может, я ошиблась в тебе? Может, ты не уверен?

— Не сердись, бабушка.

— Я не сержусь. Ах, Эд, может, они вдолбили тебе, маленькому, в голову свою чушь, и ты теперь ничего не можешь вспомнить?

— Конечно, я помню. Я помню все, даже Сюзи и Джоя. И свежие цветы каждый день. Но...

— Цветы... — бабушка посмотрела на внука. — Да, ты помнишь, и я рада этому. Ты каждый день приносил мне свежие цветы, правда?

Она взглянула на стол. В центре его стояла пустая ваза.

— Может быть, это можно поправить? Если принесешь цветы. Сейчас. До их прихода.

— Сейчас?

— Пожалуйста, Эд.

Он молча прошел в кухню и открыл дверь во двор. Светила луна. Было достаточно светло, чтобы отыскать тропинку к забору, за которым в серебристом великолепии лежало кладбище. Эд не почувствовал никакого страха. Он вообще ничего не почувствовал. Он перелез через забор и не обратил внимания на резкую внезапную боль в груди. Затем он пошел по дорожке, посыпанной гравием. Он шагал медленно между могилами, вспоминая каждый метр.

Цветы. Свежие цветы со свежих могил. Это была абсолютная чушь, и он почувствовал, что уже вполне свихнулся — его можно отправлять в сумасшедший дом. И все-таки это было правдой. Это должно быть правдой. Он увидел холмик у самой ограды. На нем был простой столбик из дерева, и рядом лежал одинокий букет.

Эд нагнулся. Взяв букет, он ощутил свежесть и влажную шероховатость недавно срезанных черенков.

Луна светила очень ярко. Он прочел буквы на дощечке, прибитой к столбу: «ХАННА МОРС. 1870—1949».

Ханна Морс — это была бабушка. Цветы были свежие. Могила была явно сегодняшняя.

Эд медленно пошел назад. Ему стало очень плохо. Он с трудом перевалил через забор, боясь выронить цветы, но он все же перелез и не выронил, хотя ему было очень больно. Он открыл дверь и вошел в комнату, где догорал огонь в камине. Бабушки дома не было. Эд поставил цветы в вазу. Бабушки не было, не было и ее друзей. Но Эда теперь это совсем не беспокоило.

Они непременно придут снова. И мистер Уиллз, и миссис Касиди, и Сэм Гейтс. Скоро он снова услышит, как его зовут тонкие детские голоса под окном кухни: «Хэлло, Эд-ди!» Наверное, се-

годня вечером он не сможет выйти. У него чересчур болит грудь. Но он когда-нибудь все равно выйдет на улицу. А пока они будут навещать его дома.

Эд улыбнулся и опустился в кресло перед камином. Он был дома и ждал.

РОБЕРТ АРТУР

КРИК О ПОМОЩИ

В десятый раз за день слабым голосом Марта Хелси вслух читала заметку в «Дельвиль Уикли Колл»:

«Фирма по продаже имущества «Боггз и Боггз» сообщает, что выставляется на продажу старый дом Хелси, расположенный напротив здания суда. Этот дом, собственность мисс Марты и Луизы Хелси, дочерей Дж. Х. А. Хелси, продается их племянницей миссис Элен Хелси Бодвин».

В это время Луиза, чьи старческие руки были заняты работой — она стегала одеяло, сидя в кресле, молчала. Лишь ветер пронзительно завывал и трепал плющ на крыше старого дома, и этот шум отдаленно напоминал звуки большого города.

С того момента, как Элен перед завтраком принесла газету, они только и делали, что перечитывали эту заметку. Сначала Луиза предположила, что здесь какая-то ошибка, но Марта лишь презрительно фыркнула. Затем Луиза хотела позвать Элен и все у нее узнать, но из каких-то соображений Марта не позволила это сделать.

И наконец, после долгих размышлений, обсуждений и изнурительных предположений Марту вдруг осенило. При сопоставлении того, что случилось за последние шесть месяцев, учитывая смерть бедной Квини на прошлой неделе, напрашивался единственный возможный ответ. Ей все стало ясно.

Прежде чем заговорить, Марта все взвесила. Затем медленно и совершенно спокойно она открыла Луизе истину.

— Луиза, я убеждена, Роджер и Элен хотят нас убить.

— Убить?

Луиза, сидя в своей инвалидной коляске, пристально смотрела на нее. Лицо ее недоверчиво исказилось.

— О нет, Марта!

— Не вижу другого ответа, — сказала Марта.

Черты ее лица, как будто высеченного из гранита, ожесточились еще больше. Ей было уже восемьдесят, но голубые глаза не утратили блеска.

— Сейчас я понимаю, почему Роджер и Элен так настаивали, чтобы мы переехали из своего дома к ним, — сказала она. — И

почему они уговорили нас передать все полномочия, связанные с нашей собственностью, Элен. И это то, что Роджер называл незначительными деталями, касающимися нашего наследства.

Истина совершенно проста, если мы рассмотрим факты. Во-первых, Роджер и Элен изолировали нас от наших старых друзей и соседей. Сейчас они собираются продать наш дом. Скоро, очень скоро, они, вне сомнения, примутся за наши акции.

— Они не смогут этого сделать до нашей смерти! — выдохнула Луиза.

— Это и есть самое главное.

Марта поднялась и, опираясь на трость, проковыляла до окна комнаты, которая служила им и спальней, и гостиной. Осенний ветер рвал голые ветки деревьев, окружающих старый дом. Марта, рискуя простудиться, открыла окно.

— Тоби! — позвала она. — Тоби, сюда!

Но она не услышала мяуканья и не увидела пушистый комочек, бросающийся к ней. Марта закрыла окно на задвижку и вернулась к коляске своей сестры, стоявшей рядом со столом. На нем ярко светила большая керосиновая лампа.

— Сначала Квини, — сказала она в отчаянии, — сейчас Тоби! Говорю тебе, Луиза, завтра или послезавтра Роджер принесет Тоби совершенно окоченевшего и будет притворяться, что охвачен горем. Точно также, как он принес на прошлой неделе Квини. Отравленную, конечно.

Марта сурово посмотрела на сестру. Глаза Луизы наполнились слезами.

— Бедная Квини, — прошептала она. — Роджер сказал, что, скорее всего, она съела отравленную приманку, которую поставил фермер. Это правда, Марта. Фермеры действительно...

— Неужели Квини могла съесть что-то на улице, если она привыкла в течение восьми лет питаться только из наших рук? — спросила Марта. — Квини была особой кошкой. Я скажу тебе, кто ее отравил. Роджер и никто больше!

Луиза не могла отвести взгляда от сестры, а ветер завывал вокруг старого дома.

— Но почему?

— Посмотри на все, что произошло за последний месяц. И тогда многое станет ясным. В один день ты чувствуешь слабость и недомогание, на следующий — тебе значительно лучше. Через два дня тебе снова плохо. Как ты это можешь объяснить?

— После семидесяти пяти...

— Чепуха. Ты никогда так не болела, когда мы жили в нашем доме.

— Да... Это так.

— Дальше. Я уверена, и мне хотелось бы тебе напомнить, что Роджер — фармацевт и имеет доступ ко всем препаратам, включая яды.

— О нет, Марта!

— Роджер очень умен. Он делает все постепенно, так, чтобы мы могли медленно чахнуть и однажды умереть, будто бы естественной смертью, — Марта почти прошептала последние слова. — Все твои симптомы, Луиза, — симптомы хронического отравле-

ния, скорее всего, мышьяком. Квини часто ела из твоей тарелки. Раз она была меньше тебя — она и умерла, в то время как ты только заболела. А Роджер принес ее и сочинил историю о том, что она съела приманку, отравленную каким-то фермером.

Марта, кипя негодованием, тяжело дышала.

— Потом Роджер проделал что-то похожее с Тоби. Только Тоби мог заболеть на наших глазах, и мы бы заподозрили что-то неладное. Поэтому он решил избавиться от Тоби, и бедный, дорогой котик исчез.

— О, как отвратительно, — выдохнула Луиза. — Ты уверена?

— На основе наблюдений, включая тот факт, что Роджер купил вчера новую машину...

— Но это на самом деле не новая машина, — возразила Луиза, — у нее уже был хозяин, а Роджеру она действительно необходима. Ведь на улице зима.

— Теперь картина ясна. Нужда! Роджер и Элен нуждаются в деньгах. Ты знаешь, как мало получает Роджер в аптеке мистера Джебвея. Взвесь все факты. Два года назад Роджер приехал сюда неизвестно откуда. Он познакомился с Элен, и она вышла за него замуж... Не надо закрывать глаза на то, что Элен — простушка. Чем она могла привлечь Роджера? Я все время об этом думала. Теперь я знаю. Тем, что она наша единственная родственница. А мы — владелицы большого дома, и после нас останутся акции. Таким образом, Роджер не упустил свой шанс. Он женился на Элен, предполагая, что когда-нибудь приберет к рукам всю нашу собственность, отравив нас обоих.

— Может быть, ты и права, — сказала Луиза, но на ее сморщенном лице отразилось сомнение. — Она очень проста. Но так доброжелательна, мужчины не всегда женятся на женщинах с такой внешностью, как у нее.

Марта вытянула в сторону сестры костлявый палец.

— Знаешь, с Элен произошли перемены. Ты заметила, какой скрытной она стала? Как она уклонялась от разговоров о доме? Как она и Роджер обмениваются взглядами, когда думают, что мы их не видим? А если мы заговариваем о деньгах, они меняют тему разговора.

Марта, понизив голос, продолжала:

— Я забыла, они могут подслушивать под дверью. Как я уже сказала, сопоставим все факты. Мы были счастливы в нашем доме. Прошлым летом Элен и Роджер постарались убедить нас, что они озабочены нашей судьбой. Они сказали, что из-за моей хромоты и твоего артрита мы не можем полагаться только на себя. Чепуха! Мы могли продать кое-какие акции и нанять горничную и кухарку.

Но нет. Мы, две глупые старухи, согласились поручить Элен управление нашей собственностью и переехать сюда, к ним. Сейчас мы полностью изолированы, никого не видим и с трудом можем выходить из дома. Мы не получаем никакой почты. Даже судья Бек не посещает нас, и я три дня назад написала ему письмо, в котором прошу его — нет, умоляю его — нанести нам визит. Я написала, что хочу сказать ему что-то важное.

— Ты написала судье Беку? — воскликнула Луиза. — Ты мне не говорила об этом.

— Потому что не хотела делиться с тобой моими подозрениями. Но сейчас я во всем уверена и собираюсь рассказать все судье, если увижу его. Я совершенно уверена, что Роджер не передал моего письма.

Марта поджала губы.

— Похоже, ждать осталось недолго. Роджер стал нетерпелив. Совершенно очевидно, что вначале он все спланировал относительно тебя, а затем — относительно меня. Нет никаких сомнений.

— О, Марта! — Луиза разволновалась и заморгала выцветшими голубыми глазами.

— Я собираюсь позвать их и посмотреть, что они скажут. О, я не собираюсь обвинять их, но мы могли бы по их ответам на мои вопросы определить, что они задумали.

Марта открыла дверь в коридор, который вел через небольшой холл в главную часть дома, и позвала:

— Роджер! Элен!

— Да, тетушка? — ответил молодой женский голос.

Марта вернулась на свое место, и скоро появилась Элен, молодая женщина с темными внимательными глазами и скошенным подбородком. Она вошла, вытирая руки о фартук, и улыбнулась.

— Ужин будет готов через минуту, — сказала она. — Жаркое в горшочках. Звучит неплохо?

— Очень хорошо, Элен, — сказала Марта, — но мы хотели поговорить с Роджером.

— Кто-то звал меня?

В холле раздались тяжелые шаги, и появился Роджер. Он был невысокого роста, кудрявый. По внешнему виду его можно было бы назвать жизнерадостным, если бы не жесткие складки вокруг рта. Он носил очки в массивной оправе.

— А вот и я, тетушки, целиком и полностью.

Он рассмеялся, как будто удачно пошутил.

— Что я могу для вас сделать?

Он обнял за талию жену и улыбнулся им. Губы его улыбались, но увеличенные линзами глаза, казалось, пронзают их насквозь.

— Мои три прекрасные девочки. Мой собственный маленький гарем.

Он прижал Элен к себе.

— Роджер, я удивлена, почему ничего не слышно от судьи Бека, — сказала Марта. — Ты передал ему мое письмо?

— Нет.

Казалось, Роджер смутился.

— Я оставил его секретарю и собирался сказать вам об этом вечером. Судьи Бека нет в городе.

— Его нет в городе? — воскликнула Луиза, внимательно глядя на него.

Роджер закашлялся, и даже Луиза не могла не заметить, как он и Элен переглянулись.

— Он поехал в Бостон по делу. Секретарь сказал, что оно достаточно важное.

— Но у судьи нет клиентов в Бостоне, — с уверенностью сказала Марта.

— Это единичный случай, — ответил Роджер. Казалось, что он произнес это с трудом.

— А когда он собирался вернуться? Судья ненавидит Бостон.

— Через день-два, — быстро сказал Роджер. — Как только он вернется, то получит ваше письмо.

— Ммм...

Марта бросила взгляд на Луизу, а та слегка кивнула, показывая, что она заметила увертки Роджера.

— В этой газете, Роджер, говорится, что Элен предложила наш дом Богтзам для продажи. Используя, конечно, право управляющей, которое мы ей предоставили. Несомненно, это ошибка.

Вновь они увидели быстрый взгляд, которым обменялись Роджер и Элен. Роджер был в замешательстве.

— Тетя Марта, — сказал он. — Дом нужно ремонтировать. Мы думали, что вы счастливы с нами и согласны на его продажу.

— Роджер!

Марта встала, опираясь на трость, и посмотрела ему в лицо. Он не смог выдержать ее пристального взгляда.

— Вспомни, мы согласились жить здесь с тобой и Элен только в том случае, если сможем вернуться в наш дом в любое время, как только пожелаем этого. Разве не так, Элен?

— Да, тетя Марта, конечно, — сказала Элен, теребя фартук.

— Это значит, что у нас не было намерений продавать его, пока мы живы.

— Мы хотим вернуться, — сказала Луиза. Ее голос дрожал.

— О, нет, тетя Марта! — запротестовала Элен. — Вы не можете!

— Скажите, пожалуйста, почему? — потребовала Марта.

— Потому что на дворе зима, — сказал Роджер с прежним самообладанием. — В доме надо поставить новую отопительную систему, а это потребует много времени. Следующим летом это, наверное, можно будет сделать. Нет ничего хуже холодного дома зимой, особенно если ты не совсем здоров.

Он почти умолял, складки вокруг его рта, казалось, стали глубже.

— Кроме того, Элен говорила, что вы хотели жить с нами. Мы думали, что вы счастливы тем, что не живете в одиночестве.

Марта остановила Луизу взглядом, не давая ей сболтнуть лишнего.

— Мы думали об этом и обсуждали этот вопрос с судьей Бекком, — сказала она.

— Элен, пора ужинать. Я должен вечером вернуться в аптеку. Мистер Джебвей гриппует.

Роджер и Элен отправились на свою половину дома.

Марта повернулась к Луизе.

— Убедилась? Теперь ты согласна со мной?

— О, да! — выдохнула Луиза. — Дорогая, он так лгал. Почему это отопительная система нашего дома плохо работает? Она никогда не беспокоила нас с тех пор, как отец установил ее тридцать семь лет назад.

— И какой это разовый клиент заставил судью Бека поехать в Бостон? — с усмешкой спросила Марта и пристально посмотрела на сестру. — Ты заметила, как мгновенно Роджер решил вернуться в аптеку сегодня вечером? И сбежал от дальнейших расспросов. Так или иначе, ему понадобился яд из аптеки мистера Джебвея.

— Марта! — Луиза прикусила кончики пальцев.

Ночью сестры плохо спали. Марта несколько раз поднималась и, накинув халат, подходила к окну, чтобы позвать Тоби. Но так и не услышала никакого мяуканья.

— Тоби исчез, — сообщила она утром Луизе. — Мы никогда его не увидим.

— Бедный Тоби.

Слезы выступили на глазах Луизы.

— Почему они такие жестокие? Я помню, Элен была всегда такой мягкой.

— Была, — сказала Марта. — Роджер полностью изменил ее характер. Женщина всегда оказывается под влиянием мужа.

— Но помогать Роджеру убить нас...

— Пока они убили лишь кошек. Мы можем помешать им убить нас. У меня есть план.

Голос Марты стал жестким.

— Мне не хотелось бы к нему прибегнуть, но я чувствую, что должна.

В холле послышались шаги, и вошла Элен с подносом.

— Доброе утро, — сказала она и поставила посуду на стол.

Казалось, что и она плохо спала.

— Вареные яйца, горячие кексы и чай. Вкусно и калорийно. Знаете, сегодня утром тарелка с кормом для цыплят подернулась льдом.

— Мы почти не спали, — сообщила ей Марта. — Мы беспокоились о Тоби.

— Дорогая, он не вернулся?

Похоже, Элен искренне расстроилась.

— Надеюсь, он не пропал — я имею в виду, что не заблудился. Если это так, то я уверена, он вернется.

— Я не могу есть, на самом деле, не могу, — пролепетала Луиза после ухода Элен. Она равнодушно потыкала золотисто-коричневый горячий кекс.

— Мы должны поддерживать силы, — сказала Марта. — Съешь вареные яйца. Они в скорлупе, а значит, вполне безвредны. И выпей чая.

— Я постараюсь.

Луиза управилась с вареными яйцами и выпила немного чая, хотя он и показался ей слишком крепким. Марта съела весь свой кекс и яйца. Но крепкий чай пить не стала.

— Как ты думаешь, мы можем пробраться к телефону и позвонить судье Беку? — спросила Луиза, когда они позавтракали.

— Ты забыла! — Марта бросила на нее многозначительный взгляд. — В прошлом месяце Роджер отключил телефон.

— О, и правда! — воскликнула Луиза. — Он сказал, что за телефон надо много платить.

— Несмотря на то, что мы предлагали платить за него. Это был первый шаг по отрезанию нас от мира.

— Мы абсолютно лишены возможности добиться какой-либо помощи! — в панике воскликнула Луиза.

— Да, это так. И я сказала тебе прошлой ночью, что не хотела бы прибегнуть к этому, но буду вынуждена. Займись теперь своим одеялом. Я закончу читать газету. Ты должна слушать внимательно. С чего начинать?

— О, с некрологов, — сказала Луиза. — Посмотри, может быть, умер кто-нибудь из наших знакомых, — ее лицо стало раздраженным. — Мы совершенно не получаем каких-либо новостей. Мэри Томпсон все нам рассказывала, но у нее нет машины...

Пристальный взгляд Марты остановил ее.

— Что такое?

— Мэри Томпсон!

— Она не умерла? — встревоженно спросила Луиза.

— Нет, — Марта сжала губы. — Но было бы лучше, если бы она умерла. В газете сообщается, что она в приюте.

— О, нет! — воскликнула Луиза.

Марта кивнула.

— Самое грустное, что по собственному желанию. Вообрази женщину ее возраста, живущую в таком страшном месте. Переполненное, гниющее, кишачье крысами. Действительно приют! Достойное имя не означает хорошее место. Беднейший дом округа. Позор для общества. Он ее погубит.

— Бедная Мэри, — посочувствовала Луиза. — О, эти незабываемые чаепития, когда в камине пляшет огонь, перед ним резвятся котята, а Мэри Томпсон приходит к нам в гости.

Она стала похожа на обиженного ребенка.

— Если мы вернемся в наш дом, Мэри сможет поселиться вместе с нами. Мы найдем прислугу и будем совершенно счастливы.

— Да, все будет именно так, — пообещала Марта. — Мэри Томпсон не будет влачить жалкое существование в таком ужасном месте, как только у нас появится возможность помочь ей чем-нибудь.

Перспектива жизни в их собственном доме в кругу друзей подняла на несколько минут настроение Луизы. Она задумалась и не заметила, как всадила иглу, которой стегала одеяло, в свое выходное платье, купленное двадцать лет назад. Это и вернуло ее к действительности.

— Мне плохо.

Она подождала секунду, а затем умоляюще посмотрела на Марту.

— Такая слабость. Лучше лечь в постель.

Марта уложила сестру и помассировала ей запястья.

— Так лучше? — спросила она участливо.

— Я чувствую такую слабость, — прошептала Луиза. — Совершенно обессилена и беспомощна. Мне дурно. А если... а если меня отравили!

Последние слова перешли в испуганный, отчаянный шепот, и когда они произносились, две сестры испуганно смотрели друг на друга.

— Чай, — сказала Марта. — Он очень умен, этот Роджер, но я не пила чая, а ты выпила совсем немного...

Она крепко сжала запястья Луизы.

— Я уверена, ты больна несерьезно. Ты выпила чая недостаточно для того, чтобы отравиться. Во всяком случае, я раскусила план Роджера — он делает все постепенно, чтоб была иллюзия, будто мы измотаны болезнью. Но мы можем настоять на визите доктора Робертса. И попросить его связаться с судьей Беком.

— Какая ты умная, Марта, — восхищенно прошептала Луиза.

— До тех пор, пока мы не увидим судью, мы не должны говорить кому-нибудь о том, что подозреваем Роджера и Элен, — предостерегла Марта. — Если Роджер догадается, что мы подозреваем, он не станет ждать.

— Да, конечно, да.

Но когда пришла Элен, стало понятно, что она не собирается вызывать врача. Она суежилась вокруг Луизы и пичкала ту аспирином, обкладывала горячими бутылками. Однако Марта настаивала, и, в конце концов, с явной неохотой Элен накинула пальто и пошла к ближайшим соседям, имевшим телефон, они жили в четверти мили. Она вернулась и сказала, что доктор Робертс сейчас принимает роды, но как только освободится, сразу придет.

Время тянулось. Луизе не становилось хуже. Но она оставалась в кровати, время от времени постанывая. Марта массировала ее запястья и потирала виски. Они обе отказались от ленча, и Элен явно расстроилась.

— Но вы должны есть, — настаивала она, — надо поддерживать силы.

— Я хорошо позавтракала, — сказала Марта. — И я уверена, что Луизе будет хуже, если она что-нибудь съест. Лучше вообще обойтись без еды, чем есть без аппетита.

Элен, выглядевшая очень расстроенной и обеспокоенной, унесла ленч.

Запыхавшийся и с трудом дышавший доктор Робертс пришел днем. Он был невысокого роста, полный, с белыми пушистыми волосами, немного моложе сестер.

— Что случилось, что случилось? — спросил он, садясь и проверяя пульс Луизы. — Ммм. Нервический пульс. Покажите-ка язык, молодая леди.

Марта встревоженно встrepенулась, когда доктор Робертс достал стетоскоп и стал прослушивать сердце Луизы.

— Что-то расстроило вас, Луиза? — спросил он, поглаживая подбородок. — Элен сказала мне, что вы потеряли кошку.

— Ее отравили, — сказала Марта. — А сейчас исчез Тоби. Мы боимся, что он тоже отравлен.

— Ммм, гмм. Это плохо. Я уверен, вы все это очень переживаете. Я выпишу рецепт лекарства, которое Роджер сможет для вас приготовить. Вам повезло, что в вашей семье есть фармацевт. Вы получаете медикаменты в полцены. Медицина сейчас очень дорога.

— Расстроена! — воскликнула Луиза, когда доктор ставил на рецепте печать. — Доктор, я...

Марта энергичными жестами попросила ее замолчать. Доктор, занятый рецептом, не обратил на это никакого внимания.

— Доктор, — спросила Марта, когда тот спрятал свой стетоскоп. — Не могли бы вы передать судье Беку нашу просьбу?

— Конечно, конечно, Марта. Какую просьбу?

Он стоял и спокойно поглаживал свою лысину.

— Попросите его приехать к нам вечером. Скажите, что это жизненно важно.

— Жизненно важно. Гмм. Не хотелось бы просить его выходить из дома в ночь. Он совершенно замерзнет.

— А разве он не в Бостоне? — воскликнула Луиза.

— Бостон? Как вам пришла такая мысль? Он был совершенно больной, когда я видел его накануне.

— Пожалуйста, попросите его приехать вечером, — настаивала Марта. — Скажите, что речь идет о жизни и смерти.

— О жизни и смерти? Гмм... — доктор удивленно поднял брови. — Хорошо, хорошо, если он сможет. И не терзайтесь о Тоби и Квини. Заведите пару резвых котят, и вы как будто заново родитесь.

— Мы так и сделаем, когда вернемся в наш старый дом, — решительно сказала Марта. — Люблю наблюдать за котятами, играющими перед камином.

— В ваш дом? — доктор метнул на нее взгляд. — Но почему вы хотите вернуться? Это тяжело для вас — слишком тяжело. Вы не сможете о нем заботиться. Я советую вам оставаться здесь, так будет лучше.

Он распрощался, и они слышали, как Элен остановила его в холле. Марта прислонилась к двери, подслушивая. Минуту спустя она вернулась к Луизе.

— Он сказал, что ты совершенно расстроена, — прошептала она. — Он прописал транквилизаторы.

— Транквилизаторы! Нам следовало рассказать ему о яде.

— Он не стал бы слушать. Разве ты не видишь? Элен и Роджеру все симпатизируют. Все думают, что они мягкие, с любовью заботящиеся о двух несчастных старых женщинах.

Марта в отчаянии сжала руки.

— Луиза, даже если судья Бек приедет вечером, он подумает то же самое. Я это так и вижу. Мы обе будем в могиле, а все будут сочувствовать Элен и Роджеру.

— Можем мы не давать наши акции Элен и Роджеру? — прошептала Луиза. — Тогда у них не будет причины убивать нас.

— Да, конечно, — глаза Марты сузились. — Но тогда они спровадят нас в приют. Как тебе нравится перспектива провести оставшиеся дни в этом страшном месте?

— Я умру. Но если никто не будет слушать нас...

— Остается только одно. Мы должны бежать.

— Но Марта! — Луиза привстала. — Ты же знаешь, я не могу. Ты не пройдешь и четверти мили до Лемба, ведь тебе придется везти меня. Мы замерзнем до смерти. Ты слышишь, какой ветер?

Ветер бился в окно. Но Марта загадочно кивнула.

— Ты увидишь. Я говорила, что у меня есть план. Мы убежим, не боясь ничего.

— Но как? — спросила Луиза. — Они объявят, что мы сумасшедшие старухи, и вернут нас назад.

— Я подумала и об этом. Мы убежим, и они не помешают нам вернуться в наш старый дом. Но прежде подождем, пока Роджер вернется с работы.

Несмотря на просьбы Луизы, она отказалась говорить что-либо еще. Температура воздуха понизилась, а с наступлением сумерек сестры чувствовали холод сквозь большие окна дома. Марта стала увязывать драгоценности и безделушки в старую шаль.

— Я не могу взять много, — сказала она. — Мы вынуждены оставить одежду. Но когда мы сможем продать акции, то все купим.

Луиза чувствовала себя лучше и теперь сидела.

— Я хотела бы знать больше о твоем плане. Ты определенно не сможешь провезти меня более четверти мили. Мы замерзнем.

— Всему свое время, — сказала Марта. — Но помни, мы не должны показывать, что подозреваем Роджера и Элен в их намерении убить нас. Они убили Квини и Тоби, а сейчас хотят убить нас. Поклянись молчать.

— Хорошо, — покорно сказала Луиза. — И конечно, мы не должны что-нибудь есть.

— Конечно, нет. Но тсс... — Роджер здесь, и я слышу, Элен несет ужин.

Послышалось звяканье посуды, и вошла Элен, неся поднос с тарелками. Следом вошел Роджер, его очки ярко блестели.

— Доктор Робертс дал мне указания, тетушка Луиза, — сказал Роджер. Он ослепительно улыбнулся и достал из кармана пузырек, подкинул его и поймал. — На самом деле это не дешевле золотого песка. Зато через неделю вы будете чувствовать себя, как шаловливый жеребенок.

— Спасибо, Роджер. Я приму это позже.

— По рецепту — перед едой. То есть сейчас. Ну, глотайте же.

Он протянул ей красную таблетку и стакан воды. Луиза бросила отчаянный взгляд на Марту и выпила таблетку.

— Молодец. А другую выпьете перед сном.

— Вы где-нибудь видели Тоби? — спросила Марта. — Он исчез.

Роджер облизнул губы, а Элен быстро спросила:

— Тоби? Нет, но я уверена, он вернется. Он ведь такой заядлый путешественник.

— Мне показалось, я слышала его в подвале. Он так жалобно мяукал. — Марта выглядела совсем встревоженной. — Пожалуйста, Роджер, ты не мог бы спуститься и посмотреть.

— В подвале? — Элен и Роджер обменялись озадаченными взглядами. — Но как он мог туда попасть? Мы бы слышали его тоже.

— Пожалуйста, Роджер, посмотри везде. Ты услышишь его, не так ли, Луиза?

— О, да. Я уверена, что он в подвале, — сказала Луиза.

— Не будет вреда, если ты посмотришь, — поддержала ее Элен. — Может быть, он туда проскользнул, когда я доставала из подвала варенье.

— Конечно, я схожу посмотрю, — Роджер завернулся в плед подчеркнуто демонстративно. — В подвал — на поиски старого Тоби!

Он прошел в холл и стал спускаться по лестнице. Вскоре они услышали его приглушенный голос из подвала:

— Никаких признаков кота.

— Элен, пожалуйста, иди посмотри, — попросила Марта. — Тоби мог спрятаться за ящиком с углем, и Роджер его не увидел.

— Хорошо, — сказала Элен и пошла на помощь Роджеру.

— Тоби, Тоби, — слышали они ее голос. — Тоби, сюда.

Марта проковыляла в холл и быстро закрыла дверь в подвал. А затем задвинула тяжелый засов.

— Все! — победно воскликнула она. — Сейчас мы можем бежать.

— Но мы замерзнем! — простонала Луиза.

Марта подняла ее с постели и закутала в пальто.

— Они вернут нас обратно.

— Нет, они не вернут.

Марта надела свое пальто, завернулась в шаль и посадила Луизу в инвалидную коляску. Роджер и Элен поняли, что они закрыты, и барабанили в дверь.

— Тетя Марта, — кричала Элен. — Откройте дверь, зачем вы нас закрыли?

— Тетушки! — вторил ей Роджер. — Ваша шутка хороша, но хватит. Тоби здесь нет. Мы все осмотрели.

— Его там нет, потому что они его убили, — сурово сказала Марта Луизе.

Она протащила сестру через холл и вывезла на низкое крыльцо. Вечерело, все вокруг было насыщено шорохами, это ветер гнул голые ветви деревьев.

Луиза в ужасе запричитала. Марта спустила ее с крыльца и провезла шагов на сто. Затем она развернула коляску и закрепила.

— Подожди, — сказала она. — Я на минуту вернусь.

Марта, хромая, пошла в дом, не обращая внимания на крики и просьбы Роджера и Элен, несущиеся из подвала. Закутанная в шаль и пальто, Луиза ждала в темноте, ветер трепал и кусал ее. Наконец, появилась Марта, держа в руках узел с драгоценностями.

— Марта! — завопила Луиза. — Я уже замерзла. Что ты собираешься делать?

— Сейчас увидишь.

Тяжело дыша и опираясь на трость, Марта остановилась около нее.

— Ты увидишь, Луиза. Посмотри на дом.

Во всех окнах дома мерцали отблески желтого света. Это длилось мгновение, затем они взвились. Потом переросли в языки пламени, которые рвались через приоткрытое окно и продолжали расти, становясь ярче и сильнее, с помощью ветра, трепавшего плющ на крыше дома.

— Огонь! — выдохнула Луиза. — Дом в огне.

— Я расплескала по комнате керосин из лампы, — сказала Марта. — Ты помнишь, Роджер и Элен хотели убить нас. Они убили наших кошек. Мы должны были протестовать. Другого выхода не было.

Марта повысила голос:

— Но помни. Мы ничего не должны рассказывать об их планах. Они наши родственники. Никто нам не поверит. Пусть все будет трагической случайностью. Ты поняла?

— Да, да, — взволнованно сказала Луиза. — Ты такая умная. Кто-нибудь да увидит огонь и сообщит пожарникам, не так ли?

— Да, огонь кто-нибудь заметит. Не было другого способа позвать на помощь. Ну, а теперь мы, наконец, сможем вернуться в наш старый дом.

Они наблюдали в молчании. Языки пламени, выбиваясь из окон, становились похожими на грозный факел. Вскоре они услышали сирену на крыше пожарной компании.

— Как тепло, — прошептала Луиза, протягивая руки к огню. — Как приятно.

Крыша дома обрушилась, кругом летели искры. Подъехала пожарная машина. Но дом был объят огнем, и пожарники ничего не смогли сделать...

Камин в комнате судьи Бека весело потрескивал. Марта и Луиза сидели и любовались пляшущим огнем.

— Скоро мы будем в нашем доме, — прошептала Луиза. — С котятками, играющими на ковре, и в компании Мэри Томпсон. У мистера Роджерса есть дочь, которая согласна прислуживать за двадцать пять долларов в неделю. Это нам по плечу.

— Наши деньги определенно дадут нам такую возможность, — согласилась Марта. — Мне кажется, судья возвращается.

Дверь открылась, но вместо судьи появился большой сиамский кот. Он прыгнул на колени Марты с радостным мяуканьем.

— Тоби! — прошептала Луиза.

— Тоби! — повторила Марта. — Откуда ты взялся?

— Думал, это приятный сюрприз, — глухо сказал судья Бек, входя в комнату. Он был сухощавым, высоким, степенно ступающим шестидесятилетним мужчиной.

— Хоть одно радостное известие при таких печальных событиях. Пожарник нашел Тоби прошлой ночью на руинах, — продолжил судья, а затем достал носовой платок и высморкался.

— Простите, — сказал он. — Я простудился на сквозняке в Бостоне. Ужасный город. Суетливый, шумный.

— Вы... были в Бостоне? — спросила Марта. У нее пересохло в горле.

— Три дня. Должен вам признаться, они были бездарными.

Он сел, наклонив голову.

— Очень печальные события. Такие старые дома обычно пожароопасны. Но вы ничего не рассказываете об этом. Лучше и не вспоминать. Я хотел поговорить о вас, сейчас, когда Роджера и Элен уже нет.

— О, очень кстати, — с готовностью сказала Луиза. — Мы хотели бы переехать в наш старый дом. И мы хотим, чтобы Мэри

Томпсон поселилась с нами. Мы не желали бы задерживаться здесь.

Судья Бек снова высморкался. Он крутил свою масонскую эмблему на золотой цепочке от часов и выглядел очень печально.

— Марта, — сказал он. — Луиза...

Он замолчал. Затем посмотрел им прямо в глаза.

— Мне тяжело говорить вам об этом, но мой визит в Бостон был связан с вами.

— С нами? — спросили они одновременно.

— С наследством вашего отца. Как вы знаете, он оставил немного денег, которые были истрачены, и несколько акций железнодорожной компании «Нью Ингленд — Торонто».

— Да? — спросила Марта, сестры посмотрели друг на друга.

— Железнодорожная компания была в некоторых затруднениях, а этим летом обанкротилась. Вот почему Элен и Роджер хотели, чтобы вы переехали к ним, у них была бы возможность присмотреть за вами. Элен хотела получить права наследства, чтобы вы никогда не узнали о случившемся. Я хотел сказать вам правду, но они не разрешили мне. И мы все подыгрывали друг другу, храня тайну.

К сожалению, теперь вы все знаете, дорогие Марта и Луиза. Прошу прощения, но ваш старый дом не пригоден для жилья. Мы не могли даже найти покупателя. А денег на его восстановление нет. От наследства вашего отца ничего не осталось.

Судья Бек деликатно помолчал.

— Теперь вы знаете, почему Роджер и Элен иногда казались озабоченными и подавленными. Верьте мне, они любили вас.

Сестры в ужасе смотрели друг на друга и молчали.

— В приют, — с дрожью в голосе прошептала Луиза.

Марта не откликнулась.

ДОРОТИ СЕЙЕРЗ

УЖАСНАЯ ИСТОРИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ С МЕДНЫМИ ПАЛЬЦАМИ

Клуб эгоистов был одним из самых притягательных мест в Лондоне. Вы могли направить туда свои стопы, если испытывали потребность рассказать странный сон, привидевшийся прошлой ночью, или известить окружающий мир, какого замечательного зубного врача вам удалось открыть. Там можно было в покое писать письма, если было на то желание, или наоборот: демонстрировать бурный темперамент — в клубе не было ни одной комнаты, где запрещалось бы разговаривать вслух.

Быть занятым или погруженным в свои мысли, когда к тебе обращается другой член клуба, считалось нарушением принятого этикета. Правда, на две темы для разговоров в клубе было наложено табу: гольф и рыбалка. На очередном чрезвычайном заседании предполагалось принять предложение высокочтимого Фредди Арбатнотта: навсегда запретить также и беседы на тему радио. В остальном же клуб был не особенно строгим по своим правилам. С самого начала никому не отказывали в приеме, за исключением угрюмых, молчаливых мужчин. Однако кандидаты должны были выдержать определенные испытания. Какие это были испытания, можно понять хотя бы из такого факта: однажды некий выдающийся ученый не был принят в клуб по той причине, что он выбрал из предложенных чересчур крепкую сигару и стал ее курить, запивая портвейном № 63. Напротив, старый добрый сэр Роджер

Брант (который выиграл конкурс горбунов, объявленный одной воскресной газетой, и получил приз — двадцать тысяч фунтов стерлингов, впоследствии он основал на эти деньги громадные реставрационные мастерские в Мидленде) был единогласно с большим почетом принят в клуб, когда во всеуслышание заявил, что ему в этом отношении вполне достаточно пива и трубки. Как заметил лорд Питер, простота нравов никого не смущает, но вот снобизму следует с самого начала положить конец.

В тот необыкновенный вечер Мастерман (поэт-кубист) привел с собой гостя, человека по фамилии Варден. Вначале Варден был профессиональным спортсменом, но не вынесшее перегрузок сердце заставило его отказаться от блестящей карьеры. Используя свое красиво скроенное лицо и идеально сложенную фигуру, он зарабатывал капитал, актерствуя в кинематографе. Он приехал из Лос-Анжелеса, чтобы развернуть рекламную шумиху вокруг своего нового большого фильма «Марафон», и оказался совершенно неиспорченной приятной личностью. К большому облегчению всего клуба, поскольку гости, приводимые Мастерманом, порой представляли собой определенную опасность.

Вместе с Варденом в коричневой комнате в тот вечер сидели только восемь мужчин. Эта комната с облицованными панелями стенами, приглушенным светом и тяжелыми синими порттьерами была, вероятно, самой уютной и самой приятной из маленьких курительных комнат; в клубе их было с полдюжины. Беседа текла совершенно непринужденно, когда Армстронг рассказал о странном маленьком происшествии, свидетелем которого он стал во второй половине дня около станции метро «Темплъ». В ответ Бейес заявил, что это еще пустяк в сравнении с действительно странной историей, случившейся с ним лично однажды вечером в густом тумане на Юстон-роуд.

Мастерман заметил, что отдаленные районы Лондона могут дать писателю богатый материал для произведений. И рассказал, к примеру, о собственной необыкновенной встрече с плачущей женщиной и мертвой обезьянкой. Затем нить разговора перехватил Джудсон и описал, как однажды в поздний час в безлюдном предместье он наткнулся на труп женщины, которая была убита ножом и лежала на мостовой, а полицейский без всякого движения стоял рядом с ней. Он, Джудсон, спросил, не может ли он чем-нибудь помочь, но полицейский ответил только: «На вашем месте, сэр, я бы не вмешивался. Она получила то, чего заслуживала».

Затем Петтифер вспомнил случай из своей медицинской практики: совершенно незнакомый мужчина привел его в дом на Блумсбери, в котором лежала женщина, страдающая от отравления стрихнином. Этот человек всю ночь помогал ему и показал себя в высшей мере интеллигентным. Но как только опасность для жизни женщины миновала, он вышел из дома и больше так и не появился. Самое странное, однако, было в том, что женщина была необычайно поражена, когда Петтифер спросил об этом мужчине. Она сказала, что никогда раньше не видела этого человека и думала, он ассистент доктора.

Тут Варден заявил:

— Это мне напоминает еще более странный случай, который произошел со мной в Нью-Йорке. Я до сих пор не понимаю, то ли мне пришлось иметь дело с сумасшедшим, то ли с шутком, то ли я и в самом деле чудом спасся.

Это звучало многообещающе, и все стали настоятельно просить гостя рассказать эту историю самым подробным образом.

— Собственно, это было уже очень давно, — начал актер, — должно быть, лет семь назад. Как раз перед тем, как Америка вступила в войну. Мне тогда было двадцать пять, и я только второй год снимался в кино. В то время в Нью-Йорке много говорили о человеке по имени Эрик П. Лодер, который был бы очень хорошим скульптором, если бы у него не было слишком много денег — они его портили. Правда, это мне говорили люди, никогда не занимавшиеся такого рода вещами. Он имел обыкновение периодически приводить в порядок свою галерею и устраивать множество персональных выставок, которые посещала духовная элита. Он создал много произведений из бронзы. Наверное, вы что-нибудь слышали о нем, Мастерман?

— Я не видел ни одного из его творений, — ответил поэт, — но вспоминаю о некоторых фотографиях в журнале «Искусство завтрашнего дня». Скульпторы одухотворенные, но какие-то неестественные, на мой взгляд, позы какие-то напряженные. Поймите, разве это не он сделал также много статуй из золота и слоновой кости? Он готовил их, наверное, специально для того, чтобы показать, что может позволить себе такие материалы.

— Да, это на него похоже. Конечно. А потом, он еще вылепил одну очень утонченную и настолько же безобразную реалистическую скульптурную группу «Личина»; он имел бесстыдство отлить ее прямо в массивном золоте и выставить в прихожей своего дома.

— Как же, я помню эту вещь! Она прямо-таки ужасна, на мой взгляд. Правда, я никогда не находил в реализме ничего художественного. Насколько я понимаю, картина или статуя должна доставлять эстетическое наслаждение. И никакой другой цели просто не должна служить. Но, надо признать, Лодер обладал достаточно большой притягательной силой...

— Как вы, собственно, с ним познакомились, Варден?

— Он увидел меня в фильме «Аполлон приезжает в Нью-Йорк». Может быть, вы еще помните эту картину. Это была одна из первых моих главных ролей. Фильм был о статуе, которая ожила — о статуе древнего бога Аполлона, и как этот бог оказывается в современном городе. Добрый старый Ройбенсон сделал ленту, отличающуюся художественной завершенностью. Все было снято с таким вкусом, что от начала до конца нельзя найти ни одной погрешности, хотя в первой части картины я был обернут только в какое-то покрывало — знаете, по образцу классической статуи.

— Как Аполлон Бельведерский?

— Наподобие того. Короче говоря, Лодер написал мне, что очень сильно заинтересовался мною как скульптор, ибо я идеально сложен, и так далее. Он спрашивал, не смогу ли я посетить его в Нью-Йорке, если у меня будет время. Таким образом я впервые

узнал о Лодере. Поразмыслив, я пришел к убеждению, что знакомство с ним было бы для меня хорошей рекламой. Затем, когда срок моего контракта истек, и я мог устроить себе небольшую передышку, я поехал в Нью-Йорк и нанес Лодеру визит. Он был очень мил со мной и предложил пожить у него несколько недель, пока я буду осматриваться в городе.

У него был великолепный, шикарный дом, примерно в пяти милях за городом, снизу доверху набитый картинами, античными вещами и тому подобным. Мне показалось, что Лодеру лет тридцать пять-сорок. Он был брюнет, скользкий тип с живыми, быстрыми движениями. Он хорошо умел рассказывать. Кажется, он побывал всюду и все повидал, а о ближних своих он, думается, едва ли имел хорошее мнение. Его можно было слушать часами. Он знал массу историй про всех, от Папы римского до знаменитостей чикагского ринга.

Вот чего я не любил слушать от него, так это непристойностей. Я ничего не имею против пикантных историй. Совершенно ничего, не считайте меня, ради бога, ханжой. Но когда он рассказывал что-нибудь в этом духе, то поглядывал на тебя так, словно подозревал, что ты сам был замешан в этом деле. Я видел подобный взгляд у женщин; я знал также мужчин, которые смотрели таким взглядом на женщин, наблюдая, как те смущаются под ним. Но он был единственным мужчиной, способным вызвать такое чувство смущения у меня. Но, если не обращать на это внимания, Лодер был одним из самых притягательных людей, которых я когда-либо встречал в жизни. Как говорится, дом его был прекрасен, а кухня первоклассна.

Только самое лучшее, что у него было, кажется, было для него чересчур хорошо. Это его любовница — Мария Морано. Я, пожалуй, никогда не видел женщины, которая могла бы сравниться с ней, хотя бы отдаленно. А ведь когда работаешь в кино, привыкаешь предъявлять довольно высокие требования к женской красоте. Она была невозмутимым существом, довольно высокой, с движениями медленными и изящными; улыбалась она тоже медленно и широко. Такие женщины не рождаются в Штатах. Она была откуда-то с юга, из Латинской Америки. Он называл ее танцовщицей из кабаре, а она не опровергала. Он очень гордился ею, и она тоже была на свой лад предана ему. Лодер имел привычку выставлять ее в мастерской, прикрытую одним только фиговым листком, рядом с одной из статуй, которую давно делал с нее, чтобы скрупулезно сравнивать скульптуру с Марией. Кажется, на ее теле был, практически, только один изъян, если судить о совершенстве глазами скульптора, — второй палец на ее левой ноге был короче большого пальца. На своих статуях он, разумеется, исправлял этот недостаток. Сама она обычно слушала разговоры о совершенстве своей фигуры с благосклонной улыбкой и чувствовала себя в некотором роде польщенной. Но иногда, мне кажется, ей надоедало это вечное разглядывание. Время от времени она находила меня и изливала мне все, что на сердце.

У нее, помнится, была самая большая мечта — открыть собственный ресторан с кабаре, чтоб в нем было много поваров в белых фартуках и невероятное количество блестящих электрических пе-

чей. И тогда она вышла бы замуж, говорила она, и завела бы четырех сыновей и дочку. И она перечисляла мне имена, какие выбрала для своих детей. Мне это казалось трогательным. В конце одного из таких разговоров к нам как-то присоединился Лодер, на его лице была ухмылка. Я понял, что он нас подслушивал. Но я не думаю, чтобы он придал всему этому большое значение, видимо, он никогда правильно не понимал свою девушку. Он, наверное, не мог представить, как эта женщина сможет отказаться от того образа жизни, который он хотел ей предложить. Но если он и рассматривал ее как собственность, то все-таки никогда не заводил ей соперниц на стороне. Несмотря на всю болтовню и отвратительные статуи, она держала его на привязи, и это было известно ей тоже.

Я провел в его доме месяц и жил припеваючи. Дважды на Лодера находил «творческий раж», тогда он запирался в своей мастерской, яростно работал и целыми днями никого не впускал к себе. Он любил такие порывы. А когда его тяга к работе улетучивалась, он собирал у себя компанию друзей и поклонников, чтобы они полюбовались новым произведением мастера. Он тогда как раз создавал фигуру нимфы или богини, которую собирался отлить из серебра. И Марию, служившую ему моделью, запирали с собой в мастерской. За исключением таких периодов затворничества, он часто появлялся на людях. Его жизнь шла у всех на глазах.

Я был очень раздосадован, — признаюсь вам откровенно — когда все это закончилось. Началась война, и я уже принял решение отправиться на фронт, если придется. Болезнь сердца оградила меня от службы в окопах. Но я думал, найдется какое-нибудь занятие, для которого я сгожусь. Поэтому я собрал свои вещи и уехал. Я не предполагал, вообще говоря, что Лодер так расстроится из-за моего отъезда. Он снова и снова повторял, что вскоре мы с ним встретимся. Меня отправили санитаром в Европу. Так получилось, что я увидел Лодера снова только в 1920 году.

Он мне писал и раньше, но в 1919 году пришлось сниматься в двух больших картинах, и у меня не было времени. Однако в 1920 году я снова оказался в Нью-Йорке, чтобы рекламировать фильм «Сила страсти». Ну, и тут мне пришло письмо от Лодера, в котором он просил меня приехать и позировать. Я опять-таки решил, что поездка к нему будет мне хорошей рекламой, за которую к тому же заплатит он сам. Итак, я согласился. У меня был подписан контракт с фирмой «Мастофильм ЛТД», по нему я должен был ехать в Австралию, играть в фильме «Смертоносные заросли» — это была картина про пигмеев, которую нужно было снимать на натуре у австралийских бушменов. Я послал на фирму телеграмму, что в середине апреля буду в Сиднее, собрался и поехал к Лодеру.

Лодер приветствовал меня очень тепло и даже сердечно, но мне показалось, что он заметно постарел после нашей последней встречи. Он стал раздражительнее, резче в движениях, как бы это сказать, стал как-то более естественным. Свои любимые циничные сентенции он произносил теперь так, будто лично убедился в их справедливости, и при этом делал все больше намеков. Раньше я

думал, что его тяга высмеивать все была просто позой художника, но постепенно почувствовал, что неправ в оценке его. Он и в самом деле был несчастлив, это можно было заметить, и я вскоре выяснил причину. Когда мы подъезжали к его дому на машине, я спросил про Марию.

— Она покинула меня, — ответил он.

Это действительно потрясло меня. Честно говоря, я не ожидал от этой девушки такой инициативы.

— Ну, — сказал я, — тогда, выходит, она и в самом деле завела собственный ресторан, который так хотела иметь.

— О, значит, она и с вами говорила про ресторан. Вы, пожалуй, из тех мужчин, кому женщины поверяют свои тайны. Нет, она поступила очень глупо. Просто уехала, и все.

Угу. Я даже и не знал, что тут сказать. Его тщеславие явно было задето так же сильно, как и его чувства. Я произнес слова, какие обычно говорят в таких случаях, и добавил, что это, видимо, также большая потеря и для его работы. Он согласился.

Я спросил его, когда это произошло и успел ли он закончить ту статую нимфы, над которой тогда работал. О, да, сказал он, удалось закончить и ту, нимфу, и кое-что другое — что-то очень оригинальное, мне, по всей видимости, понравится.

Ну, мы, в конце концов, расположились у него дома и пообедали. Лодер сказал мне, что он поедет вскоре в Европу, буквально через несколько дней после моего отъезда. Нимфа стояла в столовой в специальной нише, сделанной в стене. Она действительно была прекрасна, не такая кичливая, как большинство его творений, и удивительно походила на Марию.

Лодер отвел мне место напротив нее, чтобы я мог видеть ее во время обеда. И в самом деле, было почти невозможно оторвать от нее глаз. Он, казалось, был очень горд этим и снова и снова повторял мне, как он рад, что мне нравится. Я заметил, у него появилась привычка повторять одно и то же по нескольку раз.

После обеда мы перешли в курительную комнату. Обстановка в ней изменилась, и первое, что бросалось в глаза, была большая кушетка, которая стояла перед камином. Она была приподнята над полом и состояла из основы, напоминающей ложе римлян, с подушками и довольно высокой спинкой, все изготовлено из дуба, отделанного серебром. А на этой основе было расположено то, на чем, собственно, и надо было сидеть, — женская фигура в натуральную величину, обнаженная. Голова ее откинута назад, руки разбросаны в стороны. На ней лежало несколько больших мягких подушек, так что, в принципе, можно было расположиться и сидеть, хотя, должен честно признаться, это было бы очень неудобно, поза сидящего оказывалась весьма вынужденной. Из этого получился бы отличный реквизит для какого-нибудь спектакля в театре, но рядом с камином у Лодера выглядело это неважно. Но ему, видно, все очень нравилось.

— Я ведь вам говорил, что сделал кое-что оригинальное.

Тогда я еще раз внимательно осмотрел все и убедился, что фигура Марии воспроизведена с идеальной точностью. Хотя лицо вылеплено чисто условно. Изготавливая мебель, он, наверное, решил, что портретное сходство будет излишним.

Когда я увидел эту кушетку, то слегка усомнился в том, что Лодер вполне нормален, и на протяжении последующих двух недель моя неприязнь к нему все возрастала и возрастала. Его намеки и циничные выражения, о которых я уже говорил, звучали день ото дня все чаще и становились все грубее. Порой, когда я позировал ему, он имел обыкновение рассказывать о самых ужасных вещах и смотрел при этом крайне вызывающим взглядом, стараясь увидеть, как я на этоотреагирую. И хотя он принимал меня по-царски, мне постепенно стало ясно, что среди бушменов я буду чувствовать себя уютнее. Уверяю вас в этом. И однажды произошел со мной странный случай...

Все сидели в самых напряженных позах и ждали продолжения.

— Это было вечером накануне моего отъезда из Нью-Йорка, — продолжал Варден. — Я сидел...

В этот момент кто-то открыл дверь коричневой комнаты и Бейес тотчас же сделал ему сигнал не шуметь. Вошедший потихоньку опустился в глубокое кресло и с необычайной осторожностью, чтобы не помешать рассказчику, приготовил себе коктейль с виски.

— Я сидел в курительной комнате, — начал Варден снова, — и ждал Лодера. Я был совсем один в доме, ведь Лодер отпустил слуг, чтобы они могли сходить в кино или на какую-то лекцию. Он сам занимался тем, что собирался в поездку по Европе и паковал вещи. Потом договаривался о чем-то со своим менеджером. Я, наверное, вздремнул. Ведь были уже сумерки, когда я вдруг очнулся и увидел, что рядом со мной стоит молодой человек.

Он совершенно не походил на взломщика, еще меньше — на привидение. Он выглядел, я бы сказал, совершенно заурядно. На нем был серый английский костюм, а через руку перекинута дорожное пальто. Мягкую шляпу и трость он держал в другой руке. У него были гладкие светлые волосы и довольно тупое лицо с длинным носом и моноклем в глазу. Я так и уставился на него, ведь я знал, что двери дома закрыты. Но прежде чем я нашел что сказать, он уже заговорил. У него был странный, хрипловатый голос. Выговор был явно английским. К моему удивлению, он спросил:

— Вы мистер Варден?

— Не имею чести знать вас, — ответил я.

Он сказал:

— Ради бога, извините меня за вторжение, я знаю, что вы можете подумать, будто я плохо воспитан, но советую вам как можно скорее удалиться из этого дома.

— Что еще за новости, черт побери? — запротестовал я.

— Не считите за дерзость, но вы должны уяснить себе, что Лодер вам никогда не простит; он не собирается с вами чикаться — боюсь, что он намерен превратить вас в вешалку для шляп или в торшер, или во что-то еще в этом роде.

Господи, боже мой! Уверяю вас, мне стало жутко. Голос его был такой спокойный, манеры — безупречны, а слова, которые он говорил, были столь безумны.

Мне пришло в голову, что сумасшедшие обычно бывают необычайно сильны, и я незаметно подвинулся поближе ко звонку, но тут меня отрезвила мысль, что я один в доме.

— Как вообще вы смогли войти сюда? — спросил я его, изображая храбрость.

— К сожалению, мне пришлось воспользоваться отмычкой, — сказал он так непринужденно, как будто извинялся, что у него нет с собой визитной карточки. — Я же не знал, что Лодер уже вернулся. Но я действительно хотел бы вам посоветовать сматывать удочки как можно быстрее.

— Послушайте, — сказал я, — кто вы, собственно, такой, и почему вы меня гоните? И что это значит, что Лодер мне никогда не простит, чего он мне не простит?

— Ну, — ответил молодой человек, — он не простит вам — вы, вероятно, извините меня за то, что я вторгаюсь в ваши личные дела — он не простит вам Марию Морано.

— Черт меня подери, почему это он мне ее не простит? — воскликнул я сердито. — Что вы вообще знаете о ней?! Она покинула этот дом, когда я еще был на войне. При чем здесь я?

— О! — воскликнул этот весьма странный молодой человек. — Прошу прощения. Вероятно, я зря слишком поверил в суждения Лодера о вас. Невероятно глупо. Я не подумал о том, что он мог и ошибиться. Он вообразил, будто вы были любовником Марии Морано, когда в прошлый раз приезжали сюда.

— Любовником Марии? — переспросил я удивленно. — Это просто смешно. Она ведь убежала с каким-то мужчиной, а Лодер же должен был знать, что не со мной.

— Мария никогда не покидала этого дома, — заявил молодой человек. — И если вы не возьмете быстро ноги в руки, то могу вам гарантировать, что вы его тоже никогда не покинете.

— Во имя господи, — воскликнул я в отчаянии, — что вы хотите этим сказать?

Мужчина повернулся и сбросил голубые подушки с ног статуи-кушетки.

— Вы никогда на разглядывали внимательно пальцы на ногах этой статуи? — спросил он.

— Никогда, — ответил я с растущим удивлением. — А зачем?

— А вы когда-нибудь видели, чтобы Лодер делал скульптуру Марии с коротким вторым пальцем на левой ноге?

Ну, я, конечно, посмотрел внимательно, все оказалось так, как он и говорил. На левой ноге был короткий второй палец.

— Вы правы, — сказал я. — Но почему бы ему и не сделать разок таким образом?

— Да, почему бы и не сделать? — сказал молодой человек. — Хотите знать, почему эта статуя единственная, у которой нога, как у живой женщины? — Он схватил кочергу. — Смотрите сюда! — воскликнул он.

Со значительно большей силой, чем я предполагал в нем, он ударил по серебряной статуе. Конец кочерги пришелся как раз на локоть и пробил дыру в серебре.

Молодой человек повернул кочергу и, в конце концов, надломил руку статуи. Она была пустой внутри, и клянусь, что в ней была длинная высохшая кость скелета...

Варден сделал паузу и отхлебнул большой глоток из стакана с виски.

— Ну и что?! — воскликнули сразу несколько голосов. Все затаили дыхание.

— Не стыжусь признаться, — сказал Варден, — что я задал стрекача из этого дома, как старый заяц, услышавший шаги охотника. Напротив входа стояла машина, и шофер открыл дверцу. Я бросился внутрь, но тут мне пришла мысль, что это западня. Я выскочил из машины и снова бежал, пока не оказался на станции и не сел в электричку. Но на следующий день я обнаружил свой багаж на вокзале, его по всем правилам отправили в Ванкувер.

Когда я пришел в себя, то захотел узнать, что подумал о моем внезапном исчезновении Лодер. Но меня никакой силой нельзя было заманить в этот ужасный дом. На следующее утро я отправился к себе в Ванкувер и с тех пор не видел никого из этих двоих: ни Лодера, ни того молодого человека. Вплоть до сегодняшнего дня я не имею ни малейшего представления о том, кто был этот молодой блондин и что с ним случилось. Но до меня дошли слухи, что Лодер умер, кажется, с ним произошел несчастный случай.

Наступила пауза.

— Чертовски славная история, мистер Варден, — заметил Армстронг, страстный конструктор-любитель, из-за которого, главным образом, мистер Арбатнотт собирался запретить в клубе разговоры на тему радио. — Не хотите ли вы сказать, что внутри этой серебряной отливки был весь скелет? Вы думаете, что Лодер засунул его внутрь после того, как статуя была отлита? Это было бы очень сложно и опасно. Ведь подсобные рабочие могли разобрать его в результате малейшей случайности. И потом, статую надо было бы делать больше, чем в натуральную величину, чтобы туда вошел скелет и вокруг него был толстый слой металла.

— Мистер Варден невольно ввел вас в заблуждение, Армстронг, — раздался внезапно хрипловатый голос из темного угла позади кресла Вардена. — Статуя была не целиком из серебра, а лишь посеребрена гальваническим способом: тонкий слой серебра был нанесен на медную основу, а та — прямо на тело. Дама таким образом подверглась платировке. Я допускаю, что мягкие части тела были растворены пепсином или аналогичным препаратом, после того, как гальванизация закончилась. Но не берусь утверждать с полной уверенностью.

— Привет, Уимзи, — воскликнул Армстронг, — так это вы только что вошли? И откуда у вас это достоверное объяснение?

Голос Уимзи произвел необыкновенное действие на Вардена. Он подскочил с кресла и повернул лампу так, чтобы осветить лицо Уимзи.

— Добрый вечер, мистер Варден, — раздался голос лорда Питера. — Необычайно рад снова встретить вас здесь и попросить

извинения за мое бесцеремонное поведение при нашей последней встрече.

Питер Уимзи протянул руку. Варден пожал ее, но по-прежнему не мог вымолвить ни слова.

— Не хотите ли вы сказать, любитель секретов этакий, что это вы были тем незнакомцем, о котором рассказывал Варден, — осведомился Бейес. — Ну, конечно, из его живого описания нам следовало догадаться.

— Раз уж вы здесь, — заявил Смит Хартингтон, журналист из газеты «Утренний Иелл», — то вам, собственно, нужно рассказать конец истории.

— А разве это не была просто шутка? — спросил Джудсон.

— Разумеется, нет, — перебил его Петтифер, прежде чем лорд Питер успел ответить. — Какой смысл? Уимзи видел в жизни достаточно, чтобы не тратить время на выдумки.

— Тут вы правы, — заметил Бейес, — выдумывать приходится тому, у кого чересчур богатое воображение и кто постоянно сует свой нос в такие дела, из которых ему потом приходится выпутываться.

— Все это прекрасно и хорошо, Бейес, — сказал лорд Питер, — но если бы я не поговорил в тот вечер с мистером Варденом, где бы он был сейчас?

— Да, где? Вот мы как раз и хотим это знать, — потребовал Смит Хартингтон. — Давайте, Уимзи, не стесняйтесь, мы хотим дослушать эту историю.

— Причем всю историю до конца, — добавил Петтифер.

— И ничего кроме этой истории, — энергично заявил Армстронг и умелым движением увел из-под носа у лорда Питера бутылку виски и сигары, лежавшие перед ним на столе. — Итак, вперед, старина, не будет тебе ни затяжки, ни глотка виски, пока ты не закончишь рассказывать.

— Изверг! — взмолился Его Лордство. — В самом деле, — продолжил он уже иным тоном, — ничего подобного: мне не хотелось бы придавать эту историю огласке. Я могу оказаться в очень неприятном положении — мне может грозить обвинение в убийстве, неумышленном или даже умышленном.

— Бог мой! — воскликнул Бейес.

— Будьте спокойны, — заверил Армстронг. — Никто не скажет об этом ни слова, не можем же мы позволить себе потерять вас как члена клуба. Смит Хартингтон поумерит свою страсть писать сенсационные статьи.

После того, как все поклялись сохранять тайну, лорд Питер откинулся на спинку кресла и начал рассказывать.

— История об Эрике П. Лодере являет собой пример того, как странно та сила, которая превышает наших мелких планов, расправляется делами человеческими. Можете назвать ее провидением, можете назвать судьбой...

— Мы вовсе не собираемся никак ее называть, — заявил Бейес. — Эту часть вашего повествования вы лучше опустите.

Лорд Питер застонал и начал снова.

— Мое любопытство в связи с этим делом было вызвано поначалу случайным замечанием, которое бросил служащий Нью-

Йоркского бюро путешествий, когда я оказался там по делам. Он спросил:

— Никак не возьму в толк, что, собственно, Эрику Лодеру делать в Австралии? Европа, наверняка, привлекла бы его больше.

— Австралия, — удивленно спросил я, — вы, должно быть, грезите, старина. Он мне только недавно говорил, что едет на три дня в Италию.

— Италия? Какие глупости, он сегодня был здесь и осведомлялся, как попасть в Сидней и какие формальности нужно уладить.

— Ага, — сказал я, — тогда он, наверное, поплывет через Тихий океан и сделает остановку в Сиднее.

Однако я удивился тому, что Лодер ни словом не обмолвился об этом намерении, когда мы встречались с ним днем раньше. Он ясно и определенно заявил, что едет в Европу — вначале в Париж, а затем в Рим.

Я был настолько заинтригован, что явился порасспросить его два вечера спустя.

Его, кажется, обрадовал мой визит. Он весь был в ожидании своего предстоящего путешествия. Я еще раз спросил, каким маршрутом он направляется, и он совершенно недвусмысленно ответил, что поедет через Париж.

Ну ладно, в конце концов, что с того. Мы стали болтать о других вещах. Он сказал мне, что мистер Варден до отъезда поживет у него и что он надеется убедить Вардена позировать для скульптуры, ибо никогда еще не видел мужчины со столь совершенной фигурой.

— Я хотел уговорить его еще раньше, — добавил он, — но тут разразилась война, и Варден отправился в армию, прежде чем я успел начать работу.

Все это он говорил, развалившись на своей ужасной кушетке. И когда я случайно посмотрел на него, то увидел в его глазах такой неестественный блеск, что даже испугался. Он погладил статую по шее и усмехнулся ей.

— Надеюсь, это не будет еще одна посеребренная статуя, — заметил я.

— Ну, знаете, — возразил он, — по моим представлениям, новая скульптура должна дополнять эту. «Спящий атлет», например, или что-то в этом роде.

— Гораздо лучше было бы прибегнуть к технике отливки, — посоветовал я. — Почему вы вообще наносите такой толстый слой серебра? Ведь теряются мелкие детали.

Это рассердило его. По поводу своего произведения он не мог выносить никакой критики.

— То был всего лишь эксперимент, — заявил он. — Следующая статуя будет настоящим творением мастера. Вот увидите.

Как раз в этот момент нашего разговора вошел дворецкий и спросил, готовить ли мне спальню, поскольку погода отвратительная. Мы с Лодером долго не замечали этого, хотя она начала портиться еще тогда, когда я выезжал из Нью-Йорка. Сейчас мы выглянули из окна и увидели, что дождь льет как из ведра. Все было бы ерунда, если б я не приехал без дорожного пальто на открытом

спортивном автомобиле. Перспектива ехать пять миль по такому ливню не особенно привлекала меня. Лодер настаивал, чтобы я остался, и я согласился.

Я был довольно уставшим и сразу же отправился в постель. Лодер сказал, что хочет еще немного поработать в своей мастерской, и пошел вниз.

Вот вы не разрешаете мне употреблять слово «провидение», поэтому скажу только, что произошло очень странное событие — я проснулся в два часа ночи от того, что оказался в луже воды: Дворецкий положил мне в постель грелку, но, поскольку ею давно не пользовались, она треснула. Почти десять минут я лежал в мокрой постели, пока не собрался с силами и не сообразил, в чем дело. Тут я понял, что ситуация безнадежна. Все: простыня, одеяло, матрац — все промокло насквозь. Я посмотрел на кресло, и мне пришла блестящая идея. Я вспомнил о чудесном широком диване в мастерской, на котором лежала большая шкура и много мягких подушечек. Почему бы не провести остаток ночи там? Сказано, сделано. Я взял свой маленький карманный фонарик и пошел.

Мастерская была пуста, и поэтому я решил, что Лодер закончил работать и отправился в постель. В мастерской стоял диван, наполовину скрытый за ширмой. Я завернулся в шкуру и собрался было снова заснуть. Как раз когда уже задремал, я услышал шаги — не в коридоре, а с другой стороны комнаты. Это поразило меня, потому что я не знал о втором выходе. Я затаился, как мышь, и скоро из кладовой, в которой Лодер хранил свои произведения, появилась полоса света. Полоса стала шириться и тут... появился Лодер с фонарем в руке. Он очень тихо закрыл дверь кладовой и пошел по мастерской. Он остановился перед мольбертом и снял покрывало. Я видел его через щель в ширме. Несколько минут он разглядывал набросок на мольберте, а затем разразился таким мерзким безумным смехом, какого я никогда у него не слышал.

Если до этого я хотел выдать свое присутствие, то с этого момента полностью оставил эту мысль. Вскоре он снова накинул покрывало на мольберт и вышел через ту дверь, через которую вошел я.

Дождавшись, пока его шаги стихнут, я встал — я был необычайно спокоен, смею вас заверить. На цыпочках подошел к мольберту, чтобы взглянуть на фантастически прекрасное произведение искусства. И сразу увидел, что это был эскиз фигуры «Спящего атлета». Рассматривая рисунок, я вдруг почувствовал, как меня пронзила ужасная догадка. Мысль, пронзившая меня, зародилась где-то около желудка и медленно поднялась до корней волос...

Моя семья утверждает, что я чересчур любопытен. Могу только сказать, что теперь никакая сила не удержала бы меня от исследования кладовой. Очень осторожно, все время ожидая, что мне в лицо бросится что-нибудь ужасное, я героически взялся за ручку двери. К моему удивлению, кладовая была вообще не заперта. Дверь открылась сразу же, и за ней оказался ряд полок, на которых Лодер, конечно же, поместиться не мог, сами понимаете. Я

почувствовал себя одураченным и стал искать потайной замок, который обязательно имелся здесь. И нашел его без особых трудностей. Задняя стенка шкафа бесшумно отошла назад и открылась узкая лестница, уходящая вниз.

Я оказался настолько предусмотрителен, что вначале убедился, можно ли открыть эту дверь также и изнутри. Кроме того, я взял с полки увесистую железяку, чтобы в случае необходимости иметь оружие. Затем закрыл за собой дверь и легко, как эльф, стал спускаться по добротной лестнице.

В конце лестницы была еще одна дверь, потайной механизм которой я весьма быстро обнаружил. В большом волнении я, наконец, открыл и эту дверь, сжав в руке мою железяку, готовый к нападению.

Однако в помещении никого не оказалось. Я посветил фонариком и увидел отблеск света в какой-то жидкости. Затем разобрался, как включить свет.

Передо мной была довольно большая комната, оборудованная под мастерскую. Справа на стене находился большой распределительный щит со скамейкой перед ним. В середине потолка висел огромный прожектор, освещавший стеклянную ванну два метра длиной и метр шириной. А ванна эта была наполнена темно-коричневой жидкостью, в которой я узнал обычную смесь цианида и сульфата меди, используемую при покрытии спульптур медью. Над ней висели штанги с пустыми крючками. На другой стороне комнаты стоял полуоткрытый ящик. Отодвинув его крышку, я увидел, что там рядами уложены медные аноды — в количестве, достаточном для того, чтобы нанести покрытие толщиной шесть миллиметров на статую человека, выполненную в натуральную величину. Рядом стоял ящик поменьше, еще заколоченный, по виду и по весу которого я определил, что в нем, должно быть, серебро для нанесения на медную основу. Я порылся еще немного и нашел значительное количество специально приготовленного графита и большой сосуд с лаком.

Конечно, все это еще не доказывало, что Лодер ведет какую-то нечистую игру. Разумеется, в его власти было выбирать способ изготовления своих скульптур — например, сделать их из гипса, а затем покрыть серебром, коли ему так нравилось.

Но затем я обнаружил вещь, которая не совсем вписывалась в этот процесс. На скамье лежала овальная медная пластинка, меньше четырех сантиметров длиной. Вероятно, именно ее и делал Лодер ночью. Это было клише американской консульской печати, какие ставят на фотографию в вашем паспорте, чтобы вы не могли ее оторвать и приклеить фотографию вашего друга мистера Джонса, который очень хотел бы покинуть страну, потому что Скотланд-Ярд преследует его своей любовью. Я сел на скамеечку Лодера и продумал весь этот маленький милый заговор в деталях. Все зависело от трех пунктов: во-первых, я должен был выяснить, не намерен ли мистер Варден вскоре отправиться в Австралию. Если у него не было такого намерения, то все мои прекрасные теории пришлось бы выбросить на помойку. Во-вторых, было бы очень хорошо, если бы он случайно оказался брюнетом, как и Лодер. А ведь это, мы видим, именно так — во всяком случае, он до-

статочно темноволос, чтобы соответствовать словесному описанию в паспорте. Раньше я видел Вардена только в фильме про Аполлона Бельведерского, где он играл в светлом парике. И в-третьих, я непременно должен был выяснить, есть ли у Лодера причины ненавидеть Вардена.

Ну, тут я сообразил, что нахожусь в подвале дольше, чем это было бы полезно для моего здоровья. Лодер мог в любой момент вернуться, а ванна, полная сульфата меди и цианистого калия, представляла очень удобное место, чтобы отделаться от чересчур любопытного гостя. И не могу утверждать, что у меня была большая охота помогать Лодеру обставлять свою комнату мебелью. Я никогда не любил вещи, изображающие нечто такое, чем они в самом деле не являются — тома Диккенса, которые на поверку оказываются коробочкой для кекса, ну, и тому подобные безвкусицы. Хоть меня и не интересовало особенно, как будут проходить мои похороны, все же хотелось, чтобы все было сделано с маломальским вкусом. Итак, я стер оставленные отпечатки пальцев, вернулся в мастерскую и привел в порядок диван. Я не думал, что Лодер окажется в восторге от моего визита в секретный подвал.

Кроме того, было еще одно обстоятельство, возбуждавшее мое любопытство. На цыпочках я отправился назад по коридору и зашел в курительную комнату. Кушетка из серебра светилась в луче моего карманного фонарика. Она показалась мне в сто раз страшнее, чем раньше. Но я собрал все свое мужество и внимательно осмотрел ноги скульптуры. Про второй палец на ноге Марии Морано я слышал предостаточно. Остаток ночи я провел в кресле в отведенной мне комнате...

После этого я был так сильно занят всякими делами, что пришлось надолго отложить свое вмешательство в маленькие интриги Лодера. Но как-то узнал, что Варден за несколько месяцев до исчезновения прекрасной Марии Морано был в гостях у Лодера, и, к сожалению, в этом отношении я оказался во власти глупых представлений. Я думал, что между Варденом и Марией действительно что-то произошло.

— Вам нет нужды извиняться, — сказал, улыбаясь, Варден. — Киноактеры, как известно, всегда имеют репутацию людей аморальных.

— Почему вы так задеты? — спросил Уимзи. — Ведь я уже попросил у вас извинения. Во всяком случае, обстоятельства, связанные с Лодером, наводили на эту мысль. Правда, для абсолютной уверенности мне нужно было найти еще одно доказательство. Покрытие серебром — в особенности такая щекотливая работа, подготовку к которой я наблюдал, — это не то предприятие, которое можно было завершить за одну ночь. С другой стороны, было необходимо, чтобы Вардена, вплоть до запланированного дня его отъезда, видели в Нью-Йорке живым. Мне также стало ясно, что Лодер придумывает себе хитрое алиби: подставной мистер Варден с документами и паспортом настоящего Вардена, в который вклеена новая, аккуратно проштампованная фотография, уехал из Нью-Йорка и совершенно спокойно пропал где-то в Сиднее. А на свет божий вновь вынырнул уже как мистер Эрик П. Лодер, путешествующий с собственным настоящим паспортом. В таком случае

естественно предполагалось, что на киностудию будет послана телеграмма с извещением о том, что Варден приедет позже, чем условлено. Выяснить, будет ли такая телеграмма, я поручил своему слуге Бантеру, необычайно старательному. Почти три недели этот верный парень, как тень, следовал за мистером Лодером, и, в конце концов, как раз в день официально назначенного отъезда мистера Вардена, с телеграфа на Бродвее была отправлена телеграмма, написанная — благодаря вмешательству доброго провидения (еще раз!) — необычайно твердым карандашом.

— Это правда! — воскликнул Варден. — Я теперь припоминаю, по приезде в Австралию мне говорили про какую-то телеграмму о моем опоздании, но я никак не связывал это с Лодером. Просто подумал, какой-то телеграфист ошибся.

— Совершенно верно, вы подтверждаете, что телеграмма была. Ну, как только я о ней узнал, то немедленно отправился к Лодеру с отмычкой в одном кармане и револьвером — в другом. Славный Бантер сопровождал меня, получив указание поставить в известность полицию, если я не вернусь через определенное время. То есть, я позаботился о своей безопасности, как видите.

Бантер и был тем шофером, который ждал вас, мистер Варден. Но вы вдруг стали таким недоверчивым, — я не упрекаю вас в этом — и нам не оставалось ничего другого, кроме как отправить ваш багаж к поезду.

Когда мы с Бантером ехали в Лодеру, то встретили всех его слуг, направлявшихся на машине в Нью-Йорк. Это еще раз доказывало, что мы идем по правильному следу. К тому же это упрощало мою задачу.

О моей беседе с Варденом вы уже знаете, я и сам не мог бы рассказать о ней лучше. После того, как я отправил в безопасное место Вардена и его багаж, я пошел в мастерскую. Она была пуста. Тогда я открыл потайную дверь и увидел, как и ожидал, свет под дверью внизу.

— Так, значит, Лодер все это время был дома?

— Конечно. Я крепко сжал маленький револьвер в руке и очень-очень тихо открыл дверь. Лодер стоял между ванной и распределительным щитом. Он был так занят, что не услышал, как я вошел. Его руки были черны от графита, большая кучка которого лежала на листе бумаги на полу. Он усердно занимался пружинистым мотком медной проволоки, соединенным с трансформатором. Большой ящик был открыт.

— Лодер! — громко воскликнул я.

Он обернулся, лицо его исказилось.

— Уимзи! — заорал он. — Черт подери, что вы здесь делаете?

— Я пришел сюда, — ответил я, — сказать вам, что знаю, как начинка попадает в пирожок.

При этом я показал ему пистолет.

Он громко вскрикнул, бросился к рубильнику и выключил свет, чтобы я не смог прицелиться. Я слышал, как он бросился в мою сторону. Потом из темноты донесся треск, всплеск... и такой крик, какого я никогда не слышал, даже за пять лет на войне. А потом наступила полная тишина.

Я стал шарить по распределительному щиту. Конечно, я включал сначала не те рубильники, пока, наконец, под руку не попался нужный — яркий свет прожектора осветил ванну.

Он лежал там, конечности его слегка подрагивали. Как известно, цианистый калий — это самое быстрое и самое болезненное средство отправиться на тот свет. Прежде чем что-то смог предпринять, я понял — он мертв; захлебнулся, отравился и умер. Моток проволоки, за который он запнулся, он утянул с собой в ванну. Я остолбенело смотрел на него. И вдруг меня пронзила догадка, от которой чуть не подкосились ноги: мне стало ясно, что я, видимо, включил ток, когда в темноте искал выключатель света. Я еще раз посмотрел в ванну. Когда он упал, его руки в агонии вцепились в проволоку, она обвила пальцы, и под действием тока, как и следовало ожидать, на его руки, вымазанные графитом, стал оседать слой меди. Я был достаточно сообразителен, чтобы понять: я окажусь в скверном положении, если эта история выплывет наружу, ведь я угрожал ему пистолетом.

Я стал искать паяльник и, в конце концов, нашел. Тогда я поднялся наверх и позвал в дом Бантера, который сгонял до станции и обратно с рекордной скоростью. Мы пошли в курительную комнату и запаяли руку проклятой скульптуры, насколько нам это удалось, а затем отнесли инструмент в мастерскую. Стерли все отпечатки пальцев, ликвидируя следы нашего пребывания в доме. Рубильники на щите мы оставили включенными и окольными дорогами вернулись в Нью-Йорк. Единственное, что мы прихватили с собой — клише консульской печати, мы бросили его в реку.

На следующее утро дворецкий нашел Лодера. В газетах мы прочли, что он, экспериментируя с гальванизацией, упал в ванну. Упоминалось и о том ужасном обстоятельстве, что руки покойного были покрыты толстым слоем меди. А так как это покрытие нельзя было удалить, не прибегнув к грубым методам, он похоронен вместе с ним.

Вот и конец истории. Пожалуйста, Армстронг, дайте теперь мне виски и содовую.

— А что стало с кушеткой? — осведомился Смит Хартингтон после непродолжительного молчания.

— Я купил ее, когда была распродажа вещей Лодера, — ответил Уимзи. — Затем я привез ее одному католическому священнику, которого хорошо знал, и рассказал всю историю, взяв с него обет молчания. Он оказался весьма разумным и участливым человеком, и однажды в лунную ночь мы с Бантером подвезли эту штуку на машине к его маленькой церквушке, в нескольких сотнях миль за городом. Там она и была похоронена в углу кладбища по христианскому обряду. Мы посчитали это самым лучшим решением.

ТЕОДОР СТАРДЖЕН

ПРИВИДЕНИЕ ПОНЕВОЛЕ

Она сказала сдавленным голосом: «Меня что-то преследует» — и бросилась бежать.

Я был заинтригован. Может, потому, что она была такой крошечной, и волосы у нее были такие белоснежные. А может, потому, что она вообще выглядела такой юной и беспомощной. Хотя, скорее всего, потому, что она сказала: «Меня что-то преследует». Не «кто-то», а «что-то». В общем, меня так и потянуло за ней следом.

Я остановил ее на углу, дотронувшись рукой до ее плеча. У девушки перехватило дыхание, она рванулась...

— Спокойней, леди! — я перевел дух. — С вами ничего не случится.

Она остановилась и обернулась так внезапно, что я едва не налетел на нее. Мы стояли и глядели друг на друга. У нее были очень большие черные глаза, которые вообще-то не очень шли к ее волосам. Я сказал:

— Почему вы разгуливаете тут в три часа утра?

— А почему вы спрашиваете? — голос ее был спокойным и звучал, как музыка.

— Видите, вы уже отвечаете мне...

Но она, начав было говорить, вдруг увидела что-то за моим плечом. Она замерла; я был настолько зачарован сменой выражений на ее лице, что даже не оглянулся туда, куда она смотрела так пристально. Тут она снова перевела взгляд на мое лицо и вдруг влепила мне пощечину, резко и сильно. Я отступил на шаг и начал было ругаться, но почти сразу же умолк — девушка была уже на расстоянии в полквартиры от меня. Я остался на месте, потирая щеку и позволив ей спокойно удалиться.

Через пару дней я встретил Генри Гайда и рассказал ему обо всем этом. Генри — практикующий психиатр. Хотя лучше будет сказать, что практическая психиатрия — это его специальность, ибо Генри практиком как таковым не является. Он теоретик, и этих теорий проклятых у него больше, чем у кого-либо на свете. В свои тридцать лет он лыс и делает кучу денег, умудряясь при этом не ударять пальцем о палец.

— Мне кажется, она сумасшедшая, — сказал я.

— О! — сказал Генри и приставил к щеке палец, — а ты не спросил ее, что ей кажется?

— Нет, я только спросил ее, почему она разгуливает по ночам.

— Беда в том, Газ, что в тебе совершенно нет романтики. Единственное, что ты точно должен был сделать, так это схватить ее и задушить поцелуями.

— Она бы мне и врезала...

— Она так и так врезала тебе. Нет что-ли? — сказал Генри и удалился.

Генри большой шутник. Но временами шутки у него совсем дурные типа этой.

Я встретил ее снова только три месяца спустя. Я был в саду у пивного бара Дюка и рассматривал его знаменитые подсолнухи. Они были двенадцати футов в высоту и поддерживались подпорками. Росли они рядом с грязной аллеей, главной и единственной в этом саду.

Повсюду там были довольно жалкие клумбы и столы между ними. И японские фонарики, размокшие под дождем, да осипший оркестр. Свободного места нигде не нашлось, и я стоял, глядя на подсолнухи, в этой толкотне. Подсолнухи и в самом деле были громадные — гордый Дюк клялся, что может наполнить большой кулек семечками только с одного из них.

Как раз тогда она и сказала:

— Привет. Я извиняюсь за то, что пришлось ударить вас по лицу, — девушка исподтишка наблюдала за мной, стоя в тени среди листьев подсолнухов.

— О! Да это же вы, моя чудная маленькая драчунья!.. Что вы имеете в виду, когда говорите, что вам пришлось ударить? Почему бы вам просто не извиниться за то, что ударили!

— Мне пришлось. Просто так я бы вас не ударила.

— А-а... я что-то такое сделал? За что меня пришлось ударить?

— Пожалуйста, — сказала она, — простите...

Я посмотрел на нее. Нет, она не была наваждением. Она существовала на самом деле.

— Что вы здесь делаете? Прячетесь?

Она кивнула.

— А от кого вы прячетесь?

Она не ответила. Только пожала плечами и сказала, что просто прячется.

— Это то же самое, из-за чего вы убежали той ночью?

— Да.

Я назвал ее глупышкой.

— После того, как вы ушли тогда, я осмотрел все вокруг и ничегошеньки не нашел!

— Да нет же, оно было там!

— Что? Что-то невидимое?

— Да, невидимое. Я это знаю.

Мне вдруг показалось, что беседа у нас какая-то идиотская.

— Выходите оттуда и выпейте со мной пива. Мы это все обсудим.

— Я не могу!

— Можете. И очень просто. Смотрите!

Я шагнул и обнял ее.

— Вы могли бы придумать что-нибудь получше, — сказала она, и тут вдруг что-то случилось, и стебель гигантского подсолнуха сломался. Он задрожал, стал валиться, будто калифорнийское мамонтовое дерево, и упал прямо на поднос, который нес Гисепп, официант. Там было восемь больших кружек пива, два кувшина и один коктейль «Мартини». Пиво и осколки так и брызнули во все стороны, а стакан с коктейлем пролетел над головой официанта и ударился о прутья клетки, в которой Дюк держал свою ручную белку.

Не слишком-то приятная ситуация. Девушка с белыми волосами исчезла. Пока Дюк внушал мне, какую опасность я представляю для общества, я упорно пялился через его поднимающееся и опускающееся плечо на белку, которая буквально упивалась «Мартини», попавшим к ней в клетку. Словарный запас Дюка наконец иссяк, напоследок он бросил мне несколько непечатных фраз. Да... до этого мы были добрыми старыми друзьями.

Генри я отыскал так быстро, как только смог.

— Я опять видел эту девушку, — сказал я ему, — и заключил в объятья, как ты мне велел.

Я рассказал ему, что за этим последовало. Генри посмеялся от души. Он всегда смеется надо мной.

— Нельзя относиться к этому так серьезно, Газ! — сказал он и хлопнул меня по шее. — Небольшая порция переживаний полезна для кровообращения. Ну, улыбнись! Дюк ведь не подаст на тебя в суд? Нет?

— Нет, — сказал я, — это нет. Но когда его белка съела оливку из коктейля, она ужасно ослабела и улеглась неподвижно в своей клетке. Дюк вызвал врача, а счет прислал мне. У нее оказалось несварение желудка.

Генри в это время ел соленые орешки, которых у него был полный рот. Когда я закончил фразу, он поперхнулся от смеха и полуразжеванные орехи попали ему в нос, что причинило ему немало страданий. Между прочим, я был рад это видеть.

— Мне нужна кое-какая помощь, — сказал я Генри, как только его здоровье пришло в норму. — Может быть, эта девушка и сумасшедшая, но думаю, что, скорее всего, у нее какая-то беда.

— Ну да, скорее всего... — промямлил Генри, — только я не понимаю, чем ты тут можешь помочь.

— О, я что-нибудь придумаю!

— А еще я не понимаю, почему ты так хочешь помочь ей.

— Вот это интересный вопрос, — сказал я медленно. — Ты, Генри, меня знаешь — женщинами от меня всегда было, что с козла молока, поэтому они от меня уходили. Некоторые, правда, делали мне что-то приятное, но всякий раз компенсировали это какой-нибудь гадостью.

Генри аккуратно проглотил несколько орехов и только после этого засмеялся.

— Ты привел, по крайней мере, семь веских доводов, стремясь, как и все мужчины, к объективности, — сказал он. — Но при чем тут эта твоя сереброволосая Немезида?

— Немезида? Какая странная фамилия. Я вообще-то думал, что она полька. При чем тут она? Ну, она-то мне пока ничего, кроме гадостей, и не устраивала. Вот я и думаю, может быть, она не такая, как все — она же делает все наоборот! Вдруг это закончится чем-нибудь приятным?

— Твоя логика не безукоризненна, но и не безнадежна, — Генри стал говорить о чем-то еще, мол, не видит смысла в особой интеллигентности, когда вся мудрость мира покоится на губах прелестного дитя природы. Но я не улавливал его мысли.

— Мне, вообще-то, интересно, сможешь ты сделать для нее что-нибудь или нет. Давай, двигай вперед и не вешай носа! — сказал он, в конце концов.

— Но я же ничего не знаю — ни где она живет, ни...

— Ах, это... — он выудил из кармана малюсенькую записную книжку и серебряный карандаш и что-то написал. — Вот, — сказал он, вырвал листок и подал мне. Там значилось: «Лола Харвестер, 2336, Данганнон Стрит».

— Кто это?

— Это твоя девица... с которой стряслась беда. Твоя черноглазая сокрушительница физиономий.

— Что за черт! Откуда ты знаешь, как ее зовут?

— Она достаточно долгое время была моей пациенткой.

— Она? Почему ты... Почему ты не сказал мне?

— А почему ты меня не спросил?

Я направился к двери, перечитывая записку с именем и адресом.

— Знаешь что, Генри?

— Что?

— Лола — чудесное имя!

Генри рассмеялся:

— Ты мне сообщишь, чем все это кончится?

Я поднялся по ступеням крыльца и позвонил. Дом был большой, многоквартирный. Лола жила на четвертом этаже. Дверь, ведущая в фойе, приоткрылась, щелкнув замком; я потянул ее на себя и вошел. Там был такой лифт... без лифтера... Пришлось отправиться вверх по лестнице пешком. Не люблю я таких лифтов. Они меня нервируют.

Она стояла на площадке своего этажа, встречая гостя. На ней был черный халат до пола, плотно облегающий шею. Голова Лолы, казалось, покоилась на жестком воротнике. Спереди сверху до низу была застежка — молния и две серебряные буковки, инициалы слева на груди. Я никак не мог прийти в себя, причем отнюдь не потому, что долго поднимался по лестнице.

— О! — сказала она, — это вы!

— Ммм... — я с секунду смотрел на нее. — Вот это да! Я и представить себе не мог, что вы такая крошечная!

В ее присутствии я чувствовал себя странно: мне хотелось громко засмеяться, но вовсе не потому, что было что-то смешное. Когда я сказал ей об этом, она порозовела.

— Не знаю, могу ли я пригласить вас войти, — сказала она, — ведь я даже не знаю, как вас зовут.

— Меня зовут Газ. Теперь вы можете пригласить меня.

— Вы единственный известный мне мужчина, который умудряется быть нахальным, при этом не будучи таковым, — сказала она и отступила на шаг. Я не понял, что она имела в виду, но, что бы это ни значило, вошел.

Ее квартира была чудесной. Все там было таким изящным, как сама Лола. Я стоял посредине комнаты и крутил на пальце свою шляпу, пока она не забрала ее.

— Садитесь, — сказала она. Я сел, и она тоже — в другом конце комнаты.

— Что привело вас сюда, как вы нашли мой адрес и не хотите ли вы немного кофе или, может быть, что-нибудь выпить?

— Я пришел потому, что подумал — вы в затруднительном положении и вам нужна помощь. Ваш адрес мне дал друг. Я не хочу кофе, а насчет выпить... что у вас есть?

— Ром, хлебная водка и шотландский виски, — сказала она, — я, правда, даже не прикасаюсь к этой дряни.

— Я говорил вам уже, мисс Лола, я хочу вам помочь.

— Что вы вообще пьете?

— Джин.

Она удивилась.

— Джин или молоко. Есть у вас молоко?

Молоко было. Она дала мне очень большой стакан молока и даже налила себе немного. Потом сказала:

— Ну, вот... Что вы себе навоображали? Вы же не в силах ничего изменить.

— Я должен. Должен попытаться. Если вы объясните мне, в чем дело, что заставляет вас прятаться... в подсолнухах и убегать без причины, держу пари, я помогу вам. Над чем вы смеетесь?

— Вы так уверены в себе!

— Все и всегда смеются надо мной, — сказал я печально, — ну, так что же?

Улыбка сползла с ее лица, и она долго сидела, не говоря ничего. Я подошел и сел рядом с ней. Я смотрел на нее, даже немышляя коснуться.

Вдруг она кивнула и начала говорить:

— Я должна хотя бы рассказать вам все толком. Это трудно держать в себе. Большинство людей посмеялись бы надо мной; а один доктор, к которому я, в конце концов, обратилась, сказал, что это из-за неподходящей работы. Он сказал, что я обманываю себя, он еще сказал, что все случившееся просто не могло случиться — я все выдумала. Но вы... я думаю, что могу доверять вам, не знаю почему.

...Это началось около двух лет назад. У меня было не слишком серьезное увлечение одним молодым человеком в летнем лагере.

Однажды он пригласил меня на танцы — знаете, такие простые деревенские танцульки без затей. Там была масса смешного, и вообще... Мы танцевали до упаду. Потом отправились на берег озера, и он — ну, луна и все такое — он обнял меня. И тотчас же я услышала какой-то голос, который сказал: «Если ты не желаешь себе зла, то будешь держаться подальше от этого парня». Я отшатнулась от молодого человека и спросила, не сказал ли он что-нибудь. Оказалось, он ничего не говорил. Я перепугалась и бросилась бежать. Я бежала всю дорогу до дома. Он пытался догнать меня, но не смог. Я увидела его на следующий день и попыталась объясниться, но толком ничего сказать не могла. Я старалась быть любезной с ним, но его это все больше и больше раздражало. Он вдруг стал ни с того ни с сего худеть. Потом угодил в госпиталь. Едва не умер. Видите ли, он перестал спать. Он просто боялся заснуть. Ему снились ужаснейшие сны. Он мне рассказал один. Это действительно было ужасно.

Я тогда и не догадывалась, что мои свидания с ним как-то влияют на его состояние. Но как только его положили в больницу, он почувствовал себя лучше. Он стал выздоравливать и чувствовал себя хорошо, пока я его не навестила. Тогда у него случился рецидив. Я слышала, что после возвращения домой, в Чикаго, здоровье его в полном порядке.

Какое-то время затем ничего особенного не случилось. Но потом я начала замечать, что официант в баре, где я обычно обедала, начал странно себя вести. Я видела его каждый день, но между нами абсолютно ничего не было. Однажды днем, когда я пришла туда обедать, он вдруг начал ронять разные предметы. Сначала казалось, что ничего особенного в этом нет, но со временем дело стало приобретать дурной оборот. В конце концов, он не мог даже ложки подать, не уронив ее. Он проливал кофе — чашку за чашкой. Он пытался сделать сэндвич — и рассыпал все продукты по полу и по столу. Он не мог никому подать ни одного блюда — все время, пока я была там! Поначалу он смеялся над этим и называл меня девушкой, приносящей несчастья. Но через неделю он подошел ко мне, едва я села за столик, и сказал: «Мисс Харвестер, надеюсь, вы выслушаете меня. Вы знаете, надо что-то делать! Я потеряю работу, если не перестану ронять предметы! Но я никогда их и не роняю, пока вас здесь нет. Я не знаю, почему это происходит, но причина — в вас! Вы не будете слишком сердиться, если я попрошу вас не обедать у нас какое-то время?»

Я была поражена, но он волновался и так старался быть любезным, говоря обо всем этом, что я вообще перестала бывать там. Мои друзья говорили потом, что он никогда и ничего больше не ронял.

А с моими знакомыми становилось все хуже и хуже. Один приятный пожилой полисмен, с которым я каждое утро здоровалась по пути на работу, начал чесаться! Я это видела каждый раз, когда проходила мимо! Я кивала, он кивал, и потом начинал скрести всего себя так, как будто у него все тело зуделось, причем так сильно, что он ничего не мог поделать! А один молодой клерк в офисе, где я работала, — ему приходилось проводить достаточно много времени рядом с моим столом — он перестал попадать в

двери! То есть, он просто не мог пройти в двери, не налетев на косяк! Бедный юноша, он едва с ума не сошел. Он медленно подкрадывался к двери, внимательно присматривался и пытался пройти, но все равно каждый раз стучался об косяк. Меня так удручало все это, что я бросила ту работу и поступила на другую — это, кстати, пошло на пользу и пожилому полисмену. Ни с ним, ни с клерком больше не приключалось никаких бед.

Но суть дела с тех пор не изменилась. Каждый мужчина, которого мне приходится видеть часто, начинает рано или поздно страдать от какой-нибудь странной напасти. Даже те, кто просто часто встречается мне по пути на работу. Еще хуже тем несчастным, кто пытается пригласить меня куда-нибудь — ну, на выставку или куда-нибудь еще! Если я соглашаюсь, этот странный голос снова обращается ко мне и советует держаться подальше от моего кавалера. А если я не делаю этого, мужчине приходится очень плохо: у него вдруг пропадает зрение, когда он переходит дорогу, или он совершает что-нибудь такое, из-за чего его выгоняют с работы, или его бизнес прогорает. Теперь вам понятно, что происходит?

— Не плачьте, мисс Лола, пожалуйста, не плачьте!

— Я... не... не плачу, мистер Газ.

— Можно просто Газ.

— Ну, тогда можно просто Лола. Или мисс Харвестер. Только не мисс Лола!

— Я хотел, чтобы вы дали мне какой-то повод, чтобы называть просто Лола, — сказал я медленно, — и какой-то совсем другой повод, чтобы называть вас мисс Харвестер. А пока я буду называть вас мисс Лола.

— О, Газ! — сказала она. — Вы так остроумны! — Она отхлебнула немного молока и продолжила рассказ:

— Теперь я работаю у одной женщины, которая держит косметический салон, — сказала она, — у меня босс — женщина и менеджер — женщина, и большинство клиентов — женщины. И я их всех ненавижу! Я ненавижу всех женщин!

— Я тоже, — сказал я.

Она налила мне еще стакан и снова заговорила:

— Иногда мне удается освободиться от этого голоса, который меня преследует. Я не могу вам точно объяснить, как это получается, но это действительно так. Я чувствую, будто освобождаюсь от какой-то тяжести. И тогда я гуляю по улицам, но все время чувствую, что кто-то пытается догнать меня — как будто ищет меня и преследует. Иногда мне удается спрятаться или убежать от него. Но чаще мне это не удается.

— А, так вот почему вы бежали куда-то той ночью, когда я впервые увидел вас! Но — почему вы ударили меня?

— Потому что вы мне понравились.

— Достаточно странный способ, чтобы показать это, мисс Лола!

— Ах, нет! Этот голос, ну, дух, я не знаю... Он тогда как раз настиг меня. Если б он понял, что вы мне понравились, то устроил бы вам что-нибудь жуткое. И я ударила вас, чтобы показать ему,

что вы мне вовсе не понравились. А сделав это, я сама так поразилась, что убежала.

— А зачем вы сломали стебель у подсолнуха?

— Газ, я не ломала его! Это сделал дух, чтобы у вас были неприятности.

— И он преуспел.

— Газ, простите!

— За что? Не ваша вина.

— Но, Газ? Вы мне верите? Правда?

Она поцеловала меня. Один только раз, в щеку, но сердце мое подпрыгнуло к горлу и забилось там.

— Ну, — сказал я сразу, как только смог управлять собственным голосом, — чем бы этот ваш дух ни был, я вам все равно помогу от него избавиться. Да, а что это вообще такое, а? У вас есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

— Да, — сказала она спокойно, — конечно, есть. Когда я рассказывала об этом доктору, он решил, что все мои неприятности от того, что я чересчур много слушала старые бабушкины сказки. Вам не кажется странным, — после того, о чем я вам рассказала — что с вами сейчас ничего не происходит?

— Об этом стоит подумать... это действительно странно.

— Тогда смотрите, — сказала она, показывая, куда смотреть, — вон, вон и вон!

Я посмотрел. Над тремя дверьми, которые открывались в комнату, и над двумя большими окнами висели... связки чеснока!

— Да-да, я... слышал об этом, — сказал я, — это привидение. Да?

— Привидение, — сказала Лола, — ревнивое, грязное, мерзкое привидение! Собака на сене! Почему оно не оставит меня в покое!?

— Ну... я сейчас тоже заплачу, — проворчал я.

Она улыбнулась такой грустной и смущенной улыбкой, каких я никогда не видел.

— Нет, Газ, нет. Вы сильный, с вами все в порядке, но эта ваша сила вряд ли поможет мне отделаться от привидения.

— Я что-нибудь придумаю, мисс Лола, — заверил я, — обязательно, только помогите мне!

— Вы попытаетесь придумать, — сказала она мягко, — помогите мне!

Она подала мою шляпу и открыла дверь, но тут же захлопнула ее с грохотом и в смятении застыла.

— Газ! — Она всегда отличалась бледностью, но теперь была просто как мел. — Газ! Оно там, за дверью! Привидение! И оно знает, что вы здесь! Оно поджидает вас!

Я сжал кулаки.

— Отойдите с дороги, мисс Лола, — сказал я спокойно, — и пустите меня к нему.

— Нет, Газ! Нет!

— Знаете... Уже слишком поздно для того, чтобы я мог оставаться здесь. Я вас скомпрометирую. Мне надо идти.

Я подошел к ней и, взяв за плечи, приподнял, чтобы переставить в сторону. Ее лоб был так близко! Я поцеловал его, прежде чем опустить Лолу на пол.

— Спокойной ночи, — сказал я.

Она не ответила. Она плакала, ужасно напуганная, и мне это было приятно, потому что я знал — она боялась не за себя.

Я проснулся на следующее утро и решил, что все еще сплю, что продолжается кошмарный сон. Я был как камень, мокрый и холодный. Я чувствовал себя склизким угрем в бочке с маслом. Открыв глаза, попытался стряхнуть это ощущение. Ничего не вышло. Мой вчерашний ужин бурлил во мне, и стало казаться, что он весь превратился в отвратительную слизь, что две моих простыни покрылись ею. Я чувствовал влажный, толстый слой этой массы на всем теле. Я мог содрать эту массу с одной руки другою рукой и сбросить на пол. Но видеть эту массу я не мог.

Задыхаясь от тошноты, я рванулся к ванной комнате. Я спотыкался на ровном месте, повернуть дверную ручку и открыть дверь смог с большим трудом. Забравшись под самый горячий душ, какой когда-либо принимал, я намылился, смыл мыло, снова намылился, снова смыл... И все равно чувствовал себя таким же холодным, липким и слабым, как прежде.

Я попытался одеть хоть какую-то одежду, но не мог даже устоять под ее весом. Казалось, что гадкая слизь залепила все поры на моей коже. Я стянул с себя одежду и рухнул на кровать, сбросил простыни и тут же с криком выскочил обратно. Стоять было тяжело, но и лежать я не мог тоже. Зазвонил телефон. Лола.

— Газ, я ужасно беспокоюсь о вас... Он... оно ничего не сделало с вами?

Я колебался. Но врать не было никакого смысла.

— Да, оно тут резвится вовсю.

— Газ! Что там у вас происходит?

— Ничего такого, что стоило бы обсуждения.

— О, вы не говорите мне! Это, должно быть, что-то действительно ужасное!

— Почему?

— Потому что я... я... ну, я... Газ! Вы не хотите произнести это первым? Почему вышло так, что оно будет мучить вас больше, чем любого другого мужчину?

Я медленно начинал понимать, к чему она клонит.

— Мисс Лола, уж не лю... уж не переживаете ли вы за меня?!

— Милый мой!

— О, Боже! — сказал я.

Повесив трубку, я некоторое время предавался размышлениям. Я не мог позволить этому привидению сломать меня — нет, особенно сейчас, когда получил такое известие. Я стиснул зубы и надел другой костюм и носки. Я помнил те слова, которые сказал отец после моей первой уличной драки: «Если тебе врезали как следует, пацан, никогда не показывай, что тебе больно — особенно тому, кто это сделал. Если он решит, что ему тебя не сломать, ты положишь его на лопатки».

В общем, я оделся. Одежда, казалось, стала вытеснять неприятную влажную слизь, и я почувствовал, как она испаряется. Я вышел на улицу, продолжая ощущать некоторую дурноту, но это было уже терпимо, хвала Всевышнему. А когда я встал на следующее утро, слабость исчезла совсем.

Я отправился в кабинет Генри Гайда и взял у него ручку и бумагу. Я рассказал ему все, что услышал от Лолы о ее несчастьях, но ничего больше.

— Кому ты пишешь? — спросил Генри, не вынимая трубки изо рта и глядя, как усердно я царапаю бумагу.

— Я делаю то, что делает любой попавший в беду — спрашиваю совета у специалиста, — сказал я, продолжая писать.

— «Мисс Беатрис Дикс. Ежедневный обзор писем», — прочитал он вслух адрес и зашелся от хохота. — Ах! У тебя проблемы по этой части? Беатрис Дикс, колонка «Советы страдающим от несчастной любви»!

— Попроси свой миленький ротик, чтобы он перестал производить столько шума, иначе я его сам заткну! — проворчал я.

Генри невозмутимо продолжал читать, написанное мной.

— Дорогая мисс Дикс! У меня обнаружилась некоторая проблема с девушкой, к которой я очень серьезно отношусь. Одному типу очень нравится эта девушка, но он ей не нравится совершенно. При этом он досаждаёт ей и к тому же заставляет прогонять от себя всех других мужчин; сам же он при этом никогда не приходит к ней, ничего ей не дарит, никуда ее не приглашает и, более того, пакостит любому мужчине, которому она нравится, и особенно мне, потому что... Боже мой, Газ! Неужели нельзя было остановиться на этом? ...потому что я для нее имею сейчас большое значение. То, что он вытворяет, не может преследоваться по закону. Я хотел бы узнать вот о чем: какое право он имеет на то, чтобы так ревновать девушку, которой он совсем не нужен, и что мы с ней можем сделать, чтобы избавиться от него... Она решит, что ты либо чрезвычайно усердный студент-филолог, который не может изъясняться просто, либо в самом деле принадлежишь к числу людей, которые пишут в колонку Беатрис Дикс. Я всегда пытался представить себе, как выглядят такие простофили, — заметил глубокомысленно Генри, отступив на шаг и разглядывая меня так, как будто я был музейным экспонатом. — Скажите мне, пожалуйста, кто же этот ревнивец?

— Привидение.

— Привидение? Привидение, ревнующее Лолу? Ох, Газ, Газ! Час от часу не легче. И что, ты действительно думаешь, что сможешь изгнать злого духа с помощью газетной колонки для любящих сердец?

— У меня нет иных вариантов, как и выхода, впрочем.

— Газ, убирайся отсюда, ты меня просто убиваешь.

— Не беспокойся, я успею уйти раньше, чем ты отдашь концы, — сказал я.

На следующий день Лолино привидение применило ко мне новые и неожиданные методы, и на сей раз я не смог с честью все это перенести. Я остался дома на весь день, предварительно позвонив боссу и сообщив, что очень, очень болен. Естественно, то, что происходило, не может быть здесь описано.

Ответ на мое письмо появился гораздо раньше, чем я предполагал. Я не просил отвечать мне лично, потому он был напечатан в газете после моего письма:

«Г. С.: Перед вами крайне трудная проблема, если мы правильно поняли ситуацию. С таким случаем мы сталкиваемся впервые. Молодой человек, который преследует вас обоих, будет продолжать это до тех пор, пока видит, что на девушку это действует. Что же вы можете предпринять?

Вы можете попытаться полностью его игнорировать.

Либо вы, вдвоем или поодиночке, можете поговорить с этим человеком и объяснить ему все. Взывайте к его лучшим качествам.

Или вы можете попытаться найти кого-нибудь, кто мог бы заинтересовать его.

Но в любом случае вы должны быть невозмутимы. Пожалуйста, для вашей же собственной пользы, не предпринимайте никаких необдуманных шагов».

Я перечитал все это раз шесть. Я-то думал, что Беатрис Дикс — настоящий специалист в своей области и знает, что делать. А это куда годится? «Полностью его игнорируйте». Как можно жениться на женщине, когда в любую секунду, безо всякого предупреждения, на вас может навалиться эта ужасная слабость? «Взывайте к его лучшим качествам — объясните ему все». Сначала попробуйте его отыскать. «Найдите кого-нибудь, кто мог бы заинтересовать его». Может, найти ему привидение-девицу? И уговорить ее соблазнить его?

Я отправил газету Генри Гайду. Он лучше во всем этом разбирается.

Генри отложил газету в сторону, как только я вошел.

— Я прочитал, — сказал он, — и предполагал нечто подобное.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, что это замечательный пример того, как можно наговорить с три короба и при этом так и не ответить на вопрос. Единственное, что она угадала — так это то, что привидение будет преследовать твою возлюбленную, пока видит, что на девушку это действует. Я не знаю, что тебе и посоветовать, — в раздражении сказал он, наклонив голову и глядя на меня. — Газ, дружище! Ты влюблен в первый раз за столько лет!

— Может быть, потому мне так тяжело, — сказал я. Он прекратил паясничать и положил руку мне на плечо.

— Наверное. Но ты выдержишь это и со временем найдешь выход.

Я вернулся домой. Меня ждало письмо от Лолы.

«Милый Газ!

То, что я должна сделать, мне крайне неприятно, но все же я должна. Я догадываюсь, что тебе пришлось перенести. Он разговаривал со мной вчера ночью и рассказал мне кое о чем из того, что устроил тебе.

Газ, милый! Ты не должен больше ни писать мне, ни звонить и главное — никогда, никогда не видеться со мной. Для нас обоих это единственный выход, хотя это так жестоко и больно.

Любимый, не ищи встречи со мной. Я купила себе револьвер, и если ты появишься, я убью себя. Это не пустые разговоры, Газ. Я не побоюсь это сделать. Я достаточно страдала в этой жизни.

Милый, милый, любимый мой, мое сердце разрывается на части!»

Я прочитал это и попытался перечитать еще раз, потому что, в общем, не очень хорошо соображал. Потом я бросился к телефону и отшатнулся от него, тут же вспомнив о револьвере. Я знал, что она способна на это.

Потом я вышел на улицу.

Меня нашел Генри. Может быть, это было через три недели, может, через месяц. Я не знал, потому что мне было совершенно все равно. Я сидел на скамейке с парой других джентльменов.

— Уходи. Ты — Генри. Я тебя помню. Проваливай, Генри!

— Газ! Бросай это дело! Ты пьян! Пойдем со мной домой, Газ!

Один из этих двух джентльменов попытался выманить у Генри хоть сколько-нибудь денег, предлагая помочь ему в доставке меня домой.

Кажется, я проспал целые сутки.

Генри разбудил меня, обтерев мне лицо теплой водой.

— Ты похудел фунтов на тридцать, если не больше, — ворчал он, — тряпка! Не брился уже дней десять!

— Ты же знаешь, что у меня случилось, — сказал я так, как будто это объясняло все и извиняло меня.

— Да, я в курсе, — прорычал он, — ты потерял свою блондинку. А ты хоть пальцем пошевелил, чтобы вернуть ее? Нет! Ты разлегся, как медуза, как студень, и позволил вытирать о себя ноги!

— Но ведь она не...

— Знаю, знаю. Она запретила тебе появляться. А ты и смирился. Решил, что все кончено. И попытался залить горе вином.

Я отвернулся к стене, чтобы не видеть его. Но заставить его замолчать я не мог.

— Вставай и отправляйся в ванную, прими душ и поешь по-человечески! Попытайся хотя бы вид сделать, что у тебя все в порядке, пока не придешь в себя.

— Нет, — слабо ответил я.

Внезапно он опустился на корточки около кровати и обнял меня рукой за плечи.

— Перестань ныть, — сказал он мягко, — Газ, ты уже достаточно взрослый.

Он вздохнул, нахмутив брови, потом вдруг перевернул меня на спину и начал бить по щекам: хлесть-хлесть, хлесть-хлесть, и еще, и еще, и еще.

Только тогда внутри меня что-то взорвалось. Я вскочил с кровати и попытался ударить его. Он увернулся и заехал левой мне в висок. А потом началось такое!.. Я — большой, но изможденный, он — маленький, зато полный энергии... Это было незабываемое зрелище! Все кончилось тем, что Генри растянулся на ковре и с трудом произнес:

— Вот спасибо тебе, Газ!

— А зачем ты довел меня до белого каления? Зачем набивался на драку?

— Я следовал рекомендациям психиатрии, — сказал он, с трудом поднимаясь на ноги. Я помог ему, чувствуя, как мой нос начал распухать.

— Раньше мне казалось, что психиатрия занимается не носами.

— Слушай-ка, дружок. И тебе, и мне надо, чтобы старина Газ пришел в полный порядок. Тебе ведь очень больно от всего, что произошло, так? Ну что ты нашел в этой блондинке?

— Она... она... Я больше не могу без нее.

— Ты становишься сентиментальным идиотом. Мне кажется, у тебя дурной вкус.

Глаза Генри сузились, он раскачивался на пятках. Он прекрасно знал, что ступает по тоненькому льду, но все равно двигался вперед.

— Действительно, что ты нашел в этой анемичной девице? То ли дело девки крепкие, розовощекие, кровь с молоком! А эта со своими белыми волосами, бледная, глаза черные, как две дыры... Да она похожа на привидение! Она не заслуживает...

Я взревел и бросился. Он едва успел отскочить в сторону, когда я пронесся перед самым его носом в ванную.

— Где у тебя бритва? — орал я, — где мыло?!

Я буквально прыгнул под душ.

Когда я выскочил из ванной и начал натягивать на себя одежду, Генри потребовал объяснений.

— Что такого я сказал? Почему ты как с цепи сорвался? — он просто умирал от любопытства.

— Ты говорил, что привидение не уймется, — сказал я, — пока на девушку это будет действовать. И Беатрис Дикс — тоже что-то в этом роде. А если наоборот?

Я натянул второй ботинок, потребовал у него немного денег и размышлял еще некоторое время, пока решение не созрело полностью.

Подойдя к ее дому, я нажал кнопку не ее, а чьей-то другой квартиры и, когда дверь подъезда приоткрылась, поднялся по лестнице наверх. Я позвонил у двери Лоя и стал ждать, затаив ды-

хание. Едва ручка двери повернулась, я ворвался в квартиру. Лола была полуодета. Глаза заплаканные.

— Газ! — она отшатнулась, повернулась ко мне спиной и бросилась к туалетному столику. — Глупец! Зачем ты делаешь нам еще хуже?

Она двигалась так быстро, что я не смог остановить ее. В ее руке оказался пистолет.

— Постой, ты, глупая девчонка! — прокричал я. — Похоже, я нашел выход! Но одна ты не справишься, только мы вдвоем.

— Газ!..

— А для того, чтобы сделать это, можно обойтись и без этой штуки! Дай сюда!

Я большими шагами пересек комнату, отобрал у нее пистолет, и, разобрав его на части, бросил к ее ногам.

— А теперь пойди и оденься. Нам надо кое-что устроить.

Она колебалась, и я грубо подтолкнул ее к спальне.

— Одному из нас все равно придется тебя одеть, — проговорил я мрачно. Лола пискнула и начала шевелиться. В ожидании я расхаживал по пустой комнате, всякий раз с удовольствием пиная разобранный пистолет. Минуты через четыре она была готова, напуганная, озадаченная, но в то же время сияющая. Я взял ее за руку и потащил вон из квартиры. Как только мы прошли под связкой чеснока над дверью, мою кожу стало пощипывать, потом она начала зудеться, и внезапно я почувствовал, что весь превратился в сплошную гноящуюся рану. И в довершение всего, навалилась эта проклятая слабость. Я стиснул зубы и справился с этой болью.

Мы сели в такси, и я назвал адрес. Лола задавала какие-то вопросы, но я только улыбался в ответ, не в силах сказать ей ни слова от боли. Мы остановились, я заплатил по счетчику.

— Иди туда, — скомандовал я.

— Косметический кабинет! Но...

Я втолкнул ее внутрь. Служащая в белом халате робко направилась к нам. Я взял прядь белых волос Лолы и подбросил ее.

— Покрасьте их, — сказал я, — перекрасьте в черный цвет!

— Газ! — вскрикнула Лола, — ты сошел с ума! Я не хочу быть брюнеткой! Я никогда в жизни не красилась...

— Не красилась! А ты знаешь, на кого ты похожа со своими огромными черными глазами, бледным лицом и белыми волосами? Ты похожа на привидение! Неужели ты не понимаешь? Вот почему он преследует тебя! Вот почему он так любит и ревнует тебя!

Ее глаза просияли. Она посмотрела в зеркало и сказала:

— Газ, помнишь, я тебе рассказывала о том лете, когда он впервые заговорил со мной? Я носила тогда длинное белое платье...

— Иди и покрась волосы в черный цвет, — промычал я, мучаясь от боли. За нее взялся мастер.

Я рухнул в большое кресло и замер в ожидании. Я переживал тысячи разных агоний, терзаний и мучений. Волны боли и ужаса прокатывались по моему телу, как в установке цветомузыки. Я сидел, испытывая все это снова и снова, пока не услышал голос мастера откуда-то из глубины салона:

— Вот и все, мадам, все готово. Взгляните-ка — как вам?

И тут где-то в глубине своей души я услышал звук, похожий на стон отворачивания, а потом возникло ощущение, что с меня свалилась дикая тяжесть. И сразу же тело стало свежим и как будто новым. Дьявольские боли исчезли.

Появилась Лола и обвила руки вокруг моей шеи. Она была великолепна с черными волосами.

Генри Гайд стал лучшим другом нашей семьи.

МАЛЕНЬКИЙ ФОТОГРАФ

Маркиза отдыхала в шезлонге на балконе отеля. На ней был только легкий халат. Гладкие золотистые волосы, накрученные на бигуди, обвивала узкая лента под цвет глаз. На столике рядом с шезлонгом стояли три флакончика лака для ногтей различных тонов. Она покрыла лаком ногти трех пальцев и протянула руку перед собой, проверяя эффект. Нет, лак на большом пальце был слишком красным, слишком ярким и придавал ее тонкой загорелой руке сходство с диковинной птицей, из чьей свежей раны капает кровь. Ноготь указательного пальца получился поразительно розовым. Этот цвет подходил для элегантных салонов, для бала или для торжественного приема, где она томно помахивала бы веером из страусиных перьев под приглушенное звучание скрипки. Оба цвета показались ей фальшивыми, не соответствующими ее нынешнему настроению. Ноготь среднего пальца был переливчато-красным с мягкими, нежными полутонами. Этот цвет напоминал бутон божественной розы, не раскрывшейся еще от дневной жары. Да-да, божественной розы, прохладной и закрытой, которая выглядывает со своей клумбы на роскошном газоне и лишь позднее, к обеду, распускает лепестки. Это и был нужный ей цвет. Маркиза взяла ватный тампон и стерла непонравившиеся пятна с ногтей других пальцев, затем окунула маленькую кисточку в избранный лак и начала работать быстро, искусными штрихами, как художник.

Закончив, она обессиленно откинулась на спинку шезлонга и помахала руками, чтобы дать лаку высохнуть. Затем посмотрела на выглядывавшие из сандалий пальцы ног и решила их тоже покрыть лаком. Но только не сейчас. Было слишком жарко, чтобы шевелиться.

Легкие шорохи из отеля доносились до маркизы словно во сне; проплывающие звуки доставляли ей удовольствие. Здесь, на отдыхе, она ощущала себя свободной от мужа и от домашних забот. Кто-то на балконе этажом выше подвинул стул, внизу на террасе над маленьким столиком для завтрака официант разворачивал веселый полосатый зонт от солнца. Из обеденного зала доносились указания метрдотеля. В соседних апартаментах наводила порядок

горничная. На балконе рядом служащий отеля подметал пол. Голоса сливались в невнятное бормотание. Вновь стало тихо. Будто морская волна лизнула раскаленный песок и исчезла. Где-то вдалеке раздавался смех играющих детей, среди которых резвились и ее девочки. Кто-то на террасе заказал кофе, дым от сигареты поднимался вверх до ее балкона.

Маркиза вздохнула. Это был покой, это было состояние блаженства. Если бы это могло длиться бесконечно...

Но внутренний голос говорил, что даже здесь, на отдыхе, когда она свободна, привычное состояние скуки и недовольства через час-другой появится снова. Послышалось легкое жужжание. Маркиза открыла глаза и увидела неприятное насекомое, вьющееся над флакончиками с лаком. Волшебное состояние покоя было нарушено. Маркиза нехотя подняла письмо от супруга, которое валялось на полу. «К сожалению, у меня сейчас нет возможности приехать к тебе, любимая, и к детям. Дела полностью захватили меня, а я, как тебе известно, могу полагаться только на себя. Конечно, я сделаю все, чтобы заехать за тобою в конце месяца. Наслаждайся отдыхом, купайся и загоравай. Морской воздух очень полезен тебе. Вчера я навестил маму...» Маркиза снова бросила письмо на пол. Вечно одно и то же. Постоянно его работа. Эти ценные бумаги, эти земли, эти леса, эти деловые люди, с которыми он встречается, эти внезапные поездки, в которых он должен участвовать...

Эдвард молился на свою жену, но совсем не имел для нее времени. Ее предупреждали перед свадьбой, что так оно и будет. Но она не придавала этому значения. С какой радостью согласилась она стать его женой! Что могло тогда казаться ей очаровательнее замка и огромного состояния, великолепнее дворца в Париже, лучше маркиза и толпы покорных слуг?! Девочке, выросшей в Лионе, в семье вечно занятого доктора и его больной жены, все это представлялось сказочным миром. Если бы однажды не появился мсье маркиз, наверное, она вышла бы замуж за молодого ассистента отца и прозябала бы всю жизнь. Мсье маркизу было за сорок. Он знал, чего хотел. А она была красива. Это решило дело. Они поженились. У них появились две маленькие дочки. Они были счастливы. Иногда, конечно...

Маркиза поднялась с шезлонга, прошла в спальную комнату, села за туалетный столик и освободила волосы от бигуди. Даже это занятие утомило ее. Она позволила халату соскользнуть с плеч и посмотрела на себя обнаженную в зеркало. Подумала, что подчас ей недостает прежней, обыкновенной лионской жизни. Она вспомнила своих подруг, с которыми могла смеяться и беззаботно шутить, делиться девичьими радостями первых любовных увлечений. Сейчас у мадам маркизы не было никого, кому она могла бы доверять, с кем могла бы пошутить и посмеяться, как прежде. Все персоны из ее окружения были почтенного возраста. Их жизнь текла скучно и размеренно.

О, эти бесконечные визиты родственников Эдварда к ним в замок! Его мать, его сестра, его брат, его золовка! Зимой, когда они жили в Париже, все было точно также. Никаких новых лиц, никаких незапланированных визитов. Правда, некоторое разнообразие

все же получалось, если у них обедал кто-либо из деловых друзей Эдварда. Когда маркиза выходила к столу, гость, пораженный красотой, бросал на нее дерзкий, восхищенный взгляд, затем кланялся и целовал ей руки. Если посетитель заинтересовывал ее, она наблюдала за ним во время обеда и давала волю своей фантазии. Она представляла тайную встречу: как они взяли бы такси до его дома, вошли бы в узкую, темную прихожую и проскользнули в незнакомую комнату...

Но обед подходил к концу, гость кланялся и уходил, чтобы больше не появляться. Маркиза после успокаивала себя: он был не особенно хорош, у него искусственные зубы... Но эти мимолетные взгляды, полные восхищения!

Сейчас она приведет в порядок свои золотистые волосы, надеет белое платье и набросит на плечи шифоновую шаль. После этого в сопровождении детей и гувернантки-англичанки покажется на террасе. Метрдотель услужливо проводит их до углового столика под полосатым зонтом. Люди будут пристально смотреть на них и перешептываться, когда она, по-матерински нежно, наклонится к детям и погладит их по волосам.

Но сейчас перед зеркалом — только прекрасное обнаженное тело, печальное лицо и горько сжатые губы. Да, другие женщины заводят любовников. Даже у Элизы, ее подруги по лицу, после шести лет брака появился любовник. В своих письмах она никогда не называла его по имени, писала только «mon ami». Они встречались два раза в неделю, по понедельникам и четвергам. У него была машина, они ездили за город. Элиза имела обыкновение писать маркизе: «Но какой плебейской должна казаться тебе моя маленькая интрижка! Лучше расскажи мне о Париже и праздниках. Кто этой зимой стал мужчиной твоего сердца?»

В своих ответах маркиза, отшучиваясь, обходила этот вопрос молчанием и описывала платья, которые надевала на последний прием. Она не добавляла, однако, что прием этот закончился ровно в полночь, что был он официальный и смертельно скучный, что в Париж она выезжает только с детьми, и то лишь в салон мод да в парикмахерскую. Писала она и о жизни замка, но, как правило, расхваливала только его роскошный интерьер и чудесный парк с величественными аллеями могучих деревьев. И при этом ни слова об однообразных дождливых весенних днях, ни слова о летнем зное, когда безмолвие простирается на многие мили вокруг.

— Ах, извините, — служащий отеля с веником в руках почему-то вошел без стука.

Несомненно, он должен был знать, что она не ушла из номера, так как пару минут назад видел ее на балконе. Смутившись, он выскочил из комнаты, но прежде окинул-таки ее обнаженную фигуру взглядом, полным восхищения и вместе с тем сострадания. Будто хотел сказать: «Такая красивая и в одиночестве?»

Было страшно жарко. Ни ветерка с моря. Капли пота стекали по ее телу. Она натянула легкое белое платье и вновь вышла на балкон. Темные очки скрыли ее глаза и придали дню насыщенный колорит. Море стало фиолетовым, белый песок — оливковым. Маркиза прислонилась к баллюстраде. Вновь почувствовала запах сигаретного дыма.

Звякало стекло — официант сервировал столик на террасе. Группа полуголых молодых людей прибежала с пляжа и громко потребовала мартини. Их бронзового цвета тела блестели от соленой морской воды. Конечно, это американцы. Маркиза презрительно взглянула на них, но в ее пренебрежении была доля зависти. Ведь эти молодые люди всегда радостны и веселы. Они везде ходят группами — по шесть-восемь человек, но, бывает, разбредаются и по парам. Их жизнь, их чувства у всех на виду. Никакой тайны, никаких томительных ожиданий за приотворенной дверью... Нет, настоящие чувства проявляются совсем иначе. Она сорвала розу, которая росла в ящике на балконе, и вставила ее в вырез платья. В любовном приключении должно быть что-то скрытое, нежное, невысказанное. Не может появиться истинной страсти между давними приятелями. Страсть может зародиться только между людьми незнакомыми.

Тем временем один за другим возвращались с пляжа гости отеля и занимали места за столиками. Терраса вновь ожила. Хлопоты, болтовня, звон бокалов и стук тарелок усиливались, так что шум моря, царивший здесь утром, казался сейчас далеким и слабым.

Вскоре с гувернанткой мисс Клай пришли ее дети. Девочки прыгали на террасе: милые, ухоженные, как куколки. Их пыталась уговорить мисс Клай, одетая в полосатое хлопчатобумажное платье, с мокрыми от купания волосами. Внезапно девочки посмотрели на балкон и закричали, хлопая в ладоши:

— Мама, мамочка!

Маркиза, как обычно, ласково улыбнулась им в ответ. Какой-то мужчина за столиком, проследив за взглядом детей, мигнул своему соседу. В глазах мужчин вспыхнуло восхищение, усилившееся, когда маркиза — эта прекрасная маркиза! — вышла на террасу к своим ангельским дочкам.

Эта пьянящая атмосфера восхищения обволакивала ее изо дня в день. Но после обеда все расходились, чтобы предаться развлечениям — плаванию, гольфу, теннису, а неотразимая маркиза так и оставалась в обществе детей и мисс Клай.

— Мама, смотри, я нашла на пляже маленькую морскую звезду! Когда мы поедем домой, я возьму ее с собой.

— Нет, нет, она моя! Я первая ее увидела!

Девочки начали спорить.

— Тихо, дети, у меня голова болит от вашего шума.

— Мадам, наверное, устала? После обеда нужно отдохнуть. Это будет вам полезно при такой жаре. — Тактичная мисс Клай склонилась к детям: — Мы все устали. Нам всем будет полезен покой.

Покой... Маркиза вздохнула. Вся ее жизнь — это один бесконечный покой. Зимой и летом слышит она это слово. От супруга, от гувернантки, от золовки, от всех своих скучных знакомых. Боже, сколько часов замужней жизни она провела в покое — в постели! В парижском дворце, в замке, на природе. Часами, ежедневно!

— Я совсем не устала. — Обычно мягкий, мелодичный голос маркизы вдруг стал резким и решительным: — После обеда я прогуляюсь в город!

Дети удивленно посмотрели на нее, и мисс Клай, изобразив недоумение на своем козьем лице, запротестовала:

— В такую жару! Тем более, что магазины с часу до трех всегда закрыты! Почему бы вам не подождать до вечера? Дети отдохнут и смогут пойти с вами, а я бы тем временем кое-что погладила.

Не ответив, маркиза поднялась.

Терраса уже опустела. Никто не обратит внимания на ее уход. Она вошла в свою комнату, напудрилась, подкрасила губы. За стеной звучали голоса детей. Мисс Клай укладывала их в постель. Маркиза схватила соломенную сумочку, бросила в нее портмоне, кассету с фотопленкой, тихо, на цыпочках прошла мимо детской, спустилась по лестнице и вышла через садик отеля на пыльную дорогу.

Тотчас камушки забились ей в сандалии. Солнце нещадно припекло непокрытую голову, и внезапно вся затея показалась ей глупой и бессмысленной. Улица и пляж пустовали. Постояльцы отеля, безумствовавшие утром на берегу моря, пока она празднично лежала на балконе, сейчас наслаждались в своих комнатах послеобеденным покоем, как мисс Клай и девочки.

Маркиза в одиночестве брела по палимой солнцем деревенской улице к городу.

В городе все оказалось именно так, как и предвидела мисс Клай. Магазины были закрыты, жалюзи всюду спущены. Она одна шла по этому сонному царству. Даже в кафе не было ни души, только у входа дремала песочного цвета собака, закрыв лапами голову от мух, которые ей докучали. Мухи были всюду. Они жужжали в окне аптеки, где стояли флаконы с лекарствами. Они ползали в витрине магазина среди очков от солнца, розовых кукол и теннисных туфель. Они облепили забрызганную кровью колоду у мясной лавки. В квартире над магазином кричало радио, потом вдруг смолкло, а следом донесся облегченный вздох — кому-то оно, видимо, мешало спать.

Даже почтамт был закрыт — напрасно маркиза стучала в дверь, желая купить почтовые марки. По телу ее текли капли пота. Ноги в тонких сандалиях ныли от такого недолгого, но мучительного пути. Солнце по-прежнему жгло нещадно. И при виде пустынной улицы маркизу охватило дикое желание оказаться где-нибудь в прохладном, полутемном подвале, чтобы капала вода из крана... Расстроенная и обессиленная, почти готовая расплакаться, она вошла в узкий проход между магазинами, спустилась по ступеням во двор, куда, к счастью, не проникали солнечные лучи, и остановилась, оперевшись рукой о прохладную, гладкую стену. Рядом оказалось окно, закрытое жалюзи, она устало прислонила к нему голову.

Вдруг, к ее удивлению, жалюзи поднялись, и в окне появилось лицо мужчины.

— Простите... — начала было она, мучительно осознавая неловкость своего вторжения в чужую жизнь и чужие секреты. Си-

туация показалась ей глупой, но внутренний голос подсказал, что все обойдется: мужчина в окне глядел каким-то особенным, мягким и кротким, как у священника, взглядом. У него были пышные черные волосы, маленький прямой нос, резко очерченный рот. Серьезные карие нежные глаза напоминали олени.

— Что вы желаете, мадам маркиза? — спросил он в ответ на ее фразу, которая так и осталась незаконченной.

«Он знает меня, он меня когда-то видел», — подумала маркиза удивленно. Но голос его поразил ее еще больше: в нем совершенно отсутствовали резкие тона. Это был бархатный баритон, как нельзя лучше гармонировавший с выразительными глазами мужчины.

— На улице страшно жарко, — сказала маркиза. — Все закрыто, а я внезапно почувствовала себя плохо. Пришлось спуститься сюда, в тень. Мне очень жаль, если я побеспокоила вас.

Лицо в окне исчезло. Рядом открылась дверь, которую она раньше не заметила; несколько мгновений спустя маркиза уже сидела на стуле в прихожей. В доме было темно и прохладно, как в том подвале, о котором она мечтала недавно. Мужчина протянул ей глиняную кружку с водой.

— Спасибо, большое спасибо, — сказала маркиза и почувствовала на себе долгий взгляд, полный благоговения.

— Что-нибудь еще нужно, мадам маркиза?

Она покачала головой. В ней уже появилось и стало расти чувство, которое всегда доставляло ей радость и наслаждение. Поймав этот взгляд, маркиза вновь ощутила силу своих чар. Хорошо рассчитанным жестом она стянула шифоновую шаль на плечах и отметила, что незнакомец посмотрел на розу в глубоком вырезе ее платья.

— Откуда вы меня знаете?

— Три дня назад вы с детьми заходили в мой магазин и купили пленку для фотоаппарата.

Маркиза задумчиво посмотрела на него. Да, конечно же! Она вспомнила, что покупала в лавочке пленку, а обслуживала ее смешно прихрамывающая женщина. Опасаясь, что дети станут хихикать, да и сама она может бессердечно рассмеяться, маркиза быстро купила какие-то мелочи и ушла.

— Да, я вспомнила, — она отпила еще глоток из глиняной кружки, наслаждаясь поклонением, которое читала в его глазах. — Я хотела проявить пленку. Она у меня с собой, в сумочке. Не могли бы вы это сделать для меня?

— Конечно, мадам маркиза. Я сделаю для вас все, что вы пожелаете. С тех пор, как вы посетили мой магазин, у меня...

Он замешкался. Краска залила его лицо, и он смущенно потупился. Маркиза подавила в себе желание рассмеяться. Его трепет перед нею переходил все границы. Но именно это и позволило ей почувствовать абсолютную власть над этим человеком.

— Что же с вами произошло, с тех пор как я посетила ваш магазин? — спросила она.

Он взглянул на нее и вдруг выпалил с такой страстью, что она даже испугалась:

— Я не могу думать ни о чем другом!

Засмеявшись, маркиза вернула ему кружку.

— Я самая обыкновенная женщина, — с легким лукавством проговорила она. — Узнав меня ближе, вы бы разочаровались.

«Как я владею положением! — с какой-то детской радостью думала она. — Я не возмущена, не шокирована. Я сижу здесь, в подвале, и болтаю с фотографом, который говорит о своем восхищении мной прямо в глаза. Нет, все это забавно, тем более, что бедный парень действительно верит в свои слова. Все это для него очень серьезно».

— Так вы проявите мою пленку? — повторила она.

Он не мог оторвать от нее глаз. Тогда маркиза и сама стала смотреть ему прямо в лицо так вызывающе пристально и так долго, пока он не потупил взор и вновь не покраснел.

— Вы не могли бы пройти для этого в мой магазин? Я тотчас же ее проявлю, — мягко предложил он.

— Почему я не могу отдать вам пленку прямо здесь?

— Это было бы не по правилам, мадам маркиза, — возразил он.

Она повернулась, смеясь, и поднялась вверх по ступеням на жаркую улицу. Затем вошла в душную лавочку. Он уже стоял за прилавком. Маркиза разочарованно заметила, что он надел пиджак — дешевую серую вещь, которую носит каждый продавец, что его сорочка чересчур накрахмалена и кричаще голубая. Ей стало скучно. Он оказался обычным. Даже чересчур обычным. Просто владелец магазинчика — и все.

— Когда вы сможете напечатать снимки? — спросила она.

— К утру, — он вновь посмотрел на нее такими преданными глазами, что она забыла и заурядный пиджак, и перекрахмаленную голубую сорочку. Она видела только его тонкие руки и грустное лицо.

— Если вы фотограф, то, может, придете в отель, чтобы снять меня с детьми? — спросила она.

— Вы действительно хотите этого?

— Почему бы и нет?

Что-то вспыхнуло в его глазах и вновь исчезло. Он нагнулся за прилавок, будто за бичевкой — завязать сверток.

«Ага, он взволнован. Как руки дрожат!» — думала маркиза, усмехаясь, но сердце ее стучало сильнее, чем прежде.

— Хорошо, мадам маркиза, — сказал он. — Я приду в отель, когда пожелаете.

— Думаю, что самое удобное время для съемки — перед обедом, часов в одиннадцать.

С этими словами, не попрощавшись, она медленно вышла из магазина, пересекла улицу и, делая вид, что разглядывает витрины, незаметно стала наблюдать в них за действиями фотографа. Тот вышел из лавки и пристально смотрел ей вслед. И в это мгновение она увидела, что он — калека, так же, как и его сестра. На его правом ботинке подошва была значительно толще. Странно, но его походка не вызвала у нее отвращения и нервного смеха, как походка его сестры. Наоборот, этот неуклюжий ботинок странным образом притягивал. Обдумывая впечатления от не-

обычного знакомства, маркиза побрела по пыльной дороге назад в отель.

На следующее утро, ровно в одиннадцать, портье сообщил, что в холле по вызову мадам маркизы ожидает мсье Поль, фотограф. Маркиза передала, что приглашает мсье Поля наверх, в свои апартаменты. Немного спустя она услышала тихий, нерешительный стук в дверь.

— Войдите! — воскликнула она.

Положив руки на плечи детей, маркиза стояла на балконе. Группа представляла такую живописную картину, что нельзя было не залюбоваться. Облегающее платье подчеркивало чудесную фигуру маркизы. Волосы, вчера повязанные тесьмой, как у маленькой девочки, теперь были гладко уложены и собраны в узел, открывая уши с золотыми клипсами.

Фотограф остановился в дверях. Дети смущенно и озадаченно смотрели на его неуклюжий ботинок, но так как мать не выказала никакой реакции, они молчали.

— Это мои дочери, — нарушила тишину маркиза. — А теперь вы должны сказать нам, где и как мы должны встать.

— Оставайтесь, пожалуйста, в этом положении. Это так естественно и мило.

— Да, конечно, если вам нравится.

— Извините, одно мгновение, я установлю камеру.

Он занялся привычным делом, и вся нервозность сразу исчезла. Маркиза наблюдала, как он устраивает штатив, как накидывает на аппарат бархатное покрывало, и не могла отвести взгляда от его ловких рук. Это были руки художника.

— Посмотрите на меня. Вот так, хорошо, все восхитительно. — Взгляд его покорных карих глаз был устремлен прямо на маркизу, а голос звучал негромко и мягко. Снова, как вчера в магазине, она ощутила от этого приятное возбуждение.

— Еще раз, пожалуйста, — сказал он.

Маркиза застыла в той же позе с улыбкой на губах, потом повернулась и пошла с детьми на балкон.

Спустя полчаса девочки устали позировать, и маркиза отпустила их.

— Простите их. Детей увлекает все новое, но, к сожалению, ненадолго.

Она сорвала розу и поднесла ее к губам.

— О, чудесно! — воскликнул фотограф. — Если вы позволите... Я едва осмеливаюсь просить вас...

— О чем же?

— Вы позволите один-два раза снять вас одну, без детей?

Она засмеялась и бросила розу вниз, на террасу.

— Ну, конечно! Ведь это мне не в тягость. — Она села в шезлонг и закинула руку за голову: — Так?

Он исчез под бархатным покрывалом, навел резкость и, хромая, подошел к ней.

— Если позволите, руку нужно положить немного выше, так... а голову, пожалуйста, чуть в сторону.

Он дотронулся до ее руки, и маркиза приняла нужную позу. Затем осторожно, неуверенно он коснулся ее подбородка и чуть

повернул его. Маркиза закрыла глаза. Он не отнимал своей руки. Едва заметно он провел большим пальцем по ее стройной шее. Она еле ощутила это нежное прикосновение — словно крыло бабочки коснулось ее.

— Да, так хорошо, — сказал он тихо. — Какое совершенство!

Она открыла глаза и увидела, как он уже возвращается к аппарату...

Маркиза утомилась не так быстро, как ее дети. Она позволила мсье Полю снимать снова и снова. Дети вернулись и, как им было велено, играли в углу балкона. Их негромкая болтовня, как фон, создавала между маркизой и фотографом атмосферу доверия. Первоначальная напряженность прошла. Он все смелее предлагал ей принять различные позы. Она соглашалась. Пару раз они оказались неудачными, он спокойно говорил об этом маркизе. Он подходил к ее шезлонгу, опускался на колено около нее, поворачивал за плечо, и с каждым разом его прикосновения становились увереннее и тверже. Но когда она пыталась заглянуть ему в глаза, он робко и смущенно отводил взор. От нее не укрылись его противоречивые чувства. Маркиза наслаждалась.

Когда он во второй раз поправлял складку на ее платье, маркиза заметила, как он побледнел. Весь лоб его покрылся каплями пота.

— Очень жарко, — сказала она. — Может быть, на сегодня хватит?

— Как вы желаете, мадам маркиза. Действительно очень жарко... Я думаю, лучше закончить.

На самом деле она не чувствовала никакой усталости. Напротив, энергия переполняла ее, и она желала после ухода фотографа отправиться на пляж. Зато мсье Поль был опустошен совершенно. Это было заметно по тому, как он складывает штатив, как тяжело волочит ногу в ботинке. Она тем временем разглядывала собственные снимки, которые он напечатал вчера.

— Вы и в самом деле способный, — сказала она. — А я вот не умею правильно обращаться с камерой. Мне надо научиться у вас.

— Вам нужно немного практики, мадам маркиза. Когда я начинал, у меня был такой же маленький аппарат, как у вас. Но я по-прежнему пользуюсь им, когда снимаю пейзаж. Я больше люблю снимать природу, чем людей. Редко делаешь портреты с таким удовольствием, как сегодня.

Она пристально посмотрела на него, читая в его глазах ту же рабскую покорность. Он смущенно потупил взор.

— По всему побережью очень красивый ландшафт, — продолжил он. — Вы, наверняка, заметили это во время прогулок. Почти всегда после обеда я отправляюсь вон туда, к утесу, — он показал рукой. Утес будто колыбался в раскаленном воздухе. — Вы вчера совершенно случайно застали меня дома. Я был в подвале и проявлял пленки для отъезжающих гостей. Обычно в это время я иду гулять на мыс.

— Там, наверное, страшно жарко, — поморщилась маркиза.

— Там, высоко над морем, всегда дует легкий бриз. А с часу до четырех там, обычно, почти не бывает людей. Все отдыхают

после обеда, поэтому у меня появляется прекрасная возможность побыть в одиночестве.

— Да, я понимаю.

Они замолчали, но это молчание было полно смысла для обоих.

— Я как-нибудь попробую прогуляться туда после обеда, — произнесла она наконец.

На балкон вышла мисс Клай и позвала детей мыть руки.

Было время обеда. Террасу стали заполнять гости. Слышался обычный шум, болтовня и звяканье посуды.

— Благодарю вас. Как-нибудь я зайду в магазин, чтобы посмотреть снимки. Всего хорошего, — с подчеркнутым равнодушием маркиза распрощалась с ним. Фотограф поклонился и вышел, как покорный слуга, исполнивший свою работу.

— Надеюсь, у него получится пара хороших снимков, — сказала мисс Клай. — Господин маркиз наверняка будет рад.

Маркиза не ответила. Она сняла клипсы и кольца, прежде чем выйти к обеду. Украшения ей сейчас не требовались. На сегодня она удовлетворила свое тщеславие.

Прошло три дня. Маркиза отправила мисс Клай с детьми в город за фотографиями, и они принесли ей красиво упакованную коробку. Фотографии были отличные. Мисс Клай была просто восхищена и просила у маркизы разрешения послать несколько снимков домой, в Англию.

— Неужели возможно в таком захолустье делать такие прекрасные фотокарточки?! — восклицала она.

«Да, они недурны, — думала маркиза, зевая. — Он, наверное, очень старался. Снимки, где я одна, лучше...»

Она бросила фотографии в ящик комода.

— Интересно, доволен ли ими мсье Поль? — спросила она гувернантку.

— Он ничего не сказал и, казалось, был разочарован тем, что вы не пришли сами. А снимки были готовы еще вчера. Он справлялся о вашем самочувствии, и дети — впрочем, они были очень вежливы — сказали ему, что мама загорает на пляже.

На следующий день после обеда, когда мисс Клай и дети отдыхали, и весь отель, казалось, дремал на солнечной жаре, маркиза надела короткое, без рукавов платье, очень простое и неброское, повесила на плечо маленький фотоаппарат и тихо, чтобы не разбудить детей, спустилась по лестнице к пляжу, откуда узкой тропинкой поднялась на поросший зеленью утес. Солнце палило нещадно, но здесь, в высокой траве, не было никакой пыли, густой папоротник приятно гладил ее голые ноги. Мало заметная тропинка вела почти по самому краю утеса, и каждый неосторожный шаг таил в себе опасность. Маркиза, грациозно покачивая бедрами, шла дальше, не ощущая страха... На вершине она оказалась одна. Вокруг не было ни души. Далеко внизу виднелись белые стены отеля; ряды купальных кабинок на пляже казались детскими кубиками. Море было тихим и зеркально чистым. Вдруг неподалеку что-то сверкнуло в траве: это была линза камеры. Делая вид, что ничего не заметила, она занялась собственным аппаратом и для большей убедительности щелкнула раз-другой, будто фото-

графировала пейзаж. Потом, услышав за спиной шаги, повернулась и изобразила удивление.

— А, добрый день, мсье Поль! — воскликнула она. Ей понравилось, что в этот раз он был одет гораздо приличнее: только трикотажная майка и темно-голубые брюки. Густые черные волосы обрамляли его лицо, на котором было написано такое страстное восхищение, что маркиза поспешила отвернуться, чтобы скрыть улыбку.

— Видите, я последовала вашему совету — снимаю чудесные виды. Но, наверное, я неправильно держу аппарат. Покажите, как надо.

Он встал рядом и, обхватив за плечи, придал ее рукам правильное положение. Маркизе показалось, будто она слышит стук его сердца. Ее возбудил этот стук, но она старалась не подавать вида.

— А свой аппарат вы взяли?

— Да, мадам маркиза, я оставил его наверху вместе с пиджаком. Там, на краю утеса, мое любимое место. Весной я всегда прихожу туда, чтобы послушать птиц и поснимать.

— Покажите мне его.

Фотограф пошел впереди, пробормотав «пardon». Протоптанная им тропинка вела к маленькой прогалине, похожей на гнездо, окруженное метровым папоротником. Только впереди открывался вид на море.

— Как очаровательно! — воскликнула маркиза и побежала, смеясь, как ребенок, к этому местечку.

Там, на его пиджаке, лежала книга.

— Вы, наверное, много читаете?

— Да, мадам маркиза, я читаю с большой охотой.

Она взглянула на обложку. Это был дешевый любовный роман, из тех, какие она и ее подруги в лицее прятали от учителей в школьных сумках. С тех пор она не читала подобной ерунды.

— Это хорошая книга? — спросила она, подавив улыбку.

Он посмотрел на нее своими большими глазами.

— Она очень нежная, мадам маркиза.

Нежная... что за странное выражение! Она стала болтать о снимках, которые ей вчера принесли, а сама наслаждалась ощущением своего триумфа. Она уверенно владела ситуацией. Она точно знала, что сказать, когда улыбнуться, когда изобразить на лице серьезное выражение. Все это удивительно напомнило ей детство, когда она с подружками примеряла мамины шляпы, важно объявляя: «А сейчас мы будем играть в настоящих красивых дам». Точно также играла она и сейчас, но еще сама не понимала, в кого. С удивлением она слушала собственное щебетание. Фотограф был для нее только зрителем, марионеткой. Она забыла о нем, любуясь блистательным, обаятельным существом, в которое внезапно обратилась сама.

Наконец она смолкла, и он смущенно произнес:

— Могу я осмелиться кое о чем просить вас?

— Конечно.

— Можно вас сфотографировать?

«И это все? — разочарованно подумала маркиза. — Как он робок, как скован».

— Вы так многого хотите, — произнесла она вслух, опускаясь на траву. — Здесь очень славно сидеть. Быть может, я даже усну.

Фотограф схватил камеру. На этот раз он не предлагал ей позировать, менять положения. Он снимал ее так, как есть, забегая с разных сторон. Постепенно он устал. Солнце обжигало его непокрытую голову. Переливчатые зелено-золотистые стрекозы танцевали в воздухе, пролетая перед глазами маркизы.

— Разрешите предложить вам пиджак под голову, мадам маркиза? — спросил фотограф.

Не дожидаясь ответа, он взял пиджак, аккуратно свернул и положил на траву. Она склонилась на него голову. Как удивительно мягко и хорошо было на этом отвратительном сером пиджаке!

Фотограф опустил ее около нее на колени, перематывая пленку в аппарате. Маркиза, полузакрыв глаза и зевая, наблюдала за ним. Она заметила, что всей тяжестью своего тела он опирается на одно колено, а негнущуюся ногу в уродливом ботинке отставил в сторону.

Ботинок был блестяще вычищен, быть может, даже отполирован щеткой. В это время стрекоза опустилась на ее руку и осталась сидеть, подергивая крыльями. Чего она ждала? Маркиза дунула на стрекозу, и та улетела. Но вскоре она вернулась снова, настойчиво кружа вокруг томной маркизы.

Мсье Поль отложил камеру в сторону, но продолжал стоять рядом с ней. Она чувствовала, что он наблюдает за нею, и думала: если я сейчас пошевелинусь, он встанет, и тогда ничего не произойдет. Но молчание может стать таким напряженным и гнетущим, что я расхохочусь и спугну его. Медленно, как бы нехотя, она повернулась к фотографу, большие умные глаза которого с рабской покорностью смотрели на нее.

— Почему вы не целуете меня? — вдруг спросила она и сама испугалась поспешности своих слов. Фотограф оставался нем и недвижим. Он продолжал пристально смотреть на нее. Она закрыла глаза. Стрекоза взлетела с ее руки. Потом, когда фотограф склонился и дотронулся до нее, все оказалось совсем не так, как она ожидала. Не было никакой страсти, бурных объятий — лишь ощущение, будто вернулась стрекоза и ласкала ее лицо, руки, все тело нежными прикосновениями своих бархатных лапок...

Закрыв глаза рукою, она лежала на траве и обдумывала произошедшее. Она не чувствовала никакого стыда, размышляла о дальнейшем совершенно спокойно и хладнокровно: в отель нужно вернуться лишь спустя некоторое время, тем самым он достигнет пляжа раньше нее, и поэтому никто не увидит их вместе. Маркиза встала, привела в порядок платье, достала из сумочки пудру и губную помаду и с большой осторожностью нанесла на лицо косметику, она забыла свое зеркало. Солнце уже не пекло так сильно, как прежде, с моря дул прохладный ветер. Если погода не изменится, думала маркиза, я смогу каждый день в это же время приходить сюда. И ни один человек об этом не узнает. Мисс Клай и дети в этот час отдыхают. Если мы так же, как сегодня, будем приходить и возвращаться порознь, встречаясь в этом, скрытом от

людских глаз месте, то никто нас не заподозрит ни в чем. Отдыхать еще три недели. Нужно только молиться, чтобы осталась прекрасная, теплая погода. Ну, а на случай дождя...

На обратном пути маркиза обдумывала, что делать, если погода изменится. Ах да, ведь есть же подвал под его магазином. Но в городке могут увидеть — это было бы опасно. Нет, пока нет дождей, утес надежнее всего.

В тот же вечер она написала своей подруге Элизе письмо. «Это чудное местечко, — рассказывала она. — Я провожу время как обычно. Правда, без супруга». Она, однако, ни словом не обмолвилась о том, кто стал ее любовником. Только намекнула, помянув про папоротник и жаркий день. Маркиза решила, что, если она изложит все неопределенно, Элиза представит богатого американца, который отдыхает здесь один, без жены.

На следующий день маркиза долго стояла перед гардеробом. Она выбрала, наконец, слишком эффектное для этого пляжного места платье, оделась и направилась вместе с детьми и мисс Клай в город.

Был самый разгар торговли. Жители ближних деревень, американские и английские туристы заполнили улицы. Глазели на витрины, что-то покупали или просто сидели в кафе на торговой площади.

Маркиза обратила на себя всеобщее внимание, когда в сопровождении дочек, в дорогом платье, с непокрытой головой и в темных очках вышла на торговую площадь. Многие вытягивали шеи, чтобы поглядеть на нее. Встречные отходили в сторону, почтительно уступая дорогу. Она пересекла площадь, купила по пути пару мелочей и затем, как бы случайно, весело и спокойно отвечая на вопросы детей, зашла в фотомагазин. Там было полно покупателей. Маркиза, сделав вид, будто рассматривает альбом с открытками, стала наблюдать за тем, что происходит в магазине.

В этот раз покупателей обслуживали оба, мсье Поль и его сестра; он — в накрахмаленной рубашке еще более противного розового цвета и в дешевом сером пиджаке. Сестра, как и все здешние продавщицы, была в платье мышиного цвета с платком на плечах. Фотограф заметил приход маркизы и услужливо подошел к ней. В его взгляде не было и намека на вчерашнее. Маркиза, наоборот, смотрела на него с откровенным вызовом. Не сводя с него глаз, она попросила мисс Клай выбрать фотографии, которые можно послать мужу. При этом маркиза обращалась к фотографу снисходительно, даже высокомерно, нашла на некоторых снимках какие-то недостатки, из-за которых, сказала она, невозможно было подарить их супругу. Фотограф пробормотал извинения. Он готов был еще раз прийти в отель. Может быть, на террасе или в саду снимки получатся удачнее. Она высокомерно потребовала показать какой-то товар, он бросился выполнять ее желание. Остальные клиенты, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, ожидали, когда их обслужит сестра фотографа — мадемуазель Поль. Та с трудом ковыляла за прилавком от одной полки к другой и с недоумением поглядывала на брата, так долго занятого с одной клиенткой.

Наконец, маркиза почувствовала удовлетворение от своей игры с фотографом. Возбуждение, охватившее ее при входе в магазин, стало утихать.

— Я извещу вас, когда можно будет прийти и переснять. Но неудачные снимки я все равно оплачу.

Она взяла детей за руки и, не попрощавшись, вышла.

К обеду маркиза не переоделась. Она осталась в элегантном платье, и вся терраса так и гудела за ее спиной. Метрдотеля, официанта, даже директора отеля будто магнитом тянуло к ее столу. Она слышала, как ее имя переходит из уст в уста. Все подчеркивало ее триумф: толпа поклонников, изысканный аромат блюд, вина и сигаретного дыма, роскошные цветы в вазах, сияющее солнце и легкий шум моря. Когда она поднялась в номер, ее переполняло чувство счастья, как примадонну после оваций.

Дети и мисс Клай отправились к себе в комнату отдыхать. Маркиза быстро сменила платье и обувь, незаметно вышла из отеля и поспешила через раскаленный пляж вверх, по тропинке, к заросшему папоротником утесу.

Как она и предполагала, фотограф уже ждал ее. Ни один из них не упомянул об утреннем свидании в магазине, ни один не проронил ни слова. Они сели рядом на полянке, глядя на море. Маркиза принялась иронично рассказывать о своем триумфе во время обеда, якобы изрядно утомившем ее. Фотограф молча кивал, а затем предложил, как и вчера, сделать пару снимков. Она вновь согласилась, опустила на траву и закрыла глаза. Как обычно, в это душное послеобеденное время было очень тихо, как и прежде, трещали стрекозы, и палило солнце. Маркиза вдруг почувствовала, что близость с мсье Полем доставляет ей физическое удовольствие, подобное тому, какое она получала на сеансе у массажиста или парикмахера в парижском салоне красоты. И снова фотограф тактично покинул ее, чтобы она могла спокойно привести себя в порядок. Когда он скрылся из виду, она отправилась обратно в отель.

Счастье улыбалось ей — погода стояла прежняя. И всякий раз после обеда, как только дети укладывались спать, маркиза совершала свою прогулку, возвращаясь около половины пятого, к чаю. Мисс Клай, поначалу удивленная ее активностью, постепенно привыкла к этим путешествиям. Маркиза стала более мягкой с нею и с детьми. Постоянные приступы мигрени как рукой сняло. Казалось, маркиза действительно наслаждается этим непритязательным отдыхом на море в обществе мисс Клай и дочерей. Но спустя две недели она почувствовала, как прелесть новизны исчезает. Не потому, что мсье Поль разочаровал ее. Встречи с ним превратились в ежедневный ритуал. Но теперь маркиза испытывала удовольствие лишь тогда, когда ей удавалось оскорбить маленького фотографа. Она выискивала недостатки в его внешнем облике, прическе, покрое одежды. Она упрекала его, что он ведет свое дело непрофессионально, что материалы у него низкого качества. При этом внимательно следила за его лицом. И лишь когда в его больших глазах появлялись страх и мучение, когда он бледнел и совсем падал духом, она ощущала прилив радости и удовлетворения.

Постепенно маркиза стала сокращать время свиданий. Она сильно опаздывала и всегда заставляла его в трепетном ожидании, подавленного и со страхом в глазах. Она быстро и равнодушно принималась за все, а после, не говоря ни слова, отправляла его домой и безжалостно наблюдала, как он ковыляет под гору. К радости фотографа она все еще позволяла себя снимать. Это входило в правила ее игры. Она знала, что мсье Поль не успокоится, пока не достигнет совершенства. И это тоже доставляло ей наслаждение.

Иногда она приглашала его до обеда в отель, чтобы элегантно одетой позировать перед его камерой в саду в окружении детей и восхищенной мисс Клай. Но этот контраст между утренней отчужденностью и послеобеденной близостью в папоротнике под палящим солнцем все более и более раздражал маркизу.

Наконец, в конце недели погода изменилась. Небо заволокло, с моря подул холодный ветер, и маркиза осталась в своем любимом шезлонге на балконе читать роман. Она даже обрадовалась, что появился повод отказаться от ставшего уже привычным и порядком надоевшего ей занятия.

Но следующий день вновь выдался ясный, и она отправилась на прогулку по старому маршруту.

— Я ждал вас вчера весь день! — неожиданно резко бросил ей фотограф при встрече. — Что случилось?

Она удивленно уставилась на него.

— Была плохая погода, я предпочла остаться на балконе и почитать книгу.

— Я боялся, что вы заболели, — продолжил он. — Я чуть было не пошел в отель справиться о вас. Сегодня ночью я почти не сомкнул глаз.

Он последовал за нею с печальным лицом. Маркизу затрясло от раздражения. Кто он такой, чтобы ее отчитывать?! Смешно. Это все равно, что на нее рассердился бы личный парикмахер в Париже!

— Если вы думаете, что я чувствую себя в некотором роде обязанной приходить сюда каждый раз после обеда, то заблуждаетесь, — сказала она.

Он тотчас стал оправдываться:

— Вы не можете понять, что это для меня значит. С тех пор, как я познакомился с вами, изменилась вся моя жизнь. Я живу только этими минутами встречи.

Его покорность льстила ей и одновременно вызывала сострадание к этому существу, будто ребенок, зависящему от нее. Она погладила его по волосам. Бедный юноша, вчера он ждал ее здесь весь день, одинокий и несчастный, на холодном ветру. Она представила, что напишет в следующем письме Элизе: «Я испугалась, что разобью Полю сердце. Но ведь у этой истории должен быть конец! Не могу же я кардинально изменить свою жизнь. Он мужчина и должен пройти через это». Элиза вообразит себе легкомысленного блондина, красивого американца, который печально садится в свою машину и в полном отчаянии уезжает в неизвестность.

Вдруг фотограф тихо сказал:

— Я подумал о будущем и все решил.

Маркиза почувствовала, что предстоит сцена. Может, он решил покончить с собой? Боже, как это ужасно. Пусть хотя бы дождется ее отъезда. Она не перенесет такого известия.

— Что же вы решили? — с трепетом спросила она.

— Моя сестра переживает, как пойдут дела в магазине. Я оставлю его ей. Дело ей можно доверить. А я... да, я буду следовать за вами везде, куда вы ни поедете, хоть в Париж, хоть в ваше поместье. Я готов быть рядом с вами там, где вы только пожелаете.

У маркизы перехватило дыхание, у нее чуть не остановилось сердце.

— Это невозможно! Где же вы будете жить?

— Я не гордый человек. Мои потребности очень невелики. Я знаю только, что не могу жить без вас, поэтому единственное, что мне остается — следовать за вами. Постоянно, всегда. Я сниму себе комнату вблизи вашего дома в Париже, поселюсь возле замка в деревне. Такая сильная любовь, как наша, не знает препятствий.

Он говорил с обычной почтительностью, но в голосе чувствовалась решимость. Маркиза поняла, что он не разыгрывает спектакль. Он абсолютно искренен и готов бросить все, чтобы следовать за ней.

— Вы безумец! — воскликнула она резко. — Исключено, чтобы мы где-нибудь встречались. Опасность, что все откроется, слишком велика. Вы понимаете мое положение?

Он кивнул. Лицо его было мрачно, но полно решимости.

— Я обдумал все. Я уже сказал, что я — человек не гордый. Я могу пойти слугой в ваш дом. Тогда наши отношения могли бы продолжаться. Ваш супруг, господин маркиз, наверняка очень занят и бывает дома не каждый день. А ваши дети и английская мисс, вероятно, уходит после обеда на прогулку. Все очень просто. Мы должны лишь решиться.

Маркиза настолько оцепенела от ужаса, что не могла произнести ни слова. Каждый день видеть, как он ковыляет по дому, зная, что он только и ждет, когда она после обеда зайдет в свою комнату. И тогда — сразу стук в дверь! Как унижительно, что эта тварь — другого выражения она не нашла — собирается жить в ее доме, все время поджидая момента и надеясь на что-то!

— Мне очень жаль, — сказала она решительно. — Но все, что вы себе вообразили, совершенно невозможно. И после моего отъезда мы больше не встретимся. Как человек чуткий, вы могли бы догадаться об этом. Мой отдых заканчивается. Через два дня приезжает муж, он заберет меня и детей домой.

Чтобы подчеркнуть окончательность своих слов, маркиза встала, оправила помятое платье, причесала волосы, припудрилась и взяла свою сумочку. Она вытащила портмоне и отсчитала ему несколько десятитысячных банкнот.

— Возьмите это за ваши снимки, купите что-нибудь сестре. Будьте уверены, я с большой симпатией буду вспоминать вас.

Он побледнел как смерть. Его губы затряслись.

— Нет-нет! Только не это! Вы слишком жестоки и злы!

И вдруг разрыдался, закрыв лицо руками. Маркиза рассматривала его растерянно, не зная, уйти ей или остаться. Он рыдал

так сильно, что она опасалась истерики. Ей стало жаль его, искренне жаль, но еще больше она жалела себя: теперь, при расставании он был просто смешон. Мужчина, который не владеет своими чувствами, просто ничтожен! Укромная полянка среди папоротника, такая романтическая прежде, показалась ей сейчас какой-то грязной и пошлой.

— Послушайте вы, кисейная барышня! — сказала она с внезапной яростью. — Возьмите же себя в руки!

Рыдания затихли. Он отнял руки от заплаканного лица и, дрожа, неотрывно смотрел на нее влажными, печальными глазами.

— Как я ошибся в вас. Но сейчас я узнал, какая вы злая и бессердечная. Я впервые поверил женщине, а вы разбили мое сердце. Я все расскажу вашему мужу!

Маркиза молчала.

Он потерял голову. Он был взбешен.

— Да, я сделаю это. Как только приедет ваш муж, я ему все расскажу. Я покажу ему фотографии, которые я отснял здесь, на полянке. Их будет достаточно, чтобы он понял, что вы его обманывали, что вы — падшая женщина. Он мне поверит, он должен мне поверить! Что он со мной сделает после этого, мне безразлично. Мне терять нечего. Но ваша жизнь тоже будет разбита, в этом я клянусь вам. Он узнает, английская мисс узнает, директор отеля узнает. Все узнают, я буду каждому рассказывать, как вы проводили свое время после обеда.

Он схватил пиджак и шляпу, накинул ремень от камеры на плечо. Ужас охватил маркизу. Он сделает все, чем угрожает. Он встанет у входа в отель и будет дожидаться, когда приедет Эдвард.

— Слышите, может, мы еще договоримся...

Он не смотрел на нее. Его лицо было бледным и решительным. Стоя на тропинке у самого края утеса, он нагнулся, чтобы поднять свою палку. И в этот миг в ней вспыхнул страшной силы порыв, которому она не смогла противиться. Она шагнула к фотографу и столкнула его вниз. Он не издал ни звука и исчез. Маркиза, вся сжавшись, упала на колени и замерла. Пот заливал ее лицо, шею, тело. Даже ладони стали влажными. Постепенно она начала приходить в себя: достала носовой платок и вытерла лоб и руки.

Ее колотил озноб. Ей стало страшно. Она осторожно поднялась и осмотрелась: никого вокруг не было видно. Прошло минут пять. Она заставила себя подойти к краю утеса и взглянуть вниз. Был прилив. Море билось о самый утес. На стене утеса не было никаких следов, и на воде — тоже. Он, видимо, опустился на дно...

Маркиза отошла от края. Она собрала свои вещи и стала распрямлять папоротник, чтобы скрыть следы их присутствия. Но полянка так долго служила им, что это оказалось невозможным. Впрочем, ничего удивительного, что трава примята. Ведь люди прогуливаются до утеса, чтобы насладиться здесь одиночеством.

Тут ее колени так сильно задрожали, что ей пришлось сесть. Она посмотрела на часы. Важно было запомнить время: тридцать две минуты четвертого. Если ее случайно спросят, она может ска-

зять: «Да, я была в половине четвертого на утесе, но я ничего не видела и не слышала». И это была бы правда.

Маркиза обрадовалась, что сегодня взяла с собой зеркало. Она посмотрелась в него, полная страха. Лицо стало белым как мел, с красными пятнами. Она была непохожа на себя. Мисс Клай тотчас заметит — что-то произошло. Она припудрилась и наложила румяна на щеки. Нет, слишком ярко, как у клоуна. Остается одно — идти прямо на пляж, раздеться в кабинке, надеть купальник и поплавать. Если она вернется в отель с влажными волосами, все будет выглядеть естественно. Будет даже что-то вроде алиби.

Маркиза стала спускаться к морю. Ноги едва несли ее, будто она долгие дни провела в постели и ослабла до крайности. Когда она добрела до пляжа, ее так сильно трясло, что она боялась упасть. Как никогда, ей сейчас хотелось быть в спальне отеля, закрыть двери и окна, нырнуть в постель и остаться в полной темноте. Но прежде она должна была заставить себя исполнить задуманное.

Она вошла в кабинку и разделась. На пляже было немного народу. Одни читали, другие просто загорали, распластавшись на песке. Она подошла к воде, обула купальные тапочки и поплыла от берега. Ее успокаивало, что на пляже ее заметят.

Постепенно она стала мерзнуть, но по инерции продолжала плыть, удаляясь от берега, пока у нее не свело ногу. В ужасе она повернула к берегу. Когда маркиза вышла из воды, у нее сильно кружилась голова. Случайно споткнувшись в купальной кабинке, она упала и осталась лежать на деревянном полу, закрыв лицо руками...

Муж должен был приехать через пять дней. Маркиза по телефону поговорила с ним и попросила, не мог бы он приехать раньше? Да, погода хорошая, но все ей здесь уже надоело и действует на нервы. Слишком шумно илюдно, кухня стала хуже. Она хочет домой: у них в дворцовом парке, должно быть, сейчас чудесно. Маркиз выразил сожаление по поводу ее скуки, но предположил, что дня три она еще сможет вынести. Приехать раньше он никак не мог — не пускали срочные дела. Он обещал быть у нее в четверг утром, чтобы сразу после обеда отправиться домой.

— Но, может, мы пробудем до конца недели — поплескаться на море, — сказал он. — Оставь все-таки до понедельника номер за нами.

— К сожалению, я уже сообщила директору, что мы отъезжаем, и номер уже кем-то заказан. Отель к тому же переполнен и абсолютно непривлекателен.

Маркиза положила трубку и вышла на балкон. Она схватила книгу, но читать не смогла, лишь смотрела поверх страницы неподвижным взором куда-то вдаль. Каждую минуту она ожидала звонка директора отеля и его приглашения на весьма деликатный разговор, быть может, даже в присутствии полицейского. Но телефон не звонил.

Жизнь текла, как прежде. Дни тянулись бесконечно долго и однообразно. Все это время маркиза сидела в шезлонге на балконе и ждала... Она насильно заставляла себя есть: блюда казались ей совершенно безвкусными. После обеда она шла в свою комнату, а

пока дети спали, лежала в шезлонге на балконе. К чаю она вновь спускалась на террасу. Если дети во второй половине дня шли купаться, она не ходила с ними, ссылаясь на простуду.

Когда она вечерами закрывала глаза, пытаясь уснуть, ее руки снова ощущали плечо фотографа, толчок и — пустоту. Как легко он упал и исчез! И — ни звука!

Днем, стоя на балконе, маркиза пристально наблюдала за утесом, но никого так и не увидела на его вершине.

Мисс Клай дважды собиралась было отправиться в город за покупками, но всякий раз маркиза отговаривала ее: «В городе ужасно много народу. Слишком жарко. Боюсь, дети от этого будут плохо себя чувствовать. Лучше гуляйте в садике отеля, там тенисто и тихо». Сама маркиза не выходила из отеля, от одной мысли о пляже ей делалось дурно.

На третий день после случившегося перед обедом в комнату вбежали девочки, размахивая бумажными пропеллерами-вертушками.

— Смотри, мамочка, у меня красный, а у Селесты голубой, — воскликнула Хелена.

— Где вы их взяли? — спросила маркиза.

— Мисс Клай купила на базаре. Мы сегодня не играли в парке. Мисс Клай повела нас в город, ей надо было зайти за снимками. Их можно было забрать еще вчера.

Маркиза оцепенела от ужаса, но не подала вида.

— Бегите, готовьтесь к обеду, — произнесла она наконец.

Она слышала, как дети болтали с мисс Клай в ванной комнате. Немного погодя гувернантка вошла к ней и прикрыла за собой дверь. Длинное, простодушное лицо мисс Клай приобрело значительное и печальное выражение.

— Произошло нечто ужасное, — сказала она приглушенным голосом. — Я не хотела говорить при детях. Наверняка вы тоже очень расстроитесь. Это касается бедного мсье Поля.

— Мсье Поль? — спросила маркиза, стараясь, чтобы голос звучал совершенно безучастно.

— Я пришла в магазин, чтобы взять снимки, но он был закрыт. Меня это удивило, и я зашла в аптеку рядом, чтобы спросить, откроется ли магазин после обеда. Там мне и рассказали о случившемся несчастье. Бедный мсье Поль утонул. Его тело нашли рыбаки на берегу, в трех милях отсюда, — мисс Клай побледнела, когда рассказывала. Она и в самом деле была глубоко потрясена.

— Какой ужас! — воскликнула маркиза. — Когда это произошло?

— Труп нашли вчера. Очень обезображенный. Он, наверное, ударился о камни, когда упал с утеса. Все это ужасно, я даже не могу думать об этом без содрогания. А его бедная сестра, что она будет без него делать?

Маркиза посмотрела на мисс Клай, ожидая продолжения. Но в это время в комнату вбежали дети, и она сделала предостерегающий жест.

Наступил час обеда. Они спустились на террасу. В первый раз за три дня маркиза смогла поесть. Странно, но аппетит вернулся

к ней. Быть может, потому, что кончилась эта гнетущая неизвестность.

После обеда маркиза поручила мисс Клай передать директору отеля, что она чрезвычайно потрясена этим известием, а сама отправилась наверх в номер. Вдруг раздался телефонный звонок — тот самый, пронзительный, которого она боялась все это время. С замиранием сердца она подняла трубку. Звонил директор отеля. Он сказал, что только что мисс Клай была у него. Это очень трогательно, что мадам маркиза так соболезнует по поводу смерти мсье Поля. Еще вчера, узнав о несчастье, он собирался сообщить об этом, но передумал, так как не хотел беспокоить гостей отеля. Услышать о несчастном случае на пляже неприятно, знаете ли. Тотчас после обнаружения трупa полиция установила, что мсье Поль упал с утеса. Говорят, он любил снимать с вершины море. Но с его физическим недостатком, конечно, нетрудно оступиться и сорваться вниз. Сестра часто предостерегала его. Да, настоящая трагедия. Такой милый человек, все его любили, и врагов у него не было. В своем искусстве он был истинным художником. Нравятся ли маркизе снимки, которые он делал для нее? О, это очень радует. Он постарается, чтобы мадемуазель Поль узнала, как мадам маркиза соболезнует ее горю. Да, наверняка, мадемуазель Поль будет очень признательна мадам маркизе за несколько слов участия и цветы. Бедная женщина совершенно сломлена горем. Нет, день похорон еще не определили...

Закончив разговор, маркиза попросила мисс Клай поехать на такси в соседний город, где есть большие цветочные магазины и купить там, лучше всего, лилии — за любую цену. Цветы нужно отдать директору, который позаботится о том, чтобы их доставили на похороны.

Маркиза написала сопроводительную записку: «Выражаю глубокое соболезнование в связи с вашей невосполнимой потерей». И мисс Клай отправилась заказывать такси.

Немного позже маркиза позвала детей на пляж.

— Ты выздоровела, мамочка? — обрадовались девочки.

— Да, дорогие, маме уже можно купаться.

Маркиза беззаботно плескалась с дочерьми в морских волнах. Утром приедет Эдвард, и они отправятся на машине домой, по белым пыльным дорогам. Она никогда больше не увидит ни этот утес, ни городок. Они забудутся, как сон. «Если я сейчас утону, — думала она, — значит, бог меня накажет за чужую загубленную жизнь. Я хочу быть хорошей женой Эдварду и хорошей матерью детям. Я попытаюсь стать хорошей. Я буду трудиться и искуплю вину, я буду дружить со всеми родными и служащими мужа...»

В первый раз после четырех дней мук и страданий она хорошо спала. На следующее утро, когда она еще завтракала в постели, приехал муж. Она так обрадовалась его появлению, что, как ребенок, спрыгнула с кровати и бросилась ему на шею. Маркиз был тронут такой встречей.

— Я вижу, ты действительно соскучилась, моя маленькая девочка!

— Ну, конечно, мне тебя страшно не хватало! Я так тосковала по тебе!

— А ты не передумала ехать сразу после обеда?

— Нет. Я больше не могу оставаться здесь. Мы готовы к отъезду. Осталось только положить в чемодан кой-какие мелочи.

Пока маркиз пил кофе на балконе и играл с детьми, она одевалась и складывала вещи. С лихорадочной поспешностью убирала она все с туалетного, с ночного столика, с камина. Конец!

Пришла горничная с чистым бельем, чтобы подготовить номер к приему следующего гостя.

— Эдвард, почему собственно мы должны оставаться здесь до обеда? — спросила маркиза. — Не лучше ли заехать подкрепиться куда-нибудь по дороге? Наш счет уже оплачен и чаевые розданы.

— Как хочешь, — сказал маркиз. Жена так сердечно встретила его, что сейчас он готов был потворствовать всем ее капризам. Бедная малышка! Она была без него ужасно одинока! Он должен быть к ней очень внимателен.

Маркиза красила губы перед зеркалом в ванной комнате. В это мгновение зазвонил телефон.

— Подойди, пожалуйста, к аппарату! — крикнула она мужу. — Это портье, хочет знать, когда присылать за багажом.

Маркиз выполнил ее просьбу. Но тут же позвал ее:

— Это тебя, дорогая. Мадемуазель Поль хочет до отъезда поговорить с тобой и поблагодарить за цветы.

Маркиза не ответила и продолжала смотреть на свое отражение. Как портила ее эта новая губная помада! Она ее старила.

В ванную вошел муж:

— Что я должен сказать ей? И кто она такая, чтобы беспокоить тебя? Мне спуститься к ней?

Маркиза медлила в нерешительности.

— Нет, нет, я займусь ею сама. Речь идет об одной трагической истории. У нее с братом фотوماгазин в городе. Мне и детям делали там несколько снимков. А затем случилось это несчастье — брат утонул. Я послала ей цветы в знак соболезнования.

— Какое внимание с твоей стороны! Но стоит ли задерживаться? Мы уже почти в пути.

— Хорошо, скажи ей, что мы сейчас отправляемся.

Маркиз вновь подошел к аппарату; сказав несколько слов, он прикрыл трубку рукой и прошептал:

— Она просит не уезжать. Говорит, что у нее есть твои снимки, которые она хочет передать тебе лично.

Холодный ужас парализовал маркизу. Снимки? Какие снимки?

— Я не понимаю, чего она хочет? — прошептала она.

Маркиз пожал плечами:

— Так что же я должен сказать ей? Кажется, она плачет.

Маркиза припудрилась еще раз.

— Ладно, позволь ей подняться. Но скажи, что мы через пять минут отправляемся. А сам уже можешь спускаться и усаживать детей в машину. Возьми с собою мисс Клай, я могу встретить эту женщину одна.

После ухода мужа маркиза осмотрела номер. Кроме ее перчаток и сумки ничего не осталось. Еще немного, несколько тягостных минут, прощальные слова директору и тогда — свобода!

Постучали. Маркиза вздрогнула и нервно затеребила ручку балконной двери.

— Войдите! — крикнула она.

Мадемуазель Поль открыла дверь. Ее распухшее от слез лицо покрылось красными пятнами. Она была в старомодном черном платье почти до пят. Сначала она остановилась в раздумье, затем приблизилась к маркизе, смешно хромя.

— Мадам маркиза... — произнесла она дрожащими губами и зарыдала.

— Пожалуйста, не плачьте, — воскликнула маркиза участливо. — Мне тоже ужасно жаль.

Мадемуазель Поль вытащила носовой платок и высморкалась.

— Он был для меня единственной опорой, которую я имела в жизни. Он был так добр ко мне. Что я сейчас буду делать? Как смогу жить одна?

— У вас нет родных?

— Как же, мадам маркиза, есть, но все это бедные люди. Я не могу отягощать их. Одна, без брата, я не смогу теперь содержать магазин. У меня нет сил для этого. Здоровье доставляет мне много хлопот.

Маркиза поискала в своей сумочке и вручила ей двадцать тысяч франков:

— Я знаю, что это немного, но, может быть, это будет для вас маленькой помощью. К сожалению, мой муж не имеет здесь много связей, но я спрошу его, может быть, он вам поможет.

Мадемуазель Поль без слов спокойно взяла деньги. Странно. Она даже не поблагодарила.

— Этого хватит мне на лечение до конца месяца. И на оплату похорон брата, — добавила она тихо, при этом открыла сумку и достала три фотографии. — У меня есть и другие, подобные, но не с собою, а в магазине. Вы, верно, забыли их из-за отъезда. Я нашла их среди других снимков и негативов в подвале, где мой брат их проявлял.

Мадемуазель Поль протянула маркизе фотографии. Увидев их, та похолодела. Да, про них она просто забыла, или, вернее, она даже не знала об их существовании. Это были три снимка мадам маркизы, вялой, дремлющей, отдыхающей в траве на пиджаке мсье Поля. Маркиза взяла фотографии и положила их в сумку.

— Вы сказали, что у вас есть еще и другие? — спросила она невыразительным голосом.

— Да, мадам маркиза.

Маркиза через силу посмотрела в глаза этой женщины. Они загадочно блестели, несмотря на то, что все еще были припухшими от слез.

— Вы что-то хотите от меня? — спросила маркиза.

Мадемуазель Поль оглядела комнату. Всюду на полу лежали бумаги, коробки с мусором.

— Я потеряла своего брата — единственную опору своей жизни. Мадам маркиза наслаждалась отдыхом и сейчас возвращается

домой. Я думаю, что мадам маркиза не желает, чтобы господин маркиз или его родные получили эти снимки.

— Вы совершенно правы, я и сама не желаю их видеть.

— Двадцать тысяч франков мне кажутся слишком скромной платой за этот отдых — ведь мадам маркиза получила массу удовольствия.

Маркиза снова открыла сумочку. В ней оказались только две тысячные и две сотенные банкноты.

— Это все, что у меня есть, — сказала она. — Возьмите, пожалуйста.

Мадемуазель Поль неторопливо высморкалась.

— Я полагаю, что мы обе заинтересованы в твердом соглашении, — начала она. — Сейчас, когда мой брат мертв, мое будущее очень ненадежно, может быть, я даже не смогу больше жить в этом городе, с которым у меня связано так много трагических воспоминаний. Я спрашиваю себя снова и снова, как погиб мой брат. За день до того, как он навсегда ушел из дома, после обеда он по обыкновению отправился к утесу и вернулся очень подавленный. Я заметила, что его что-то угнетает, но не стала спрашивать об этом. Может быть, он хотел кого-то встретить, и этот кто-то не явился. На следующий день он снова пошел туда и больше не возвратился. Я сообщила в полицию, и три дня спустя нашли его труп. Я ничего не сказала полиции о своих подозрениях, что он совершил самоубийство. Хотя я не уверена, что это был несчастный случай. Мой брат был очень нежным, утонченным человеком и в отчаянии мог пойти на все. Если вы считаете, что мне ни о чем знать не следует, тогда я иду сейчас в полицию и высказываю предположение, что он погиб от несчастной любви, и разрешаю полиции посмотреть все его фотоматериалы.

Маркиза услышала за дверью шаги мужа и замерла от страха.

— Ты не идешь, любимая? — Открылась дверь, и он вошел в комнату. — Багаж готов, дети потеряли терпение.

Он поздоровался с мадемуазель Поль. Та кивнула в ответ.

— Я дам вам адрес своего дворца в Париже и замка, — маркиза лихорадочно вытащила из сумочки визитные карточки. — Я надеюсь через пару недель получить от вас весть.

— Вероятно, еще раньше, мадам маркиза. Если я уеду отсюда и буду жить вблизи от вас, то смогу поступить к вам в услужение. У меня есть знакомые в Париже. Я всегда мечтала увидеть Париж!

Маркиза неожиданно рассмеялась и повернулась к супругу:

— Я приглашаю мадемуазель Поль навещать меня, если смогу быть ей чем-то полезна.

— Конечно, — сказал маркиз. — Я сочувствую вашему горю, директор рассказал мне о нем.

Мадемуазель Поль кивнула вновь и перевела взгляд с него на маркизу.

— Мадам маркиза знает, что для меня значил брат. Если я буду служить в вашем доме, то не буду чувствовать себя такой одинокой и покинутой. К людям одиноким, как я, жизнь очень жестока. Хочу пожелать маркизе приятного путешествия! И прежде всего красивых, неомраченных воспоминаний об отды-

хе! — Мадемуазель Поль еще раз кивнула, повернулась и поко-
выляла из комнаты.

— Бедное создание, — сказал маркиз. — И к чему эта ее фраза?.. Если я правильно понял, ее брат тоже был калекой.

— Да... — маркиза закрыла сумку, взяла перчатки, схватила очки от солнца.

— Странно, что такое может быть в одной семье, — сказал маркиз, когда они шли по коридору. — Ты никогда не знала Ричарда, моего старого друга? У него был такой же недуг, как у этого несчастного маленького фотографа, и несмотря на это, в него влюбилась прелестная, совершенно нормальная девушка, и они поженились. У них родился сын с такой же покалеченной ногой, как у отца. Тут ничего нельзя сделать, это наследственное.

Они вышли из лифта. Дверь за ними закрылась.

— Может быть, ты еще передумашь? Может, останемся на обед? Ты очень бледна, а нам предстоит долгий путь.

— Нет, лучше ехать сейчас.

В холле все встали, чтобы проститься с красивой парой: директор, администратор, портье, метрдотель.

— Приезжайте в следующий раз, мадам маркиза. Мы всегда будем рады вас видеть и принимать в нашем отеле. Мы были рады обслуживать вас. Нам будет не хватать вас...

— Прощайте! Прощайте!..

Маркиза села в машину рядом с супругом. Позади оставались утес, жаркий пляж, море.

Впереди ждал дом, покой. Покой?..

АВТОСТОПОМ

Прошло уже более десяти лет с того дня, как я отправился на скалу Красный Квиллинс на острове Скай, оставив в прошлом разорванную помолвку и унося разбитое сердце. Сильвия влюбилась в одного из преподавателей нашего колледжа, разведенного, с уймой деньжищ и собственным домом. Он был старше меня почти вдвое: двадцатилетнему парню трудно одержать верх при таком раскладе.

Мне было наплевать, буду ли я жить или сверну себе шею. Я лазал по скалам, как маньяк. Я совершал чудеса. Красное габбро Квиллинса впивалось в подошвы скарпеток, как наждачная бумага, и казалось, что мне ничего не стоит проползти мухой по вертикальной стене. Июльское солнце палило мне спину сквозь тонкую, изношенную рубашку. Я чувствовал себя непобедимым. Да я и был непобедимым. Пройграй я — долгий полет в пустоте, и не нужно каждое утро, проснувшись, первым делом вспоминать Сильвию. Выбора, казалось мне, нет: славная жизнь или внезапная смерть. Как это пелось в песне, которую мы горланили каждый вечер у костра:

«Они отскоблили его от камней у Грейт-Гейбл, Как двести фунтов вишневого джема, — Больше он на скалы уже не пойдет...»

Мысль о том, что я могу выжить и остаться парализованным, развалиной на кресле с колесиками, мне и в голову не приходила.

Дейвид и Гарри должны были, по идее, сдерживать мой пыл. Гарри был очаровательный малыш, скалолаз фанатичнейший, несмотря на свою астму. Дейвид был забавный и медлительный — казалось, что ему не жалко времени на все и на всех. На меня-то он его точно не жалел... Но моя страсть оказалась заразной. Мы взошли на Сгерр-э-Грейдех по расселине, заполненной битым камнем, которую не проходил никто за всю историю скалолазания на острове Скай; по расселине, которой не пошел бы ни один восходитель в здравом уме и памяти. Временами казалось, что полгоры летит нам на голову в виде булыжников с добрую курицу, а мы только знай себе ржали, как банда психов, пытаюсь удержаться на узком выступе.

Вышли мы из этой переделки без единой царапины.

Мы шутя перепрыгнули через Грозный Проход на Сгерр Аласдир, издавая ковбойские кличи, затем спустились по камнепаду, который в те годы еще не был расчищен. Короче говоря, мы

отводили душу, как могли. Даже кровожадная скайская мошка, прорывавшаяся по вечерам в палатки сквозь клубы табачного дыма, чтобы полакомиться аппетитным содержимым открытой баночки с реппелентом, не могла испортить нам настроение.

Затем зарядили августовские дожди, и все стало паршиво. У Гарри разыгралась астма. Мы спешно переправились на большую землю, чтобы выбираться автостопом, но кто пустит к себе в машину трех мокрющих скалолазов в шипованных ботинках и с рюкзаками, которые в любую минуту могут ободрать своими рамами краску вашей машины? Мы без успеха ловили машины полдня, потом решили разделиться. Вдвоем еще можно было уехать, втроем — никогда. У Дейвида была большая неуклюжая палатка, и он лучше умел ухаживать за больным Гарри, так что я предоставил их своей собственной судьбе и медленно двинулся вдоль дороги. Через десять минут они пронеслись мимо меня, восседая среди вонючих мешков с рыбной мукой на грузовике с номером Глазго. Мне никогда не довелось больше с ними встречаться, но надеюсь, что им живется неплохо. Они славные парни.

Я же неплохо провел время. Сперва доехал под непрекращающимся дождем до Глен Шила на заднем сидении мотоцикла. Затем добрался до Глен Элби в багажном отсеке кемпера, в то время как семейство хозяина весело трепалось о прошедшем отпуске. Меня укачало, и пришлось незаметно блевать в коробку из-под сэндвичей. Они высадили меня на северной окраине Форт-Уильяма. Пробилось сквозь облака слабое солнце; несмотря на все злоключения, я почувствовал себя лучше. Я одолел самую тяжелую часть пути. У меня в бумажнике все еще оставалось пять фунтов, и я мог, не торопясь, доехать на них до дома, делая остановки там, где мне вздумается. В припадке эйфории я очистил рюкзак от остатков пищи и выбросил черствый ломоть хлеба, мешок перезрелых слив и пакет масла, которое перетопилось на солнце уже пять раз. Я схоронил их вместе с коробкой для сэндвичей в залитой водой канаве под колючими кустами куманики. Затем я вошел в Форт-Уильямс и привел себя в божеский вид в вокзальном туалете.

Но тут, пока я сидел в задумчивости со спущенными штанами, из заднего кармана которых привлекательно высовывался бумажник, рука какого-то местного специалиста просунулась под деревянную перегородку и вознаградила себя за проявленную ловкость. Я запомнил, что рука была бледная, веснушчатая и волосатая. Но к тому времени, когда я изловчился натянуть штаны и застегнуть ремень, шажки убегающего вора уже смешались с шумом воскресной толпы на улице. Я прослонулся по городу около часа в поисках этой руки, но большинство местных жителей предпочитало держать руки в карманах.

Я не стал обращаться в полицию. Вместо этого вернулся на северную окраину города и выковырял из-под куста куманики хлеб, масло и гнилые сливы. Нахождение в болотной воде не улучшило их вкусовых качеств. Я решил — нужно добраться до дома быстрее, чем сдохну с голоду. Шотландское гостеприимство оставило в моих карманах двадцать два пенса. Верхом на груде пустых молочных бидонов мне удалось доехать до Ардлви на северной око-

нечности Лох Ломонда, и тут мое везение кончилось. Бесполезность ловли попутных машин в окрестностях Лох Ломонда способна вывести из себя, несмотря на великолепные пейзажи. Прелестные бережки этого озера делают очередной зигзаг через каждые сорок ярдов, и дорога полностью воспроизводит эти зигзаги. А для успеха автостопа нужно махать рукой, по крайней мере, ярдов за сто, чтобы водитель успел затормозить. Я прошел четырнадцать миль в поисках прямого участка длиной в сто ярдов и не нашел такового. А дождь все шел и шел. Чем больше идет дождь, тем меньше шансов, что вас подвезут.

Так что к девяти часам вечера, несчастный, со сбитыми в кровь ногами, я оказался на южной оконечности озера, к северу от Баллоха. Там между берегом озера и дорогой расположена стоянка для домиков на колесах, а выше дороги вздымается к самому небу склон, густо поросший папоротником. Прелестное место для ночлега, если вам удалось найти ровную площадку шириной в шесть футов и не вступить при этом ногой в следы отсутствия оборудованных туалетов в местах массового отдыха. Или не споткнуться о влюбленную парочку; у шотландцев странные вкусы на этот счет. Как бы то ни было, Шотландский Департамент Туризма организовал специально для меня прелестный закат солнца, и солнце выглядело именно так, как оно описано в стихах и песнях. Я воссел у входа в свой шатер, подобно Абу бен Адаму, и совершил трапезу из мокрого хлеба, гнилых слив и запаха горячих гамбургеров, долетавшего со стоянки.

Внезапно, в перерыве между очередными приступами жалости к себе, я обнаружил, что в кустах за моей палаткой что-то шуршит. Ага, подумал я, что это там за шотландская штучка? Может, местная корова, которая растопчет мою палатку, или же преступный доктор Мориарти из станционного туалета вернулся за моими брюками? Я прыгнул по-тигриному в направлении звука, зацепившись при этом за растяжку палатки. Шорох все удалялся и удалялся от меня по мере моего углубления в заросли папоротника. Я уже начал задумываться над тем, не уводит ли меня кто-нибудь в сторону, в то время как его сообщник тибрит палатку, но тут источник звука остановился. Сквозь резные листья орляка можно было рассмотреть, что у него две ноги и очень бледная кожа. Я развел руками листья и замер с раскрытым ртом.

Там стояла, скрестив руки, совершенно нагая девушка и смотрела на меня взглядом испуганной лани. Боже, что это была за красotka! Шелково-белые волосы до пояса, длинные, безупречной формы ноги, слегка поцарапанные стеблями папоротника. Хотя она закрывала руками грудь, я заметил, что у нее нет ничего общего с красотками из мужских журналов. Это была мечта подростка, ставшая плотью и кровью. Правда, мечта была вся синяя и в пупырышках от холода. Мне мешала восхищаться ею мысль о том, что пьяный шотландец, который довел ее до такой жизни, вот-вот с рычанием появится из кустов, ища, кого бы растерзать от ревности.

Я напустил на себя показное равнодушие. Ее глаза следили за мной — огромные голубые глаза. В них, однако, не было ни тени испуга или смущения. Я видел в них лишь холодное, оцениваю-

щее выражение, какое бывает на лице у опытного скалолаза за секунду до того, как он начинает подъем на центральном маршруте Грейт-Гейбл.

— Помогите мне, пожалуйста, — заговорила она. По ее голосу чувствовалось, что она леди не меньше, чем королева.

— А что вам нужно?

— Я замерзла, — сказала она, все еще глядя по сторонам пугливыми оленьими глазами, но не я был тому причиной. Я понял, что она ни в чем не виновата; летом в Баллохе может много что приключиться, это ведь всего десять миль от северной оконечности Глазго, и городская шпана часто здесь проводит вечера. — Пустите меня в палатку.

Я быстро впустил ее в свою палатку, прежде чем она попалась на глаза какому-нибудь похотливому местному Брюсу или Фергюссону. Затем я уселся снаружи и начал шепотом разговаривать с ней через брезент.

— Куда подевалась ваша одежда?

Толпа шотландцев продиралась через папоротник всего в двадцати ярдах от палатки с намерением поспособствовать плодородию местных почв. Страх за девушку просто сводил меня с ума.

— У меня ее украли, — ее голос был приглушенным, но невероятно спокойным. — Не одолжите ли вы мне что-нибудь из вашего?

Тон был совсем не просительным. Так обычно спрашивают, как пройти в мэрию.

Мысль мне понравилась.

— У меня есть кое-что в рюкзаке, — сказал я.

— Что такое рюкзак?

— Такая большая штука из брезента, с лямками.

Минута молчания. Затем она спросила:

— Что такое брезент?

Боже мой, как можно быть такой невежественной... На нас настигала новая толпа Брюсов и Фергюссонов... Я закрыл глаза и забрался в палатку, соприкоснувшись при этом с массой теплых и соблазнительных округлостей. Я вслепую нашарил рюкзак и постарался не дышать до тех пор, пока вновь не оказался снаружи.

— Поспешите, я замерзаю.

Наше соприкосновение, казалось, нимало ее не потревожило.

Я не мог предложить ей ничего путного. Мои скалолазные штаны цвета хаки, уделанные грязью. Рубашка, разящая недельным потом. Толстый полувер с заплатами на локтях и пара дражных скарпеток. Все это было к тому же мятое. Даже я сам не надел бы их, пока над ними не потрудились бы моя мамочка. Вдобавок я ни за что не рискнул бы предложить ей свое нижнее белье или носки. Я просунул одежду обратно в палатку, как человек, подбрасывающий дрова в печь.

Палатка некоторое время ходила ходуном, будто в мешке дрались два кота, затем девушка показалась снаружи, немного раскрасневшаяся, но уже одетая. Моя одежда хорошо на ней сидела. Она была очень высокой: не меньше шести футов. Я удивился, что она не попросила ни зеркала, ни расчески; но стоило мне их ей предложить, как она с удовольствием ими воспользовалась.

— Этот парень... который украл ваши вещи... вам-то он ничего не сделал? Я в смысле, может, позвонить в полицию?..

Вы можете подумать, что для молодого человека, только пережившего довольно бурное жениховство, я был чересчур застенчив. Проще говоря: один мужчина, одна женщина, одна палатка. Никаких конкурентов. Но с этой девушкой было что-то не так. Ее тело было чересчур совершенно, не говоря уже об ее лице. Я хочу сказать, что даже у самых милых девушек, даже у кинозвезд, бывает какой-нибудь дефект, хотя бы родинка. У Сильвии, например, проступали тонкие голубые вены на лодыжках, которые мне не слишком нравились. Но в этой девушке не было буквально никаких изъянов. Что уж говорить об ее голосе, красивом, аристократичном, вежливом, официальном. Как у дикторши телевидения. Она говорила без всякого выражения. И не знать, что такое рюкзак... Я начал раздумывать, не сбежала ли она из местной психушки. Тамошние постояльцы иногда как раз снимают всю одежду и бегают нагишом...

Я посмотрел на нее: ее холодные голубые глаза следили за мной.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Я присмотрю за вами. Есть у вас что-нибудь поесть? Я уже давно не ела. Похоже я... голодна.

Я отдал ей остатки мокрого хлеба и прогорклого масла. Она съела все это не покривившись, будто это были деликатесы. Я предложил ей наименее гнилые из оставшихся слив.

Она проглотила их вместе с косточками.

Я лежал в темной палатке и украдкой, чтобы не разбудить ее, ворочался с боку на бок. Я одел на себя всю оставшуюся одежду и все равно мерз. Она мирно лежала в моем спальном мешке лицом ко мне и спала. Нежный зефир исходил из ее полуоткрытого рта, колебал золотой локон у нее на лбу и оведал теплом мое лицо. Не знаю, как я удержался, чтобы не обнять ее и не овладеть ею. Все большая и большая забота охватывала меня. Что мне с ней теперь делать? Она сказала, что ее зовут Джоан Смит. Это было вполне вероятно. Никто с ней ничего не сделал, сказала она, только одежду украли. Кроме этого, она ничего мне не сказала. Напротив, она сама стала задавать мне вопросы. Как мое имя? Куда я еду? Какую школу я закончил? Где учусь сейчас? Она устроила мне настоящий допрос в подвалах гестапо. Три часа без перерыва! Я был измотан, и голова шла у меня кругом. Но спать не хотелось. Я чувствовал голод и холод.

Я снова перевернулся с боку на бок, на этот раз несколько резковато. Она проснулась.

— Почему ты не спишь?

— Я голоден.

О том, что еще и замерз, я просто не рискнул сказать, потому что тогда она пригласила бы меня в свой спальник и... Я вздрогнул.

— Так поешь еще.

— Больше нечего.

— Почему?

— Меня обчистили.

— Что это значит — обчистили? — спросила она недоуменно, вглядываясь в темноте в мое лицо.

— Украли деньги, — пояснил я.

— Обчистили, — сказала она задумчиво. — Обчистили.

Она повторила еще несколько раз это слово, запоминая его, словно новый научный термин. Затем предложила:

— Пойдем со мной. Отведи меня в город. Я достану для тебя деньги.

Она выскочила из спального мешка в мгновение ока и мигом облачилась в мои штаны и свитер. Затем она выпорхнула из палатки и устремилась вниз по склону, заросшему папоротником. Я с трудом ее догнал; бегунья она была отличная. Она продолжала бежать и когда мы уже очутились на асфальте, и мне пришлось поспешать за ней. Она была очень спортивная девушка; я сам не последнего десятка, но с трудом выдерживал заданный ею темп. Мы в считанные минуты достигли городской черты Баллоха. Что она собиралась делать там? Найти себе партнера в очко в четвертом часу ночи? Ограбить квартиру?

Ни то, ни другое. Она добралась до ближайшего паба и, внезапно затормозив, принялась рыться в водосточном желобе перед входной дверью, пока не извлекла оттуда нечто, заблестевшее в одиноком свете уличного фонаря. Это была пятидесятипенсовая монета. Затем последовали два десятипенсовика и три монетки по пенни. Меньше чем за минуту она утроила мои капиталы. На завтрак, по крайней мере, мы могли теперь рассчитывать.

— Хорошее место, — сказала она. — Пьяные выходят из паба, лезут в карман за абонементом и роняют монеты. На автобусной остановке мы найдем еще больше.

Она оказалась права. Затем в своих мягких скарпетках она бесшумно скользнула к задней стене паба. Вернувшись, она высыпала в мою руку тридцать семь пенсов.

— Когда пьяные облегчаются, — пояснила она.

Остаток ночи мы провели, собирая этот странный налог с жителей Баллоха. Она была в ударе. Ей удалось найти две фунтовые банкноты, унесенные ветром; деньги она чуяла в темноте, как гончая — зайца. При этом она все время приговаривала:

— Это все пьяные. Сегодня же ночь с пятницы на субботу.

Ползая по скалам, я забыл, какой сегодня день недели.

Мы вернулись в палатку на рассвете, став богаче на шесть фунтов и семьдесят два пенса. Двадцать пенсов я потратил на то, чтобы купить в автомате плитку шоколада.

— Тебе нравятся деньги, — сказала она, задумчиво склонив голову; такой она мне казалась особенно красивою.

— Мне нравится кушать, — ответил я, разламывая батончик на две доли, одна из которых предназначалась ей.

— Вкусно, — сказала она. — Лучше, чем хлеб. Но если очень часто есть такое, могут испортиться зубы.

Она произнесла это, как маленькая девочка, повторяющая заученный урок.

Наконец-то я встречал восход солнца с сытым желудком.

Мы снова подкрепились шоколадом, свернули палатку и спустились в Баллох около девяти часов утра. Дворник подметал улицу перед пабом. Он что-то сердито бормотал себе под нос. Я подумал: «То, что он ожидал здесь найти, бренчит у нас в карманах».

В кафе мы заказали настоящий завтрак по-шотландски: овсяная каша, яичница с беконом, тосты и домашний джем. Официантка несколько раз с любопытством посмотрела на Джоан, но, очевидно, будучи привычной к скалолазам, возвращавшимся домой, промолчала.

— Ты должна купить себе бюстгалтер, черт побери! — сказал я весьма некстати, поскольку после завтрака был в прекрасном настроении и с удовольствием разглядывал все ее округлости.

— Правильно, а также брюки, носки и расческу, потому что твоя очень грязная. Дай мне пять фунтов.

Мне было жалко денег, но, в конце концов, она их мне достала.

— Жди меня здесь, я скоро вернусь, — она встала из-за стола.

Она вернулась и сказала:

— Ну вот, теперь я чувствую себя человеком.

Официантке тоже полегчало, но, когда я расплатился, мы снова остались при последнем фунте.

— Не волнуйся, — успокоила она. — Я могу достать тебе еще денег. Сколько хочешь. Я могу сделать тебя миллионером.

Мне хорошо запомнилось, как я посмотрел на нее с улыбкой, стоя на крыльце этого кафе, и как она, без малейшей тени улыбки, посмотрела на меня. В этот момент мне снова показалось, что у нее не все винтики на месте.

— Купи мне газету, — сказала она.

Я, скрипя зубами, потратил четыре пенса на номер «Скотсмен». Она перелистнула страницы не глядя и добралась до таблицы забегов, которую изучила внимательно, высунув от усердия кончик языка. Затем она заявила:

— Пойди и поставь фунт на эту лошадь. Она выиграет. Двадцать пять к одному.

— Не буду, — сказал я. — Я хочу есть... Я не играю в тотализатор. Мой отец всегда говорил, что это развлечение для слабушных.

В ее глазах вспыхнуло яростное пламя.

— Отдай мне все мои деньги.

В первый раз я по-настоящему ее испугался.

Я дал ей восемьдесят пенсов.

— Валяй! — сказал я. — Валяй, продувайся!

— Я не проиграю, — заговорила она. — Где ближайший букмекер?

В Баллохе был только один букмекер, офис его был донельзя неряшлив и полон стариков в кашне и кепках. Но моя леди и глазом не моргнула. Затем мы шлялись по городу в ожидании забега в половине третьего. Мы вернулись в кафе и начали пить чашку за чашкой, покуда у нас еще оставалась мелочь. Двадцать пять минут третьего она пошла, оставив меня за столиком. Я вдруг понял, что она даже не посмотрела на мои часы, которые я всегда

ставил вперед на пятнадцать минут. В кафе часов тоже нигде не было. Нечего говорить о том, что у нее часов не было тем более...

Я ждал ее, скучая, томясь и постепенно раздражаясь. И развлекался, представляя, какую выволочку я ей устрою, когда она вернется с пустыми руками.

Она вернулась с тридцатью пятью фунтами.

— Ставки выросли, — объяснила она. Она дала мне фунт.

— Поставь на Звездного Мальчика, трехчасовой забег в Ньютон Эббот. — Это прозвучало, как приказ. — И попей еще чаю. Я пойду по магазинам. Мне нравится ходить по магазинам.

Так продолжалось весь день. Мы ходили делать ставки по очереди, а в промежутках она ходила по магазинам. К вечеру бедный букмекер был уже готов убить нас обоих. Та лошадь, на которую она ставила, неизменно выигрывала. Мы спали в эту ночь в гостинице «Баллох» (в разных номерах) и ужинали пирогом с куропаточьим филе, как лорды. В моих карманах было двести фунтов, и уж не знаю, сколько было в ее. Баллох — очень хорошее место для покупки дорожной одежды. Она начала день в штормовке, просторном свитере и в отменных горных ботинках, но уже к обеду на ней были шотландка и чулки. Не так уж плохо для девушки, которая еще двадцать четыре часа тому назад бегала голышом. Теперь она была совершенная леди; официанты называли ее «мадам».

— Мне понравился сегодняшний день, — заявила она, когда мы прощались перед сном. — Я бы еще немного отдохнула здесь.

— Где здесь? — спросил я с некоторой враждебностью.

— Конечно же, в Шотландии, — сказала она.

Она собиралась продолжить свои визиты к букмекеру и на следующий день. Из-за этого за завтраком мы поругались.

— Мы не можем продолжать делать это!

— Почему? Это же не противозаконно.

— Слушай, но ты же разоришь несчастного парня. Есть допустимый предел для каждого букмекера, а этот — просто мелюзга.

— Что такое «разоришь»?

Снова обнаружились забавные провалы в ее знаниях. Так, предыдущим днем во время обеда она управлялась с посудой и ножами, поданными к обеду из пяти блюд, куда лучше чем я, старая деревенщина. Однако когда ей захотелось посолить свой кусок пирога, она макнула его прямо в солонку и, сунув в рот, скривила удивленную и недовольную гримасу. Такое было ощущение, что она училась всю жизнь в какой-то школе и училась хорошо, но при этом пропускала некоторые уроки.

Я нашел другой ход:

— Мы должны поехать в какой-нибудь большой город, где много букмекеров, которые могут выдержать подобные расходы...

Она размышляла, поигрывая вилкой с последним куском бекона (у нее был мужской аппетит), затем кивнула.

— Какой здесь большой город?

— Глазго.

— Мы поедем в Глазго.

Лучше было бы мне рта не открывать. Может быть, это глупо, но я терпеть не могу этот город. Когда я проезжал его по дороге в горы, то всегда садился на автобус-экспресс, пересекавший город не останавливаясь. Я знаю людей, которые пишут в газетах о том, какой милый, душевный город этот Глазго, какая в нем шикарная греческая архитектура (черная от копоти) и картинная галерея, и Орфический Хор, но мне при слове «Глазго» приходят на ум только трущобы Горбалза и схватки городских банд на пустыре Истерхауз. Я бы лучше поехал куда-нибудь на юг в Питерборо или Лестер, где я себя чувствую в своей тарелке, но когда она принимала какое-нибудь решение, переубедить ее было просто невозможно.

Легко понять, что к этому времени у меня уже не было никаких сомнений относительно ее способности угадывать призовых лошадей. Я жил в каком-то безумном сне, в котором не действовали обычные законы; но беда была в том, что я начал привыкать к этому сну. За сорок восемь часов к чему только не привыкнешь. И вот мы сели в автобус и поехали в Глазго, сняли там два номера в солидной гостинице на Саучихолл-стрит, содержавшейся некоей миссис Вемисс. Миссис Вемисс не понравилось то, что мы сняли отдельные номера, но Джоан напустила на себя вид королевы и очаровала все ее существо. После этого, когда бы я не встречал миссис Вемисс в коридоре, она бросала взгляд в сторону номера Джоан и говорила театральным шепотом: «Она наштояшшая ледди!»

Джоан взялась за номер «Скорсмен» и за карандаш, а я принялся разрабатывать стратегию. Мы должны были обойти двадцать самых крупных букмекерских контор и поставить в каждой по двадцать фунтов, я и она. Джоан выбрала двух лошадей, шедших десять к одному. Если они выигрывали, мы получали двадцать пять тысяч фунтов чистыми.

Мы отправились; ставки делал я. Женщины в Глазго не слишком часто посещают букмекеров, разве что старушки с коврами саквояжами, которые ставят по пять пенсов на фаворита. Джоан в своем шикарном туалете, в клетчатой куртке привлекала всеобщее внимание. Все прошло гладко, если не считать того, что в последней конторе около дверей вертелись какие-то более чем подозрительные типы. По сравнению с ними гигантская белая акула сошла бы за Флоренс Найтингейл. Они внимательно на меня смотрели. До этого момента я не понимал, что телефоны в букмекерских конторах стоят не только для удобства клиентов. Букмекеры обмениваются между собой информацией обо всем, выходящем за рамки обычного.

Естественно, обе лошади выиграли, другого я и не ждал. Мы пошли собирать выигрыши и что-то заставило меня взять такси. Оно ждало нас снаружи, пока мы получали деньги. Я взял с собой рюкзак и не пожалел об этом: я никогда не представлял, как много места занимают двадцать пять тысяч наличными, а чеки я брать не хотел, а вернее — не мог. Иногда приходилось заставлять такси ждать подолгу, пока нам нехотя отслюнивали бумажки, и я подумал, что в том, с каким видом это делается, есть что-то зловещее.

Последняя контора была совсем пуста, когда я вошел. Она была беднее остальных и находилась в полуразвалившемся квартале; половина домов была без жильцов, в другой половине были выломаны двери подъездов и на гранитных ступеньках сидели праздные люди. Когда я вышел, такси уже уехало; Джоан стояла одна на тротуаре с рюкзаком в руках.

— Какого черта...?

— Два человека пришли и взяли такси. Они очень спешили к своему другу, который умирает в госпитале.

— Это были здоровые парни, — спросил я, — с короткими стрижками и такими... ботинками?

Она кивнула. Я почувствовал себя очень неудобно. Было время чаепития в Глазго: запах варящегося в кастрюлях хаггиса витал в тяжелом промасленном воздухе. Зеваки, сидевшие на ступеньках, исчезли; вероятно, уже стояли в нетерпении возле своих газовых плит. Разумеется, не было видно ни одного такси.

Мы пошли. С каждым моим шагом банкноты Шотландского банка в рюкзаке на спине соблазнительно хрустели и шуршали. Мне казалось, что весь город в курсе. Мне хотелось оказаться дома у мамочки в Джордиленде. Я предпочел бы даже мою палатку на Лох Ломонде и ужин из гнилых слив и мокрого хлеба.

— Не волнуйся, — сказала Джоан.

Я бросил на нее взгляд: она была в прекрасном настроении, на щеках ее цвели розы, походка пружинила. «Невинная ты овечка», — подумал я про себя...

Они вышли из-за пакгауза. Я посмотрел по сторонам — никого не было вокруг на двести ярдов. Я хотел позвать на помощь, но посмотрел на трех детей и передумал. Они жестами пригласили меня войти в проход между пакгаузами.

Джоан вошла в этот проход с таким видом, словно она собралась на встречу одноклассников. Мне оставалось только следовать за ней. Они пошли за нами следом. Джоан же, вместо того, чтобы остановиться у входа в проход, где еще сохранялась какая-то надежда на появление полисмена или отделения Королевского хайлендского полка в увольнении, дошла до конца прохода, да еще и завернула за угол. Это насторожило даже мордovorотов, слишком уж гладко все шло.

Джоан повернулась и посмотрела им в лицо. То же сделал и я. Боже мой, я в жизни не видывал трех таких противных харь. Я прекрасно видел по ним, как в сознании мордovorотов рождается мыслишка: не увенчать ли свой послужной список не просто разбоем, а разбоем, сопряженным с изнасилованием. А может быть, и с убийством, что меня, в мои двадцать лет, вовсе не привлекало. Они жестами попросили меня снять рюкзак: видно, не хотели запачкать деньги кровью.

Но тут Джоан выступила вперед и спросила:

— Что вам надо?

— Тебя для начала, — сказал самый здоровый и протянул к ней свою ручищу.

Она сделала какое-то движение — очень легкое, как будто играла в теннис, мягко принимая мяч. В следующую секунду детина лежал неподвижно на спине. Совсем неподвижно, без признаков

дыхания. Это было невозможно — такое легкое движение, без звука, без крови. Я не мог поверить и стоял, парализованный испугом, с рюкзаком в руках.

Второй громила тоже не мог поверить. Он склонился над приятелем и боязливо потормошил его рукой.

— Вставай, Том, вставай! Кончай придуриваться! Вставай, козел!

Том не шевелился. Тогда он выпрямился с белым от гнева лицом, не веря в происшедшее:

— Вы убили его, мисс. Убили!

Она снова сделала то же самое движение, и он стремительно рухнул на асфальт рядом с Томом.

Третий обратился в бегство, но Джоан кинулась за ним грациозно, как ласка за мышью. Это напоминало сцену охоты хищника из фильма о животных — та же неотвратимость. В последний момент он повернулся к ней и поднял безоружную руку, прикрывая лицо. Меня пронзила острая жалость к нему.

Когда она вернулась ко мне, дыхание ее было совершенно ровным. На щеках по-прежнему цвели розы молодости и здоровья. Она взяла рюкзак и пошла по направлению к улице. Мне оставалось только последовать за ней.

Я схватил ее за рукав и начал кричать какие-то бессмысленные фразы. Она посмотрела на меня своими невозмутимыми глазами.

— Замолчи. Неужели ты хочешь просидеть остаток жизни в тюрьме из-за таких типов, как эти? Иди рядом со мной нормально. Дыши ровно. И возьми меня под руку. Разве нас не считают... любовниками?

Я сделал все, что она сказала. А что мне еще оставалось?..

Я кашлял и ворочался в постели. Невероятная сцена за пакгаузом прокручивалась снова и снова в моем мозгу, как старый и бессмысленный документальный фильм.

Вечер в гостинице был кошмарным. Я пытался есть, пытался смотреть телевизор и чувствовал, что схожу с ума. Быстроглазая миссис Вемисс не оставила этого без внимания. Она явилась в своем цветастом халате, спросила нас, как нам нравится еда, и добавила:

— Что-то молодой человек у вас нос повесил...

Джоан отпустила одну из своих чарующих улыбок.

— Между мною и молодым человеком состоялся весьма откровенный разговор. Поскольку на следующей неделе у нас помолвка, а мы сейчас живем в гостинице, ему начали приходить на ум... всякие мысли. Я объяснила ему, что я не из таких девушек. Ему придется ждать, пока мы поженимся. Вот он и приуныл.

Миссис Вемисс пронзила меня всеведающими глазами.

— Они такие, курочка, — сказала она Джоан. — Мужчины хороши, только если держать их в строгости. То же самое у нас случилось в Вемиссом, когда он за мной ухаживал. Я была воспитана в нравственной чистоте и послушании; мои родители — из

Непримкнувших пресвитериан. Мужчины же не ценят того, за что им не приходится платить.

Женщины заговорщицки улыбнулись друг другу. Я мысленно послал их к черту и отправился спать.

Я услышал, как моя дверь мягко открылась и закрылась. Босс банды нас вычислил... зоркая, как орел, Криминальная Шотландская полиция...

Но это была всего лишь Джоан, в шикарной кружевной ночной рубашке, похожая на фотографию из приложения для новобрачных к журналу мод «Фогуе». Это могло бы смягчить даже самое твердокаменное мужское сердце. Она присела на кровать рядом со мной и взяла меня за руку. Я едко подумал про себя: видела бы тебя сейчас твоя подружка миссис Вемисс...

— Зачем ты это... — резко спросил я ее.

— Так было нужно. — Это прозвучало, как диагноз дантиста.

— Но... троих? Остальные двое просто бы убежали.

— И вернулись бы с подмогой... Теперь же никто не знает, кто мы, где мы и были ли мы вообще. Разве не ты мне говорил, что банды в Глазго убивают людей?

— Нам нужно сматываться...

— Вот тех, кто сматывается, как ты выражаешься, и будут внимательно изучать наши друзья и сыщики. Здесь же нас никто не будет искать. Через два дня мы уедем.

— Но это же были все-таки люди...

— А что сделали бы со мной эти все-таки люди, если бы я их не остановила?

— Они бы тебя ограбили, изнасиловали, убили...

— Прекрасно. Теперь они больше не могут насиловать и убивать. Не стал ли от этого твой мир чуточку получше?

— Мой мир?..

Она закусил губу, но быстро обрела спокойствие.

— Ты понял, что я имела в виду.

— Нет, я не понял. Что это значит — мой мир?

— Мир, о котором ты так печешься. Не выдумывай то, чего нет.

— Кто ты такая? ЦРУ? КГБ?

Она отрицательно покачала головой:

— Я та... кто сделает тебя миллионером.

Затем, не говоря ни слова, она встала, стянула через голову ночную рубашку и легла в постель рядом со мной. Ее теплота окутала меня. Но я не мог забыть пережитые потрясения и с этим она ничего не могла поделать. Тем не менее, ее теплота убаюкивала, и вскоре я заснул.

А на рассвете, в утренней полудреме между нами все и произошло, а когда я наконец полностью проснулся, все уже было кончено. Она тоже полностью проснулась и смотрела на меня каким-то странным, как мне показалось, взглядом. Я начал паниковать.

— Все хорошо, — сказала она. Из уст любой другой девушки эту фразу можно было бы понять как то, что сегодня безопасный день цикла. Но в ее голосе... в ее голосе слышался какой-то непонятный триумф. Она сделала что-то такое, что она предвкушала и

планировала. Я вспомнил про Черную Вдову, паучиху, пожирающую своего партнера после любовного акта. Но тут она всего лишь навсего встала, одела ночную рубашку и скрылась у себя задолго до того, как миссис Вемисс пришла позвать к завтраку.

Не стоит детально рассказывать, что происходило в следующие три месяца. Мы купили огромный подержанный кемпер в Глазго. Покупали мы его за наличные и без документов. Я крутился вокруг машин, Джоан — вокруг продавцов. Я выбрал практичный «Фольксваген Девон», а Джоан — продавца, который согласился взять сто фунтов взятки. Покупать нелегально пришлось потому, что у меня были права только на мотоцикл, а у Джоан, хотя она и водила, как богиня, документов не было вследствие того вида, в каком она вошла в мою жизнь.

Мы колесили по всей Англии, задержавшись только в одном городе, чтобы Джоан могла сдать на права. Она никогда не любила нарушать закон больше, чем допустимо. И все это время мы продолжали делать ставки и выигрывать, хотя к этому времени Джоан стала осторожнее и остерегалась чрезмерно разорять букмекеров. Мы открывали крупные счета в разных банках; затем, путем хитроумных переводных операций, она постепенно собирала все деньги на одном счету. Может быть, какой-нибудь башковитый клерк и догадывался, что дело здесь не чисто, но она заходила в банк (в настоящих жемчугах и шикарном костюме) и заставляла всех верещать от восторга и преклоняться перед ее королевским очарованием. Я с удивлением открывал для себя тот факт, что породистая девушка, выставив на показ свои ноги и грудь, может играючи вертеть самым усохшим из мужских мозгов. Тем более, кто позволит себе слишком любопытствовать клиентом, который вкладывает?

Ну и к тому же беременность, воспринимаемая совсем по-особенному, если на руке обручальное кольцо — даже если официально мы не зарегистрировались. Потому что она была беременна, на третьем месяце она была так чудовищно беременна, что не помещалась между сиденьем и рулевым колесом автомобиля. Я был устрешен своим произведением, приходил в ужас и плакал. Она утешала меня, глядя по головке, как маленького мальчика.

Она начала готовиться к появлению потомства настолько заблаговременно, что это удивило бы даже самую фанатичную мамашу. К исходу третьего месяца у нее уже все было готово. Но отчего меня особенно бросало в холодный пот, так это от того, что она все покупала в трех экземплярах.

Три люльки, три термоса, три набора для кормления. Я спросил ее, с некоторым сарказмом, не ждет ли она, случаем, тройню, а она, одарив меня взглядом огромных голубых глаз, сказала:

— Конечно. У нас всегда тройни.

— У кого это у нас? — заорал я, охваченный паникой, как это случалось со мной все чаще и чаще.

— У членов нашей семьи, разумеется.

— Кто они? Где они живут, эти члены твоей семьи?!

Она надула губки:

— Я с ними разругалась.

— Почему ты не хочешь показаться врачу? — спросил я.

— Еще не время, — сказала она с неизменной заученной улыбкой.

Ветреной октябрьской ночью мы запарковали свой фургон на холмах над Порлок Уэйр. Осень была в полном разгаре, и порывы ветра, обрушившие потоки дождя на Эксмур, раскачивали наш фургон, несмотря на то, что он был укрыт за рощицей деревьев. Мне уже три дня как следовало бы быть в колледже. Все лето напролет я дурачил родителей охапками открыток, сочиняя враки о сборе фруктов в Норфолке или о работе полотером в корнуэльских гостиницах. Ровно столько информации, сколько было необходимо, чтобы они не пошли в полицию. Но время теперь поджимало, и я нервничал. Она почувствовала это и попыталась утешить меня демонстрацией нашей чековой книжки.

— Смотри! Я сдержала слово. Ты теперь миллионер!

Я посмотрел на цифру в книжке. Единичка и ряд нолей. Я не мог в это поверить, хотя мне уже не раз приходилось пересчитывать толстые пачки пятитысячефунтовых банкнот. Я не мог поверить в это, и в то же время мне было страшно. Миллион фунтов и три труп за плечами... Кем она была? Сейчас я не часто об этом задумывался — ко всему привыкаешь. Но время от времени мне вспоминалось, какова нормальная жизнь; спорт, работа, вечеринки с друзьями, и тогда я просыпался в холодном поту, пытаюсь понять, что я здесь делаю.

— Ты можешь пойти и напиться, — сказала она, словно прочитав мои мысли. — Есть один очень милый бар в Портлок Уэйр. Я заметила его, когда мы проезжали мимо. Сделай себе увольнительную. Ты тут засиделся рядом со мной. Расслабься!

Я пошарил в карманах в поисках денег. Она порылась в своей сумочке и дала мне пять фунтов.

Я провел прекрасный вечер за местным пивом, резался с деревенскими парнями в дарт на пинту пива и выигрывал. Затем мы начали говорить о мотоциклах; тут бар стали закрывать, и мы принялись горланить прощальные песни, обливаясь слезами, и лобызались, как старые друзья. Они проводили меня по дороге почти до самых холмов.

Было темно хоть глаза выколи, ветер все крепчал, но дождь перестал. Я подумал о нашем фургоне, там, наверху, таком теплом и светлом.

И мне почему-то расхотелось возвращаться.

К тому же кто меня заставлял? Я мог спуститься с холма, поймать машину и добраться до дома. Пришлось бы, конечно, померзнуть, но зато я был бы у себя дома...

Но там, наверху, был мой рюкзак, а в нем — пара дорогих моему сердцу вещей. Я хорошо набрался эля, так что путь мой вышел непрямым и нескорым, но в конце концов добрался до фургона. Когда я открыл дверь, ветер чуть не сорвал ее с петель и не унес в море.

— Закрой, ради Бога, дверь. Ты все здесь выстудишь, — сказала она таким же голосом, каким моя мама разговаривала с папой. — Я тебе кофе поставила.

Я закрыл дверь и тут заметил, что она стала стройной, как в день нашего знакомства.

— Какого черта... — завопил я с глупым видом.

— Тсс, — прошептала она. — Ты их разбудишь.

И на цыпочках направилась в спальню.

Три люльки стояли на полу, и в каждой из них лежало по спокойно спящему ребенку. Они были слишком велики для новорожденных. (Я был крестным отцом у детей моей сестры и знал — эти были уже сейчас больше ее шестимесячного.) И они не были ни красными, ни сморщенными; они были очень милы, с рыжими волосиками.

Они не произвели на меня хорошего впечатления и не пробудили отцовского чувства. Я заорал:

— Ты шлюха, они не мои!

В голосе моем одновременно были гнев и надежда — если они были не мои, я мог с полным правом уйти.

— Они твои, — сказала она спокойно. — Ты только посмотри на их волосы.

Мои волосы ярко-рыжие, чем я страшно горжусь.

— Кого ты пытаешься надуть. У тебя уже было шесть месяцев, когда ты меня подцепила!

— Неужели я выглядела на шесть месяцев? — переспросила она мягко. — Значит, я сейчас снова на шестом.

Три ребенка проснулись и спокойно смотрели на нас.

Человеческий ребенок может фокусировать свой взгляд на конкретном предмете не раньше, чем на четвертом месяце жизни.

Когда мы кончили заниматься любовью, она встала, потянулась, мурлыкая, и сказала:

— Я счастлива. Теперь я больше не одна.

И посмотрела на детей, и они посмотрели на нее в ответ понимающими голубыми глазами.

Я натянул расстегнутые ею брюки (мокрую ветровку я так и не успел снять) и рванул к двери. Она прочла мои мысли, но секундой позже, чем следовало бы. Ее рука схватила мою с чудовищной силой, но я успел захлопнуть дверь фургона и побежал в темноту, всхлипывая на ходу. За спиной я слышал, как завелся мотор кемпера и зажглись фары. Она настигла меня по дороге к гребню.

Все остальное было кошмаром. Я бежал и падал, переводил дыхание и вновь бежал. Я не знал, куда бегу; иногда мчался через поля, иногда бежал по дороге. Затем я очутился в редколесье, спускавшемся к морю. Теперь я уже понимал, что она читала каждую мою мысль с той же легкостью, с которой угадывала победителей забегов. Но местность препятствовала ее успеху — там, где может пробежать бегун, не всегда проедет кемпер. И я продолжал бежать. У меня не было никаких иллюзий на тот счет, что она сделает со мной, если догонит. Даже несмотря на то, что я — отец ее детей. Черная Вдова, я был недалеко от истины. Я должен был вести себя хорошо, быть хорошим мальчиком и продолжать делать деньги и детей. Три ребенка каждые три месяца. Если эти

создания растут с такой быстротой, но в пять лет дети уже будут способны кормить себя сами. Через десять лет уже будут взрослыми их внуки. С теми мозгами и способностями, которые им даны, они будут править миром раньше, чем я успею состариться. И, непонятно почему, рождаться будут всегда только девочки — самцов будут брать из туземцев, и те вряд ли будут отказываться...

За этими мыслями я не заметил, что берег моря становится все круче и круче — и вот я уже стоял наверху скалы, далеко внизу подо мной ярился прибой и брызгал белой пеной. Я стоял совершенно открыто — здесь не было ни деревьев, ни камней, — и лучи фар пронзали меня, как булавка — бабочку.

Фургон, урча, надвинулся на меня. Не знаю уж, что заставило меня совершить последний отчаянный прыжок в сторону. Я не знаю, как мне удалось все рассчитать — может, Бог помог или же нечто внутри меня, что не хотело умирать и знало, как можно выжить. Фургон задел меня крылом за бок и отбросил в жесткую траву. Парализованный болью, я видел, как фургон промчался мимо меня, сверкая фарами и зашторенными окнами.

Я не могу подумать, что она ошиблась: кто угодно, только не Джоан; нога была поставлена на педаль тормоза вовремя, но то ли почва была скользкой от гравия, то ли мошенники-механики в Глазго халтурно отрегулировали тормоза.

Фургон почти остановился и качнулся на краю утеса. Затем сорвался и полетел. Падая, он перевернулся один или два раза, описав фарами светящийся круг.

И, как только погас свет фар, все исчезло. Джоан, кемпер, дети, чеки, миллион фунтов стерлингов — все. Я стоял в брюках и ветровке, мокрый, как мышь. Все, что я чувствовал — это огромное сожаление о моих горных ботинках и рюкзаке.

Я встал, вышел на дорогу и шел по ней до рассвета. В Майнхеде я поймал грузовик, ехавший в Бристоль. Я приехал домой, родители страшно обрадовались. Я прочитал все газеты за целый год, но не нашел никаких известий. Может, море под этой скалой было слишком глубоким, может, течение слишком быстрым.

Иногда я думаю, не пытаются ли Они повторить этот фокус где-нибудь на другом краю Земли.

Если тебе вечером попадется в кустах обнаженная блондинка, беги, приятель, беги, что есть мочи.

ФРЕД, ЭЛИС И ТЕТУШКА ЛУ

Анджела Берском и Бидди Стивенсон были подружками. Они снимали одну квартиру на двоих, и многие считали их сестрами: так были похожи друг на друга эти две крупные, быстроглазые, смешливые брюнетки. Но, тем не менее, сестрами они не были, а познакомились только в начальной школе, причем большинство одноклассников с трудом различали их между собой. Они сдружились до такой степени, что могли довериться друг другу во многом, хотя и не во всем — короче говоря, в душу друг другу не лезли.

Обе они относились к тому типу девушек, мимо которых только полностью бесчувственный мужчина может пройти, не заметив. Благодаря этому они быстро выскочили замуж за двух выходцев из Флэмборо. Мужья их были старше; муж Анджелы, Питер Уингфильд, был писатель, Биддин же супруг, Роджер Тремблинг, занимался компьютерами. С квартиры пришлось съехать, но дружба от этого не ослабла. Они регулярно по два раза в неделю виделись за кофе, обменивались новостями — не более того.

Никакой беды в том не было бы, не будь они обе счастливы в браке. Увы, поскольку обе они были без ума от своих мужей, предполагалось с неизбежностью, что и мужья должны наслаждаться обществом друг друга. Так был заведен обычай обедать семьями каждую неделю то в одном, то в другом доме.

Однако — еще раз, увy! — мужья их были знакомы еще со школьной скамьи и от всего сердца терпеть не могли друг друга.

Слишком уж разную жизнь они вели, эти мужья. Питер Уингфильд был толстячок с внешними признаками гения — лысиной и метлоподобной бородищей, под которой не видать было ни воротничка, ни галстука. Когда ему не писалось, он уединялся на кухне, поглощая там невероятных размеров сэндвичи и масло, пачку за пачкой. Когда же ему писалось, он зажигал сигарету от сигареты, затягивался каждой не больше, чем по разу, бросал королевские окурки в пепельницу (стоило ему пробежаться — сразу одышка). И, не без помощи масла и сэндвичей, отрастил себе животик: не то чтобы очень большой, но все же животик. Достаточно большой, впрочем, чтобы дать Роджеру Тремблингу право гово-

рить с издевкой: «Почему бы тебе не поиграть в сквош, чтобы поправить свою фигуру?»

Анджела на это преданно отвечала: «А мне его фигура нравится. Он мне и такой подходит. Оставь его в покое». Но в голосе ее при этом звучала печаль, которая разъедала душу Питера, как смесь кислоты и змеиного яда.

Роджер Тремблинг играл в сквош три раза в неделю, каждый год в феврале уезжал кататься на лыжах в Австрию и часто пытался найти хоть одну складочку на своем стальном животе. Однажды он предложил Анджеле попытаться сделать это. Живот Роджера оказался настолько плоским и неприступным, что в пальцах Анджела не нашла ничего, кроме безупречно чистого блейзера.

Одевался Питер также на манер гения. Его шифоньер был забит новыми костюмами, которые Анджела покупала ему каждый раз, как только он получал какую-нибудь литературную премию. Питер надевал их единожды в знак признательности, после чего возвращался к излюбленной джинсовой куртке, уделанной пивом еще во времена студенческой юности. Роджер, напротив, ходил к парикмахеру каждую неделю, и блейзеры его славились вышеупомянутой безупречной белизной. За глаза Питер его звал не иначе, как «Человек Действия».

Столь же различными были их жилища. Питер приобрел разваливающийся полуособнячок эпохи короля Эдуарда, с мансардой и увитый виргинским плющом. Он хорошо разбирался в антиквариате, но никогда не пытался увязать между собой ни размеры, ни стиль своих приобретений — ему довольно было того, что это были вещи действительно подлинные и ценные. Было у него также пять кошек, которых он воспитал в атмосфере вседозволенности. Однажды Роджер, пытаясь получше рассмотреть чиппенделовское кресло, наступил на кучку кошачьего помета. Питер знал также толк в садоводстве, но любил растения так сильно, что у него рука не поднималась выдернуть многообещающий сорняк, особенно после того, как он начитался волшебных сказок про цветочных фей и пропагандистской литературы «Findhorn Community». За глаза Роджер называл дом Уингфильдов «Заколдованная Усадьба», или же попросту «Джунгли».

Дом Тремблингов, напротив, был современной пятикомнатной постройкой с плоской крышей, стоявшей посреди обширного стриженного газона, какого не устыдился бы и Уимблдон. Уингфильды прозвали этот дом «Пунктом Управления». Мебель представляла собой грудку нержавеющей стали с острыми углами, которые не мог миновать невредимым даже трезвый как стеклышко человек. Питер обычно долго и бесцельно выхаживал по комнате, а если его спрашивали, в чем дело, отвечал, что он ищет где бы присесть.

Во всем, что последовало, кругом были виноваты Анджела и Бидди. Они счастливо чирикали между собой на предмет странностей своих мужей: про то, как Роджер купил многопудовый справочник по сексологии на немецком языке, положил его в изголовье кровати и время от времени по необходимости с ним сверялся, про то, как Питер отправился с Анджелой в магазин и взял с собой угольное ведерко вместо корзины для покупок, что обнару-

жилось уже только в магазине. Эти истории доходили до ушей мужей, и мужья, благожелательно выслушав, подклеивали их в архив своей памяти как доказательства безумия противника. На каждом совместном обеде они подстраивали друг другу всяческие каверзы. Питер, скажем, подкладывал Роджеру под нос нечто покрытое паутиной или грязью и спрашивал, что это такое. Роджер неизменно отвечал: «Доисторический ночной горшок». Начиная со второго раза, никто этой шутке уже не смеялся.

Роджер терзал Питера всякими свежее испеченными чудесами науки, доставленными с этой целью домой прямехонько из исследовательской лаборатории. Одним из этих чудес было электронное устройство для измерения кровяного давления на кончике пальца. Давление Питера оказалось до обидного нормальным.

Но худшее случилось, когда Роджер приволок домой ультра-современный компьютер для игры в шахматы. Питер считался в школе неплохим игроком: на этот раз он играл против компьютера с таким блистательным и дикарским идиотизмом, что машина призадумалась и болезненно замигала зеленой лампочкой. Роджер попытался привести ее в чувство, но выяснилось, что Питер вызвал в ней какие-то достаточно серьезные сдвиги. Выяснилось к тому же, что Роджер не имел никакого права выносить машину из лаборатории.

— Ты просто ненормальный! — рычал Роджер, вгрызаясь в арбуз.

— А ты нормален до ненормальности, — парировал Питер, хлебнув из стакана добрый глоток красного вина.

Роджер принялся обсуждать новый компьютер, запрограммированный на писание романов. По его словам, компьютер обучен всем приемам, которыми пользовались Конрад, Достоевский, Пруст и Йен Флеминг. Роджер намекнул на то, что через пять лет Питер не только будет выглядеть как неандертальский человек, но и разделит его судьбу.

Веселого застолья не получилось.

И как только они вернулись домой, Анджела произнесла фразу, которая и стала роковой. До Рождества оставалось только десять дней, и она обмолвилась, что еще не отправила Роджеру и Бидди поздравительную карточку. К тому же в доме не осталось чистых.

— Не беспокойся, милая. Завтра я все сделаю — все равно мне нужно поехать по делам в город.

Анджела с подозрением посмотрела на него. Это было не очень на него похоже — вызваться помочь в такой мелочи, как рождественские открытки. И выражение лица у него при этом было такое проказливое и мальчишеское, что ее подозрения только усилились. Но она была поглощена мыслями о Рождестве, к тому же ей не хотелось расстраивать мужа еще больше после всех бестактностей, которые тому пришлось выслушать за обедом от Роджера. Потом, вероятнее всего, он успешно позабудет отправить карточку, как это с ним уже бывало — тогда она преспокойно сделает это сама.

Но на следующий вечер за чаем она спросила его, и он ответил:

— Да, конечно же, я отправил. Считай, сделано. Не думай больше об этом, моя красавица. Более того, я послал две карточки.

Она вновь бросила на него подозрительный взгляд, но он только улыбнулся в ответ:

— Подожди и увидишь. Только подожди и увидишь.

Они обедали в «Пункте Управления» на второй день рождественских каникул. Анджела первые полчаса нервничала и рассматривала все три сотни пришедших Роджеру открыток, пытаясь украдкой заглянуть в каждую. Однако, уверившись в сердечности стоявшей атмосферы, она пришла к выводу, что Питер не натворил ничего из ряда вон выходящего.

— Ваше поздравление было самым необычным, — сказала Бидди, выглядывая из-за двери кухни.

Анджела покрылась холодным потом и расплескала свое мартины на открытку с изображением трех синевато-лиловых волхвов, которые от этого стали еще больше похожи на трех покойников. Бидди подошла, вытирая на ходу о фартук мучные руки, и достала огромную открытку с репродукцией Рембрандта.

— Это так мило со стороны Питера; представляю, во сколько она ему обошлась. После Рождества мы ее вставим в рамку.

Даже Роджер сиял. Питер сказал:

— Я просто пытался просветить одного из новых варваров. Понадобятся еще годы, прежде чем микропроцессоры смогут тягаться с Рембрандтом.

— О да, какое-то время понадобится! — сказал Роджер веселым голосом. На мгновение воцарилась счастливая сценка, напоминающая фотографическую обложку каталога рождественских подарков. Затем ясное чело Роджера рассекла морщина.

— Не то что та, другая, — сказал он и отхлебнул мартины. — Покажи им, Бидди.

Бидди порылась в разложенных карточках, пытаясь найти нечто маленькое и надежно спрятанное.

— Я ее вообще не хотела доставать, кто бы они там ни были. Рождество все-таки... — наконец, она выудила карточку и протянула ее Анджеле.

Это была кошмарная, отвратительная маленькая открыточка. Самая дешевая, самая ужасная, которую Анджеле доводилось когда-либо видеть. Веночек из падуба, малиновки и колокольчики, и даже ангелочки были препогано отпечатаны блеклой серо-зеленой краской на кусочке картона в три квадратных дюйма площадью.

— Посмотрите вовнутрь, — сказал Роджер с легким отвращением в голосе. Анджела посмотрела. Там было написано: «От Фреда, Элис и тетуски Лу».

— Ну и что? — удивилась Анджела.

— Мы не знаем никакого Фреда, никакой Элис, никакой тетуски Лу, — сказала Бидди. — И погляди, что они нам пишут.

Анджела посмотрела.

«Рады были вас увидеть этим летом в Блекпуле. Дадим о себе знать между Рождеством и Новым Годом».

— Мы в жизни не были в Блекпуле! — пронзительно закричал Роджер. Ну, может быть, и не пронзительно, но куда громче обыкновенного.

— Может, адрес перепутали. Или не в тот дом отнесли, — сказала Анджела. — А вы его, не посмотрев, распечатали?

— Я об этом уже думал, — сказал Роджер. — Невозможно. Я посмотрел все мусорное ведро и нашел конверт. Адрес наш, никаких сомнений.

— Конверт лежал на самом дне ведра. Он проискал его до самой полуночи. С фонариком. Я не выдержала и ушла спать. Затем он приволок этот маленький вонючий конверт в спальню и засорил наволочку засохшими чайниками. Вид у него был при этом такой, будто он нашел бриллианты королевской короны...

— Для тебя это была неплохая разминка, старик, — сказал Питер. — Помогает сохранить фигуру.

Анджела одним взглядом заставила его замолчать. Но Роджер даже и не почувствовал насмешки. Он ушел в себя.

— Но кто они? Кто они такие?

Питер взял карточку у Анджелы и попытался быть серьезным.

— Ну, хоть я и не компьютер, а простой писака, я осмелился бы сказать, что эти люди не принадлежат к нашему кругу.

Роджера всего передернуло. Питер продолжал:

— Скорее всего, какая-то ваша бывшая прислуга. Я бы сказал, им лет по пятьдесят — Фреду и Элис, то есть. Фред носит вязаный шерстяной жилет, пуговиц не застегивает, чтобы брюху было свободнее. Рубашку застегивает на последнюю пуговицу, но галстука никогда не надевает. Лысоват, лоб такой морщинистый, что хоть шляпу навинчивай. Пива не дурак попить. Смеется собственным шуткам. Элис... Элис, она не такая простая. Тугой перманент, голубоватые волосы. Очки такие... легкомысленные. Сумочка битком набита фотографиями Дэрэн, Трейси и прочих внучек. Что же касается тетушки Лу... толстая, седая, нитяные чулки и запах...

Анджела чуть не вскрикнула. Именно такими она и представляла их себе. Питер показался ей в этот момент волшебником. Или же просто она так хорошо изучила ход его мыслей за годы, прожитые с ним? Но подлинно сильное впечатление это описание произвело на Роджера — тот просто позеленел на глазах. Но что же его так могло испугать? И тут Анджела поняла: вечеринки, эти бесчисленные вечеринки, которые Роджер и Бидди устраивают между Рождеством и Новым Годом... начальство, коллеги по работе... всегда проходят очень мило эти вечеринки. И тут — звонок в дверь и... входят Фред, Элис и тетушка Лу. Катастрофа.

Но этого же не может случиться. Не может, потому что Фред, Элис и тетушка Лу существуют только в голове ее мужа. Это и была вторая карточка, которую он отправил. Она уже открыла было рот, но вовремя поймала взгляд Питера, от которого у нее язык примерз к небу.

— Если они здесь появятся, — сказал в отчаянии Роджер, — я вызову полицию.

— Нет, милый, не надо! — взмолилась Бидди. — Рождество, все-таки...

Она не задавала ему никаких вопросов всю дорогу домой, и только когда они перед тем, как лечь в постель, сидели в спальне и пили вечерний йогурт, она осмелилась. Он сидел в кресле в старом запашном халате, который носил лет с четырнадцати; оба конца пояса были оборваны, на одном из локтей зияла большая дыра. Она дважды покупала ему прекрасные новые халаты, но он их не носил. В этом же он выглядел обезоруживающе незащищенным, как подросток, в шутку наклеивший фальшивую бороду, или же как дружелюбный дрессированный медведь.

Она спросила, как бы случайно:

— Эта открытка... ну и дела. Как у Роджера лицо перекошило. Я чуть не умерла на месте, как тебе удалось подделать почерк?

Тот почерк, пошлый и корявый, был абсолютно не похож на размашистый, своевольный почерк Питера.

Он посмотрел на нее, но она не сумела понять выражение его глаз.

— Я ничего не подделывал.

— Значит, попросил кого-то написать за тебя. Да признайся же мне наконец — это ведь и есть та вторая карточка, которую ты отправил?

Он отпил йогурт из стакана и посадил на колено полосатую кошку. Та преданно потерлась мордой об его лицо — все кошки его обожали и готовы были, задрвав хвосты, биться за право сидеть на его коленях.

Он посмотрел на нее.

— Забудь, Анджела. Тебя это не должно касаться.

Она чувствовала себя с Питером в полной безопасности, потому что знала, что он ее любит. Но внезапно перед ней открылось, что он любит далеко не всех на белом свете. И, следовательно, не все могут чувствовать себя так же, как она...

Вторая карточка пришла в середине января. Она была отправлена из Блекпула.

«Решили чутка отдохнуть. Погода дивная. Чтоб вам тоже здесь побывать. Скоро дадим о себе знать.

*Любящие
Фред, Элис и тетушка Лу»*

На лицевой стороне открытки была фотография Променада в Блекпуле с длинной шеренгой отелей, выстроившихся вдоль него. Окно одного из отелей было перечеркнуто крест накрест голубым фломастером.

— Можно было бы проверить, — осторожно предположил Питер.

— Уже проверил, — сказал Роджер. — Я туда позвонил. Они зарегистрировались честь по чести — мистер и миссис Браун. А также мисс Луиза Браун в смежной комнате. Я туда даже съездил — и лучше бы мне этого не делать. Я выпросил у них журнал регистрации, и служащие решили, что я спятил. Тот же самый почерк — я даже фотокопию снял, для полиции. Их адрес — Браннет-стрит 26, Флемборо.

— И что? — спросил Питер.

— Все жильцы из домов по этой улице выселены, там нет ни одной живой души. Квартал сносят на следующей неделе и начинают строить очередную фабрику для япошек.

— А расспрашивать не пытался?

— Некого там расспрашивать.

— Служащие в гостинице их запомнили?

— Это такая гостиница квартирному типу, с пансионом. Там никто никого не помнит.

— Значит, ты жалеешь, что съездил? — переспросил ненавязчиво Питер.

— Да, но совсем по другой причине, — раздраженно буркнул Роджер. — По дороге домой какой-то чертов «ягуар» перелетел через разделительную полосу и чуть было в меня не врезался. Чудом спасся. А «ягуар» — теперь металлолом.

После продолжительного молчания Бидди спросила Питера, как продвигается новая книга...

Анджела и Бидди сидели и пили кофе на кухне в «Пункте Управления». Через полчаса Анджела заметила, что Бидди время от времени швыркает носом.

— Что, насморк начинается? — спросила Анджела с сочувствием. Бидди часто простывала.

— Нет, с чего бы это? — с деланной живостью возмутилась Бидди.

— Почему это ты тогда носом швыркаешь?

— Тут чем-то пахнет, — сказала Бидди. — Разве ты не чувствуешь?

Анджела принюхалась. Мысль о каком-то запахе в «Пункте Управления» казалась кошунственной. В каждой комнате (а не только в туалете и ванной) были установлены газодымопоглотители, похожие на белые рыцарские шлемы. Анджела заметила, что за годы своего замужества Бидди лишилась возможности ощущать натуральные запахи и стала похожа на воду, слегка сдобренную легчайшим экстрактом хвои. Теперь же в дезодорированной космической белизне «Пункта Управления» присутствовал некий запах, слабый, но очевидный, как свет маяка безлунной ночью.

— И правда, чем-то пахнет, — сказала Анджела.

— Я меняла освежители воздуха дважды за эту неделю, — сказала поспешно Бидди. — Такое ощущение, будто они не работают. Роджер вчера не мог уснуть до двух часов — все ходил и ходил по дому, заглядывал под подушки и под диваны, как ненормальный. Хотел даже полицию вызвать.

— Это-то зачем?

Бидди развела руками в отчаянии:

— Этот запах. На что он, по-твоему, похож?

Анджела еще раз втянула воздух изо всей силы. Наконец, она сказала:

— Старухой пахнет. Мятные таблетки и... и...

Бидди с мрачным видом кивнула.

— У вас же здесь не бывает стариков?

Ряд престарелых родственников регулярно посещали «Джунгли», и отец Питера в их числе. Трубка, которую он

курил, дымила, как печь для сжигания мусора на городской свалке.

— Никогда, — сказала Бидди. — Мы сами к ним ездим пару раз в год — когда это неизбежно. Я по своей бабушке даже ску-чаю. Но что поделаешь, Роджер не выносит стариков.

— Ах, вот как! — сказала Анджела и снова понюхала воздух. Она была горда своим обонянием. Встав, она принялась расхаживать по комнате.

— Ты-то с ума не сходи... — слабо запротестовала Бидди. Но Анджела уже шла по следу, увлеченная, как школьница, новой игрой.

— Вроде бы в гостиной сильнее пахнет.

Она пошла дальше, отключившись от реальности, напоминая всем своим видом ищейку Шерлока Холмса; наконец, она упала на колени, уткнувшись носом в пол.

— Эврика! — она сняла с одной из оттоманок кубическую подушку и подняла с фанеры нечто, ошетинившееся острыми спицами. — Смотри, что я нашла!

Это был забытый кусок вязания: начатый серо-коричневый шарф. Анджела услышала сзади какой-то странный звук и обернулась. Бидди была бледная как смерть, глаза ее округлились, ко-стяшки пальцев впились в щеки.

— Что это, что это такое, миленькая? — лепетала она.

— Понюхай! — сказала Анджела. Бидди понюхала — запах старой женщины был ошеломляюще сильным.

— Тетушка Лу... — прошептала Бидди. — Она везде оставляет вещи.

Она отвела Анджелу в коридор между комнатами. Там, во встроенном шкафу на полке лежал кусок недоконченного вязания — шарф, моточки серой и коричневой шерсти, а также бесконечные фантики от леденцов с ментолом и эвкалиптовым маслом.

— Я нахожу всю эту дрянь уже целую неделю. Встаю утром пораньше, чтобы собрать их до того, как их увидит Роджер. Если он узнает, с ума сойдет.

— Но кто-то же их подбрасывает! — вскричала Анджела. — Это же нарочно!

— У нас нет знакомых, которые вяжут или сосут эти ужасные леденцы, — безнадежным голосом сказала Бидди и зарыдала.

Когда Анджеле удалось, наконец, ее успокоить, она собрала все вещественные доказательства в сумочку и направилась домой к Питеру, придав своему лицу такое выражение, которым она никогда не пользовалась раньше. Она ворвалась в «Заколдованную Усадьбу», как ангел гнева, и напрямик направилась в его кабинет. Питер только что закончил работать: в машинку была заправлена неоконченная страница, в пепельнице дымился огромный окуроч, а на полу валялись свежие хлебные крошки. Но его самого в комнате не было. Она обошла весь дом, но не нашла его нигде. Вернулась еще в большем гневе в кабинет и, выглянув из окна, обнаружила Питера.

Он стоял за окном в двух ярдах и совсем не двигался — поэтому она его и не заметила. Перед ним был розовый куст, который он внимательно разглядывал; это был один из тех кустов, с

которыми, по его собственным уверениям, он поддерживал телепатическую связь. По его же словам, роза телепатировала ему: «Я тебя люблю». Но сегодня он не занимался телепатией — сегодня он, с выражением бесконечной нежности на лице, смотрел, как медленно ползет по листу розы маленькая зеленая гусеница. На его плече примостилась белая кошка, которая также внимательно смотрела на гусеницу. Он часто стоял так, иногда по часу, как будто времени не существовало. Первый раз она увидела его именно таким и тут же влюбилась. Но сейчас она не испытывала к нему ни малейшей любви. Она буквально налетела на него и открыла свою сумочку. Мечтательная дымка в его глазах медленно рассеялась. Он улыбнулся и сказал:

— С удачной покупкой. Где это тебе удалось раздобыть такой чудненький шарфик?

— Не дурачь меня, я уже не девочка! — крикнула Анджела, — не смей мне врать, будто ты не знаешь, что это такое!

Он посмотрел на нее обиженно; прежде она никогда не повышала голоса на него.

— В чем ты меня подозреваешь?

— Ты прекрасно знаешь, в чем! Подбрасываешь эту дрянь в карманы Бидди, суешь под диванные подушки каждый раз, когда мы бываем в гостях. Пишешь эти дурацкие открытки. Я уже не говорю про Блекпул... Бидди от твоих шуточек уже с ума спятила, да и Роджер тоже.

— Мне очень жаль Бидди, — не спеша вымолвил Питер. Это было правдой. — Что же касается Роджера...

— Что тебе такого Роджер сделал?

— Говорил, что я не слежу за своей фигурой, — сказал Питер, ухватившись рукой за складку живота. — И дразнил меня «волосатой гориллой» всю среднюю школу. Целый год не брал меня в крикетную команду, когда стал капитаном. Пытался меня запугать этими своими вшивыми электронными машинками. Может, довольно?

— Не будь ребенком! — только и смогла выкрикнуть Анджела. Затем она прочла что-то в его глазах и с трудом вымолвила:

— Или ты пойдешь и скажешь им правду, или это сделаю я.

— Благодарю тебя за твою преданность...

— Слушай, если ты этого не сделаешь, можешь считать, что меня в твоей жизни больше нет.

Это его отрезвило. Он подумал, затем пожал плечами:

— Это же только шутка.

— Пошутили, и хватит. Пойдем прямо сейчас к Бидди и расскажем...

— Мы пойдем к Бидди завтра. Сегодня у меня много работы.

— Если ты считаешь работой то, что ты разглядываешь этих поганных гусениц...

— Да, разглядываю поганных гусениц.

Анджела поняла, что его теперь не стронешь с места, и почувствовала, что вся ее смелость внезапно куда-то улетучилась. Она пошла на кухню и приготовила легкий ленч, который они проглотили в молчании и в дурном расположении духа. Съев свою пор-

цию, Питер пошел к хлебнице и взял из нее несколько ломтей хлеба.

На следующее утро, которое выдалось ясным и свежим, они поехали в «Пункт Управления» вместе. Новый «Даймлер» Роджера все еще стоял около дома, хотя обычно он уезжал на работу к восьми. В некоторых окнах шторы были задернуты, в других же, напротив, открыты. Бидон молочника стоял у двери. Все эти необычные мелочи необъяснимо испугали Анджелу, и она, прогоняя страхи, давила на звонковую кнопку энергично и продолжительно.

Бидди в халате отворила дверь, волосы ее были стянуты эластичным бинтом. Без косметики она выглядела ужасно. Все прошли в гостиную. Полураспахнутые шторы бросали на пол диагональные пучки света, что погружало другую половину комнаты в драматический мрак. Роджер сидел в кресле, босой и без глостука, сжимая в руках чашку с кофе. Его безупречные в иное время сорочка и брюки теперь выглядели так, будто он в них спал. Все неловко присели с видом пришедших в дом покойного для выражения соболезнования. Роджер, не говоря ни слова, протянул открытку Анджеле. Это был вид Фламборо; Мут Холл в лесах реставраторов. На обратной стороне тем же невозможным почерком на имя мисс Луизы Браун, но на адрес «Пункта Управления», сообщалось:

«Дорогая тетушка Лу, полагаем, что ты неплохо устроилась у Роджера и его женушки. Через пару деньков навестим тебя.

*Наше вам с кисточкой,
Фред и Элис»*

Анджела улыбнулась и посмотрела на сидевших напротив Бидди и Роджера.

— Не беспокойтесь. Мы сейчас вам все объясним.

— Неужто? — переспросил Роджер безнадежным голосом.

Анджела нервно глянула на Питера. Он разрешающе кивнул из своего кресла.

— Это был розыгрыш, — сказала Анджела и неловко рассмеялась. — Питер хотел вас... скажем, развлечь немного. Открытки, фантики, вязание, все-все-все это просто его... шуточки.

Роджер повернулся к Питеру; в полутьме невозможно было разобрать выражение его лица.

— Спасибо, приятель, — сказал Роджер с яростью, от которой у Анджелы перехватило дыхание.

— Что, уж и пошутить нельзя? — с неменьшей яростью ответил Питер. — Все же кончено, о чем тут говорить?

— Кончено? — закричал Роджер. — Кончено? Нос-то у тебя, по крайней мере, еще не отнялся?

И тут Анджела внезапно поняла, что еще делало атмосферу в комнате столь ужасной. Это был царивший в ней затхлый запах старости и болезни, запах грязного нижнего белья и простыней, камфары и анисовых капель — запах безнадежности. Этот запах перенес ее на двадцать пять лет назад, в эпоху болезни дедушки.

— Этого-то эффекта ты как добился, умник? — выкрикнул Роджер. — Дерьмо что ли горстями разбрасывал? Ты только глянь!

Он ткнул пальцем в направлении освежителей воздуха и аэрозолей; из кухни в ванной комнаты доносился аэродромный рев кондиционеров.

В первый раз Питер выглядел обескураженным.

— Ты уверен, что это не из стояка? — спросил он робко.

— На втором этаже не пахнет, — сквозь зубы процедила Бидди. — Ни в гараже, ни в чуланах не пахнет. Только здесь. Только в этой комнате. Потому что она в ней живет...

— Как ты узнал про нее? — снова закричал, не дав Бидди договорить, Роджер. — Откуда ты пронюхал о ее существовании?

— Про кого это ты? — глупо переспросил Питер.

— Про тетушку Лу, — сказал Роджер. — Верно, была такая. И Фред и Элис тоже были. Я жил с ними три месяца, когда мне было пять лет. Мои родители уехали за границу и оставили меня с моей бабушкой. Но моя бабушка заболела, и ее положили в больницу, так что меня пришлось оставить ее кухарке и садовнику, то есть Элис и Фреду. И как только бабушку отправили в больницу, они привезли это кошмарное создание, тетушку Лу, и поселили ее в бабушкиной комнате. Там она и жила, пока бабушка не поправилась. Мне приходилось ей все приносить и подавать — она не вставала с постели, и в день перед возвращением моей бабушки она позвала меня к себе, притянула за руку и поцеловала. Затем она пообещала как-нибудь меня попроведать, когда я стану большим и знаменитым. Она сказала: «Ты же не забудешь свою тетушку Лу, верно?» И ущипнула меня за щеку. Боже, я никогда никого так не ненавидел в жизни. Но я никогда никому про нее не рассказывал. Здесь, в Фламборо, никому. Я бы умер со стыда. А ты-то как об этом пронюхал?

Он сграбастал Питера за грудки.

Все смотрели на Питера.

— Я ничего не знал, — сказал Питер. — Я выдумал эти имена, когда мы сидели за столом в тот вечер. Они как-то сами пришли мне в голову... самые вульгарные имена, какие я мог придумать. Один мой знакомый, владелец газетного киоска, написал мне открытки. Уильям Шорт из Бульринга, можете его спросить.

— Я никогда не видел их почерка, — сказал Роджер. Затем, срывающимся голосом, внезапно вскричал: — Вы что, ничего не слышите?

Наступило молчание, все прислушались.

— Два кондиционера, — с деланным легкомыслием промолвил Питер. Как правило, легкомыслие было ему не свойственно. Из этого Анджела сделала вывод, насколько потрясено все существо Питера. Бидди на цыпочках выбралась из гостиной и выключила кондиционеры. Все снова прислушались, Анджела сказала:

— Задержите дыхание хотя бы на минуту. Ну, пожалуйста!

Она вслушивалась, пока не почувствовала, что у нее вот-вот лопнут легкие, с шумом выдохнула, откашлялась и сказала:

— Мне кажется, что в этой комнате кто-то дышит.

— Да, — сказал в отчаянии Роджер. — Кто-то дышит. Кто-то, страдающий астмой.

— А... — сказала Анджела.

— У нас ни у кого астмы нет, даже у нашего насквозь прокуренного приятеля, к сожалению. Астма, она у тетушки Лу. Да еще какая.

Бидди вздрогнула и скрестила руки на груди. Все четверо снова затихли, прислушиваясь к звукам астматического дыхания. Здравый рассудок Анджелы бунтовал. Наверняка это был шум машин на далеком шоссе или, может быть, какого-нибудь завода. Или просто шум крови в их собственных ушах. Этот звук был повсеместно, слабый и неразборчивый, так что ничего нельзя было определить с уверенностью. Человеческое сознание подвержено внушению, сказала она сама себе.

Но, с другой стороны, она заметила это «дыхание» раньше, чем кто-либо вымолвил хоть слово...

Через некоторое время Роджер произнес каким-то бесцветным голосом, словно то, о чем он рассказывал, случилось невероятно давно:

— Открытка пришла вчера во время ленча, после того, как уехала ты, Анджела. Когда я вернулся домой, Бидди была уже на взводе из-за этих конфетных фантиков. Она сказала мне, что ты взяла все свидетельства и... ну, да мы же не дураки. Мне кажется, я в первый раз за неделю расслабился. Выпил пару стаканов виски, посмотрел телевизор и начал мечтать, что я сделаю с вашей светлостью, Питер, как только она мне попадется.

Я немного вздремнул — а точнее сказать, хорошенько поспал. Проснулся я, наверное, уже полночь, потому что диктор трепался о зонах низкого давления, а огонь в камине практически погас, и было чертовски холодно. Я припомнил, что Бидди прикрутила термостат на отопительной системе, и хотел позвать ее, чтобы она поставила его обратно, но, не получив никакого ответа, задремал снова. Затем я услышал, что кто-то тихонечко ходит по комнате, и подумал, что это Бидди собирает себе вещи к утру, чтобы не разбудить меня. Мне помнится, я ей что-то сказал, но снова не получил никакого ответа. А шаги не умолкали. Потом я подумал, что она как-то странно ходит, как старуха, как инвалид. Может, с ней что-то не в порядке? И тут я унюхал этот запах — такой сильный, и я сразу понял, что он мне напоминает — просто на этот раз запах был очень уж сильный. Он был и раньше, но раньше я не мог вспомнить, потому что запах был слабый. И тут мне вроде как сон приснился — потому что мне показалось, будто я снова в доме бабушки с этой... тварью, и она мне говорит: «Когда ты подрастешь и станешь большим и знаменитым, я тебя попроведаю».

И тут я почувствовал ее руку у себя на щеке. Я проснулся, комната была прямо ледяная, а ноги я отлежал, и их так кололо, что я еле-еле ходил. Я начал звать Бидди, чтобы она пришла и послушала, какой я видел ужасный сон. Но ее нигде не было. Тогда я поднялся в спальную и нашел там похрапывающую Бидди. Она там, видно, уже давно спала. Я ее даже разбудить не мог.

— Доктор дал мне какие-то таблетки, — сказала Бидди. — Я от них прямо-таки вырубилась. Я отправилась спать уже в десять и оставила Роджера одного.

Снова наступило молчание.

— Простите меня, — сказал Питер. — Я не буду врать, что я не хотел вас напугать, но, конечно же, не до такой степени.

— Не переживай, — с бешенством сказал Роджер. — Ты, поди, думал, что они в твоей власти, да только сам был игрушкой в их руках. Им до меня нужно было добраться, а ты только так, медиум или что-то вроде того.

— Да, в нашей семье это бывало, моя мать тоже немного была медиумом, но... — и он огляделся вокруг, будто разговаривал со стенами. — Мне не нравится быть чьей-то игрушкой.

Он начал расхаживать широкими шагами по комнате, время от времени повторяя:

— Мне не нравится быть чьей-то игрушкой.

Анджела попыталась выдавить из себя улыбку извинения. Роджер и Бидди попытались выдавить такие же улыбки в ответ. Бидди встала и полностью открыла шторы. Свет залил комнату, и все вздрогнули, как мокрые собаки, отряхивающиеся после купания.

— Может быть, вам стоит куда-нибудь уехать на несколько дней... — сказала Анджела.

Роджер покачал головой:

— Вы еще не нюхали внутри моего «Даймлера». И внутри Биддиной «Мини» тоже не нюхали.

Они возвращались домой.

— И что же мы будем делать? — спросила Анджела.

— Мне не нравится быть чьей-то игрушкой, — сказал Питер. Теперь он, казалось, разозлился больше, чем когда вся эта история началась.

— Но должно же быть какое-то разумное объяснение... может, дело в воображении Роджера. Может, ты начал, а он продолжил... Знаешь, человеческое сознание — это такая сложная штука.

— Кто он такой, по-твоему? — сказал резко Питер. — Ури Геллер? Я такого запаха в жизни не нюхал.

— Не будь таким злюкой.

— Мне не нравится быть чьей-то игрушкой, — повторил Питер. И он заперся в своем кабинете, где просидел пять часов с пегой кошкой на колене и белой кошкой на плечах.

Анджела, решив, что она должна хоть что-то сделать, отправилась на поиски Уильяма Шорта, того самого продавца газет. Это был человек с рыжими усами и выражением крайнего самодовольства на лице, жаждущий, тем не менее, завести знакомство с женой мистера Уингфильда. Да, он написал рождественскую открытку для мистера Уингфильда. Да, он съездил на уик-энд в Блекпул с женушкой и матушкой. Да, они поселились под фальшивыми именами. Но они прекрасно отдохнули, спасибо мистеру Уингфильду, он за все заплатил. У мистера Уингфильда, видать, денег куры не клюют.

Он старательно вывел несколько слов на открытке, выбранной из толстого веера. «Мое единственное желание — обслужить по высшему разряду моих клиентов в любое время, всего наилучшего. Уильям Шорт».

Анджела вынула из сумочки открытку, пришедшую из Блекпула и сравнила. Почерк был того же типа, старческий, корявый. Того же типа, но не тот же.

— Это не мой почерк, — сказал Уильям Шорт. — Это моя шариковая ручка и моя открытка, но почерк не мой. Что это за дела такие?

Он постарался побыстрее распрощаться с Анджелой, тем более, что та была уже на грани истерики.

Когда она открывала входную дверь «Заколдованной Усадьбы», телефон уже звонил. Бешено и безостановочно звонил в темном доме, звонил так, что это могло означать только беду. Анджела, вся дрожа, сняла трубку.

Это была Бидди, которая звонила из Бирмингемского госпиталя. Она плакала так сильно, что с трудом можно было разобрать, что она говорит. Наконец ей удалось рассказать. Роджер все-таки собрался выполнить намеченную программу дня. Он отправился в Бирмингем, чтобы принять участие в конференции, запланированной на вторую половину дня; на автостраде с ним случилось что-то такое, что заставило его попытаться пересечь разделительную полосу на скорости 80 миль в час; разделительное ограждение слегка смягчило удар, но не могло удержать машину от падения в кювет... То, что Роджер еще жив, — просто чудо. Раздроблены тазовые кости, сломаны обе ноги, и операция продолжалась три часа. Хирурги были уверены, что его жизнь вне опасности, но системы его организма по-прежнему не функционируют.

— Он уходит, — сказала Бидди бесцветным голосом. — И его палата вся пропахла этим запахом. Хирург за этот запах устроил разнос реанимационной сестре, а она не может понять, в чем дело...

Анджела не могла ничего сказать, и Бидди повесила трубку. Тогда Анджела подняла глаза к потолку и зарыдала. Питер, таившийся в темноте, тихонько подошел к ней.

— Я слышал, — сказал он. — Я слышал весь разговор.

— Мы должны что-нибудь сделать.

— Слишком поздно.

Что-то в голосе заставило ее переспросить:

— Почему слишком поздно, Питер?

— Да так.

Но она догадалась.

— Я поеду в «Пункт Управления», — сказала она.

— Чего ради? — в голосе его слышалась паника.

Она пыталась что-нибудь придумать.

— Бидди меня просила покормить ее птичку.

— У Бидди нет птички. Роджер не позволяет ей держать в доме живность.

Он попытался задержать ее, но она выскочила через незапертую дверь и метнулась к своей машине. К счастью, ключи были у нее в руке. Она вырулила на дорогу, захлопывая на ходу дверцу.

Она ехала не спеша; Питеру еще нужно было успеть отворить свой гараж и вывести из него машину. А она вовсе не собиралась очутиться в «Пункте Управления» хотя бы секундой раньше, чем Питер.

Она увидела его желтый «Фольксваген» на дороге, уже сворачивая на проезд, ведущий к «Пункту Управления». У нее как раз хватило времени, чтобы достать ключ из-под цветочной кадки в гараже; там Бидди, в секрете от Роджера, всегда его оставляла. Когда она подошла к входной двери, Питер уже заехал на стоянку, со скрипом затормозив и разметав во все стороны щебенку.

Она не без колебания вставила ключ в замочную скважину. Из гостиной Бидди исходило мерцающее голубое свечение. Свечение черно-белого телевизора. Раздавались раскаты хриплого телевизионного смеха. Какая-то глупая, безмозглая, ненавистная программа; нечто такое, чего никто из круга людей, близких Бидди и Роджеру, ни за что не стал бы смотреть.

Она услышала шаги Питера у себя за спиной, отворила дверь и устремилась в гостиную, отбивая лодыжки острыми углами мебели. Она открыла дверь. Запах был невыносим, он вызывал першение в горле. Они были там, сидели, уставившись в голубой экран, и все как один повернули к ней лица, когда она вошла.

Фред, Элис и тетушка Лу. Они точь-в-точь соответствовали описанию Питера. Как же иначе. И она заметила, что подушки прогнулись под их задницами. Они ничего не сказали, просто на нее уставились; очки Элис отражали экран телевизора и светились в темноте белыми прямоугольниками, так что казалось, что у Элис — козлиные глаза. У тетушки Лу вся голова была замотана платком, так что лицо ее никак невозможно было рассмотреть. Перед ней стоял маленький столик, сплошь уставленный пузырьками с лекарствами.

Фред жестом сделал Анджеле приглашение сесть, и она почувствовала, что не может отказаться. Она села рядом с ним на оттоманку, ощущая его вес на другой стороне сидения. Она ощутила холод, исходящий от его тела. На полу возле его шлепанцев и на подушках оттоманки она видела какие-то рассыпанные крошки. Резкий запах сырой земли пробился к ней через запахи тетушки Лу.

Она чувствовала, что должна к Фреду прикоснуться; ей не хотелось, но она должна была, ей нужно было знать наверняка. Она выставила вперед дрожащий палец и ткнула его, как это бывает во снах.

Он был твердый, влажный и холодный, как лед. Она хотела закричать, но не смогла; крик заполнил ее голову, и ей показалось, что голова разлетится на куски.

Вошел Питер. Тут она поняла, почему он добирался так долго. В руках он нес белую кошку, а пегая сидела у него на плечах. Обе кошки выглядели наэлектризованными: шерсть у них стояла дыбом, а хвосты — столбом, так что они казались вдвое больше нормального. Огромные черно-мраморные зрачки кошек неотрыв-

но следили за Фредом, Элис и тетушкой Лу. Анджела смутно ощутила, что схватка началась.

Питер подошел к телевизору; это был цветной двадцатичетырехдюймовый телевизор Роджера, который, однако, показывал в черно-белом изображении нечто, судя по титрам, под названием «Армейские развлечения». Питер выключил телевизор и с вызовом посмотрел на Фреда, выпятив вперед голову, что означало у него высшую степень агрессивности. В тот же миг черно-белое изображение на экране замигало и погасло, затем вновь загорелось. Затем погасло снова.

Затем на экран вернулся цвет — улыбающийся беззвучно Робин Дей. Вновь черно-белое, цветное, черно-белое, снова цветное. В каком-то смысле цветной режим работы был хуже, потому что яркое свечение экрана позволяло рассмотреть, какого цвета на самом деле были Фред, Элис и тетушка Лу. И эти кучи сырой земли у их ног...

Наконец, Робин Дей одержал окончательную победу; раздался его громкий и отчетливый голос, разносящий какого-то министра теневого кабинета. Анджела закрыла глаза и, в первый и последний раз в жизни, нашла успокоение на груди у Робина Дея. Но вокруг нее продолжал бушевать конфликт: ледяные, как градовые тучи, Фред, Элис и тетушка Лу, огнедышащий, как вулкан, Питер и извергающие молнии глаза кошек.

Только подумать, пронеслось в голове Анджелы насчет кошек, ведь я с этими тварями в одной постели сплю...

Кто-то вылил ей на лицо холодную воду.

С чего это Питер льет ей на лицо холодную воду? Почему это она лежит на полу? Неужели она так набралась на вечеринке у Роджера?

Затем она вспомнила, что Роджер умирает в Бирмингеме. Воспоминания давили ее. Она рывком села и посмотрела по сторонам.

Гостиная была ярко освещена; все до единой лампы горели. Телевизор был выключен, и вся гостиная выглядела как обычно, если не считать засохших крошек земли на ковре и сиденьях оттоманок. Кошки с отвращением обнюхивали эти крошки и тщетно пытались их закопать, по воздуху летали с отвратительным скрежетом выданные их лапами из ковра клочки нейлонового пуха.

В ее голове словно захлопнулась какая-то дверь. Фред, Элис и тетушка Лу никогда не существовали, по крайней мере, в этой шикарной, рационально обставленной комнате... Но тут воображаемая дверь снова приотворилась. Она вспомнила то ощущение, которое они вызывали.

— Все в порядке, они ушли, — сказал Питер. Он был бледен. На его верхней губе выступили капельки пота.

— Это точно?

— По крайней мере, от нас.

— Что произошло?

— Мы чуть было не проиграли, особенно после того, как ты хлопнулась в обморок — знаешь, от тебя был большой прок, просто от твоего присутствия здесь. Если бы не кошки, они бы меня

точно ухлопали — ты очнулась бы и увидела мой труп и эту компашку в прежней позиции.

Ее вырвало.

— Все хорошо, — сказал Питер. — Теперь все будет хорошо. Я знал, что это будет не просто — с чего бы иначе тебе пришлось вынудить меня поехать? Боже, я бы не хотел очутиться хоть раз снова в подобной переделке. Я это представляю себе так, что сперва они свили себе гнездышко в какой-то части моего сознания. Стоило ее выключить, эту часть, и все стало бы хорошо. Как бомбу обезвредить. Да, но в какой именно части? Я пытался ее найти, а они все больше и больше давили на меня своим холодом. Да, подумал тут я, бедняга Роджи, похоже тебе конец... и в это же мгновение они лопнули, как воздушные шарик.

— Сострадание, — сказала Анджела. — Ты пожалел Роджи, ты перестал его ненавидеть. Они возникли из твоей ненависти.

— Не дай мне Бог снова его возненавидеть, — сказал Питер. В холле зазвонил телефон.

— Я пойду возьму трубку, — сказала Анджела, вставая на ноги.

— Спасибо, — сказал Питер и сел обессиленно на пол среди земляных крошек.

Это была Бидди, из Бирмингема, которая кричала радостно:

— Он приходит в себя. Приходит в себя! Они говорят, что он выкарабкается...

— Слава богу, — сказала Анджела и наговорила еще много других бессмысленных, успокаивающих, мягких, лечащих душу фраз, пока Бидди, в свою очередь, не сказала, что ей пора возвращаться в палату. Тут Анджела спохватилась:

— Как ты узнала, что мы у тебя?

— Ну, — сказала Бидди, — я позвонила вам домой... и тут запах исчез и Роджер начал приходить в себя. Я поняла, что Питер что-то придумал. Ну разве он не чудо?

— Хммм... — сказала Анджела со всей своей прирожденной тактичностью.

Положив трубку, она вдруг ощутила, что в доме снова появился свежий сосновый запах дезодоранта.

ГРОБ УЖЕ ЖДЕТ

Я, скорее всего, единственный человек на свете, который знает, что же все-таки произошло в тот роковой вечер на малообжитой старой вилле. Однако, если бы я тогда раскрыл рот, мне, наверняка, пришлось бы давать пояснения по целому ряду вопросов, и я оказался бы в весьма неприятном положении. Поэтому лучшим для меня было сохранять полное молчание и дать этой истории порости травой забвения...

Накануне жуткой трагедии на вилле я случайно встретил Джерри Хобана возле ломбарда в самом центре Лос-Анжелеса. Он прижался лицом к запыленному стеклу и, судя по всему, смотрел телевизор в витрине. Это был высокий мужчина лет тридцати шести, немного сутулый, одетый в помятый летний костюм из саржи. В это серое зимнее утро ртуть в термометре лишь чуть-чуть поднялась над нулевой отметкой, и Джерри стоял, подняв плечи и глубоко засунув руки в карманы брюк.

Да и из меня, признаться, веселье тогда ключом не било. Вербовочное агентство, где я работал, направило меня в эту самую отвратительную часть города проверить, вывесили ли владельцы здешних питейных заведений те рекламные плакаты, что мы им недавно разослали в расчете на наших новых клиентов — виноградарей. Первые три торговца, как оказалось, слыхом о них не слыхивали, вход в четвертое заведение был завален всяким барахлом, а когда я подошел к пятому, санитары как раз выносили оттуда на носилках тело застреленного хозяина. После этого я решил закончить свою инспекцию и без промедления направился к относительно надежному гаражу, в котором оставил свой служебный автомобиль. А по дороге я и наткнулся на Джерри. Он смотрел какую-то развлекательную передачу, бормоча при этом, ну, в точности голосом Богарта: «Тебя, куколка».

— Вы, Джерри?

Он подернул плечами и обернулся.

— Богарт, у меня все еще отлично получается, не так ли? — Джерри протянул мне руку.

— Просто здорово. — Рука его была холодной и влажной. — Что вы делаете здесь, в этом гиблом месте...

— Стремлюсь не упустить свой «Большой шанс»*.

— Не проще ли смотреть дома собственный телевизор?

— А этот аппарат в витрине и есть мой собственный. — Пока он кивал головой на телевизор, за стеклом показалась худая, морщинистая рука, которая поместила в витрину позолоченный спортивный кубок, втиснув его между безопасной бритвой и электрогитарой. — А сейчас вы видите приз, полученный мною за победу в соревновании во время учебы в школе.

— Хм, так вы, значит, все еще сидите без работы?

— Послушайте, видит бог, я не собираюсь упрекать вас и ваше агентство, за то, что вы не хотите больше использовать мой голос. — Его взгляд снова упал на экран телевизора. — Но в моих делах сейчас полный штиль.

— Но я действительно убеждал их попробовать вас еще раз, — ответил я, и это вполне соответствовало истине. — Однако ни одну из тех последних радиореклам, что вы для нас сделали, мы так и не смогли использовать. Цена...

— Да, я знаю. — На экране появилась очаровательная рыжеволосая девушка в сверкающем от мишуры бикини. Она стояла на вращающейся сцене возле блестящего спортивного автомобиля. Вокруг машины восторженно прыгала какая-то толстая женщина, в то время как ведущий дарил окружающим свою лучезарную улыбку. — Господи, она действительно безумно красива, — произнес Джерри, полностью скопировав голос Джимми Стюарта.

Я подошел поближе.

— Ах, неужто это Фрилли? Но когда же она...

— Два месяца назад. Они взяли ее ассистенткой. Это огромный шаг вперед по сравнению с мерзкой рекламой колготок, — теперь он говорил голосом Джеймса Мазона. — Вот ирония судьбы, не правда ли? Звезда Фрилли Санкастль восходит, полная сияния, а Джерри Хобана — опускается в ночь забвения.

— Но послушайте, вы ведь по-прежнему один из лучших имитаторов голосов в Голливуде. Даже Мак Бланк считает, что вы...

— Я лучший, — поправил меня Джерри. — Или уж, по крайней мере, был таковым. Вспомните, как я изображал Маршмэллоу? Эта крошечная двадцатисекундная пародия получила кучу призов. Я полностью превратился в Маршмэллоу, показал характер этого человека.

— Но, к сожалению, Джерри, ни одна из реклам собачьего корма, которые вы делали, так и не была использована.

— Разумеется, вы правы, я сам виноват в этом, — подтвердил он упавшим голосом, наблюдая в то же время, как ослепительная Фрилли наклоняется, чтобы продемонстрировать систему охлаждения рекламируемого автомобиля.

— Посмотрите, мой милый юноша, какая прямо-таки сногшибательная красота, — заявил он голосом В. С. Филдса.

— Так вы все еще на расстались с Фрилли?

— Теперь мы живем с ней врозь.

— Может быть, это и к лучшему. Согласитесь, ведь...

* Название популярной в США рекламной телевизионной передачи. — Прим. перев.

— Да, мы с Фрилли не всегда уживались друг с другом.

— Ну, это мягко сказано. Стоит только вспомнить о ваших вечных ссорах и спорах, тех публичных скандалах, когда один старался переорать другого. Все время то Фрилли уходила от вас, то вы от нее, непременно возвращаясь. Мне кажется, из-за этого постоянного стресса вы и сидите теперь в луже. Два года назад, пока не появилась Фрилли, вы работали у лучших агентов и на лучших студиях Голливуда и получали худо-бедно двести тысяч в год.

— Мне нравится, Кумпель, что вы не делаете из своего сердца могилу, — ответил Джерри голосом Джона Вейна. Он по-прежнему стоял, подняв плечи, и наблюдал за Фрилли, сновавшей между горами самых разных товаров, обещавших уже в это утро дать «большой шанс» огромной массе людей. — Ситуация выглядит намного проще. Я люблю ее, и она любит меня. Когда я найду работу, снова встану на ноги, мы с ней все начнем сначала — как в той песенке, помните?

— А как поживает ваш дядя? Не может ли он выручить вас?

— Мой дядя? — Он оторвал взгляд от Фрилли и посмотрел на меня, сердито сверкнув очами. — Вы имеете в виду Харфорда Милдрию, бывшего президента «Милдрию и Аскью», самой знаменитой в Голливуде компании по поиску талантов? Дядю Харфорда, который стоит, по меньшей мере, двадцать шесть с половиной миллионов? Моего дядю Харфорда, который, подобно рыцарю-грабителю, живет в своей старой крепости в Альтадене, набитой почти до самой крыши памятными вещами из старых фильмов ужасов?

— Однажды, несколько лет назад, он ведь уже помог вам, когда вы еще только начинали...

— Однажды — вот ключевое слово. — Джерри покачал головой и весьма натурально изобразил манеры и голос своего дядюшки: — Оставь эту расчетливую, безалаберную женщину, которая думает только о деньгах, Джерольд, и тогда, возможно — я подчеркиваю, возможно — мы сможем договориться друг с другом.

— А, может быть, вам стоит обратиться к бывшему компаньону вашего дяди, Марко Аскью? Или он больше не занимается поиском талантов?

— Нет, Марко бросил это дело два года назад. Кроме того, насколько я знаю, он ненавидит и меня, и дядю Харфорда лютой ненавистью.

Тут на экране замелькала реклама замороженного салата фирмы «Будс», и Джерри наморщил лоб.

— Они чуть было не взяли меня в этот рекламный ролик говорить за салат. Совсем чокнулись... Что Марко, что дядя Харфорд. Едва только мой дядя превратил свой дом в музей старого киношного реквизита, как Марко тут же решил заделаться коллекционером. А ведь нет на свете двух других людей, которые так ненавидели бы друг друга, как эти два соперничающих коллекционера.

— Но ведь, несмотря на это, он мог бы...

— Марко вот уже несколько лет пристает к моему дяде, чтобы тот продал ему знаменитый реквизит из фильма «Дворец вампи-

ров». — Джерри печально покачал головой. — Можете себе представить, как два богатящих старых господина ссорились из-за дубового кола, которым был заколот Игорь Царб, игравший в том фильме графа Дракулу.

— Я попытаюсь еще раз поговорить о вас в агентстве, — пообещал я на прощание. — Возможно, мне удастся убедить их...

— Сегодня после обеда я, может быть, вообще перестану нуждаться в чьей-либо благотворительности, — прервал он меня голосом, полным надежды. — На четыре часа у меня назначена встреча, мне предлагают работу в совсем иной сфере — это Фрилли устроила. Хотя мы с ней сейчас не столь неразлучны, как раньше, она все же заботится обо мне.

— Вот и прекрасно, тогда ни пуха, ни пера. — Я сошел с разбитого тротуара.

Я слышал, как Джерри за моей спиной декламировал монолог Рональда Колмана на гильотине из фильма «Два города».

Деловой разговор, которого ожидал Джерри, оказался очень коротким, но повлиял на всю его дальнейшую жизнь.

Гуго Гонцер был издателем и главным редактором вполне преуспевающего экономического еженедельника «Гонцер репорт». Его бюро располагалось на одном из верхних этажей небоскреба на окраине Беверли-Хиллс. В приемной Джерри встретила секретарша — ослепительно красивая девятнадцатилетняя китаянка.

— Он примет вас через восемь минут, — сказала она и одарила Джерри восхитительной и вместе с тем ничего не говорящей улыбкой.

— Большое спасибо, — ответил он, автоматически симитировав голос Вернера Оланда в роли Чарли Чана.

Она быстро записала что-то в блокноте, потом вырвала листок и убрала его в нижний ящик своего металлического письменного стола.

«Наверное, внесла меня в свой список пронзенных стрелой Амура», — подумал Джерри, опускаясь в кресло.

Все журналы, что лежали на столике, рассказывали о лыжных прогулках, любительских полетах и других формах досуга, которые Джерри давно уже не мог себе позволить. Он молча взирал на зимнее великолепие Голливуда и его окрестностей.

Ровно через восемь минут с точностью до секунды он вошел в гигантский кабинет Гонцера.

— Вы хотели видеть меня, — начал он.

— Садитесь. — Гонцер был пятидесятилетним мужчиной, плотного телосложения, он выглядел прекрасно. Он носил костюм за девятьсот долларов и был загорелым до черноты. Перед ним на громоздком стальном письменном столе лежал только один-единственный деревянный карандаш.

Джерри уселся в кресло, покрытое белой кожей, и произнес:

— Прежде, чем переменить профессию и уйти в театр, я учился в университете по специальности «Организация производства». Поэтому я уверен, что смогу...

— Речь идет о дубовом коле Царба.

— Что?

— Я хочу иметь его.

Джерри даже привстал от удивления.

— Дубовый кол из «Дворца вампиров»? Который мой дядя Харфорд хранит в своем музее всяких диковинок?

— Точно. Тот самый.

— Но после того, что мне сказала Фрилли, я подумал, что вы хотите сделать мне какое-то деловое предложение...

— Я плачу за кол сто пятьдесят тысяч долларов. — Гонцер легонько толкнул карандаш, и он откатился влево сантиметров на десять.

— Целую кучу денег!

— Вам, Хобан, я плачу пятнадцать тысяч, если вы сумеете договориться со своим несносным дядюшкой.

Джерри наклонился вперед и уставился на Гонцера:

— Вы что, тоже собираете эту старую рухлядь из фильмов?

— Вы не читаете мою газету. — Это был не вопрос, а констатация факта. — Поэтому не знаете, что предметы, вызывающие тоску по прошлому, должны скоро стать лучшей формой вложения капитала. Более надежной даже, чем сами деньги. Лет через десять этот кол будет стоить минимум триста тысяч долларов. Вы только не говорите этого своему старому дядюшке или его бывшему компаньону, который тоже мечтает заполучить кол Царба.

— Дядя Харфорд довольно дряхлый, это верно, — заметил Джерри, обращаясь к финансовому гению за стальным письменным столом, — а вот Марко Аскью, наоборот, все еще мужчина энергичный и сильный. Весит он больше восьмидесяти, по-прежнему бегают марафонскую дистанцию и темперамент у него — как у татарина. Каждый раз он пробегает по двадцать пять миль.

— Двадцать шесть. Еще раз повторяю вам свое предложение. Если вам удастся убедить своего полоумного дядю продать мне кол, вы получаете пятнадцать тысяч. Ему я плачу сто пятьдесят тысяч долларов.

Пятнадцать тысяч долларов — сумма, конечно, не бог весть какая, но ее вполне хватит, чтобы на время забыть дорогу в ломбарды Лос-Анжелеса.

— Мой дядя, к сожалению, не питает ко мне особой любви, но я уверен, что...

— Вы можете идти. Позвоните мне, когда ваш дядя будет готов совершить сделку. Мисс Санкастль знает номер. А теперь, до свидания.

Еще несколько секунд Джерри безмолвно пронзал его взглядом, затем поднялся и вышел из огромного кабинета. Сидящая в приемной секретарша одарила его на прощание ослепительной улыбкой.

Из журнальных публикаций вы, наверное, представляете, как выглядит вила Харфорда Милдрию, ведь статей о ней было великое множество. К тому же несколько месяцев назад виллу и хранящиеся в ней сокровища целых шесть минут показывали в пере-

даче «Удивительно, не правда ли?». С тех пор, как Милдрью, один из самых оборотистых в Голливуде агентов по поиску талантов, сколотил себе приличное состояние, он почти двадцать лет занимался коллекционированием старого реквизита и костюмов из фильмов ужасов и превратил свою виллу в оригинальный частный музей. Там находились вещи, представляющие все эпохи развития кино, от немых фильмов до наших дней. Среди предметов, составлявших это хаотическое и несистематизированное собрание, находились тяжелые доспехи, которые носил на своих плечах Лон Чейни, исполнявший роль звонаря Нотр-Дамского собора, накидка, которую Бела Лугози набрасывал на свою мрачную фигуру в фильме «Дракула», и три альбома, куда Борис Карлофф вклеивал вырезки из газет со статьями критиков о себе. Были в коллекции старинное оружие, саркофаги и даже один гроб, обитый изнутри шелком. Болтали, будто старый Милдрью частенько спал нем.

Обо всем этом думал Джерри, когда карабкался вечером того же дня через кованые ворота в высокой ограде, окружавшей поместье. Стало пасмурно, начал накрапывать дождь. По засыпанной белым гравием дорожке, извилисто тянувшейся через густой кустарник, Джерри торопливо прошагал к стоящему в отдалении дому своего дяди, построенному в марокканском стиле.

Когда он, миновав поросший сорняками и вымощенный красным гравием двор, подбежал к тяжелой дубовой двери главного входа и со скрипом распахнул ее, то сразу же наткнулся на пожилого человека в полосатом вязаном свитере, который явно был ему велик.

— Ты что, не мог известить о своем приходе через переговорное устройство в воротах, идиот? Оно обходится мне четыреста пятьдесят долларов в месяц.

— Если бы дежурила миссис Брафф, то все равно она бы ничего не услышала, потому что совершенно глухая, — ответил Джерри, когда подошел поближе. — И потом ведь, дядя Харфорд, когда я тебе о себе докладываю, ты не всегда приглашаешь меня войти. Вот мне и приходится попросту вламываться.

— И сколько на этот раз ты хочешь выклянчить у своего бедного, больного дяди, Джерольд?

— Дядя, уже столько лет ты наслаждаешься полным покоем, а разговариваешь все еще будто скряга в сороковые годы. — Он подкрался ближе к старому морщинистому человеку. — Послушай, я хотел бы задать тебе один вопрос личного характера.

— Ты не получишь от меня в наследство ни единого пенни.

— Это я уже знаю, — заявил Джерри. — Речь идет о другом. Видишь ли, пока я топал через твой парк, чтобы увидаться с тобой и посмотреть твою коллекцию, я подумал, правду ли говорят, что ты спишь в гробу?

На лице Милдрью появилась самодовольная усмешка.

— А почему бы и нет? Все равно ведь я уже одной ногой в могиле, поэтому вполне могу себе это позволить.

— Да, но я нахожу в этом что-то противоестественное.

— Этот гроб снимался в 1942 году в «Невесте для Зомби». За него готовы заплатить добрых пятьдесят тысяч долларов, особенно

такие коллекционеры-фанатики, как этот пес, Марко Аскью. Кстати, ты бы не мог повидаться с ним?

— Разумеется.

— Тогда ступай за мной через черный ход, да смотри ничего не опрокинь. — Харфорд прошаркал к двери террасы и потянул ее обеими руками на себя. — Я помню, как ты разбил великолепную урну из фильма «Я вышла замуж за труп».

— Мне было тогда всего восемь лет, дядя. — Вслед за стариком он прошел в темное затхлое помещение, в котором пахло остатками пищи. — Можешь ты меня, наконец, выслушать?

— Какой же ты все-таки остолоп.

Джерри чуть было не споткнулся о мумию, лежавшую на персидском ковре рядом с покрытыми ржавчиной рыцарскими доспехами.

— Если коллекция действительно стоит миллионы, как ты постоянно твердишь, то ты мог бы хоть немного привести ее в порядок и как-то систематизировать.

— Я и так знаю, где что лежит. — Они пересекли комнату и вошли в просторный вестибюль. — Вот уже почти три месяца ты и носа сюда не показывал, а теперь хочешь меня разжалобить, бездельник? Что случилось? Опять, наверное, эта глупая коза в рыжем парике выставила тебя за дверь?

— У Фрилли не парик, а натуральные рыжие волосы.

— У нее вообще нет ничего натурального, кроме того, что она натурально глупа, как коза. — Старик стал медленно подниматься по широкой мраморной лестнице, опираясь при этом одной рукой на свой костыль, а другой — на перила. — А имечко, которым обзавелась сейчас эта гусыня! Ну смех да и только! Фрилли. Это звучит, как сорт лапши. Джоан, Джуди, Лоретта — вот имена для звезд.

— Но есть еще одна звезда, — произнес Джерри голосом Глории Свенсон.

— Не удивительно, что ты все еще не можешь получить работу.

— Что случилось, дядя Харфорд? — Он перепрыгнул сразу через две ступеньки и оказался рядом со стариком. — Ты дышишь так тяжело, словно...

— Я уже стар. Ты тоже станешь старым, если, конечно, не попадешь до этого под машину, ведь ты такой неуклюжий.

Джерри схватил своего дядю за тонкую руку и помог старику преодолеть последние ступени.

— Может быть, вызвать твоего врача?

— Это ни к чему. — Милдрию остановился и несколько раз хрипло вздохнул. Потом он стряхнул руку Джерри, прошаркал к двери и, взмахнув костылем, открыл ее.

— Вот, можешь взглянуть на гроб.

— Ага, значит, в этой комнате ты и спишь?

— Да. Хотя мне было бы удобнее, если б гроб стоял повыше.

В спальне, пахнувшей гнилью и плесенью, было темно, однако Джерри сразу же разглядел кол. Он лежал на столе и вместе с ла-

пой какого-то зверя и плитой из мрамора был вплотную придвинут к гробу. Один конец был остро заточен, и кол представлял собой вполне пригодное к употреблению оружие. Сам же гроб покоился на специальной металлической подставке. На его крышке стоял старый механический будильник.

— Ну, как тебе моя спальня? — осведомился старик хриплым голосом.

— Чудесно. — Джерри подошел к колу, который был под пыленным стеклянным колпаком. — Я, собственно говоря, собирался обсудить с тобой один очень важный вопрос, дядя Харфорд, — произнес он самым искренним тоном, на который только был способен.

В тот же вечер Джерри позвонил мне. После визита к дядюшке, оказывается, Джерри пытался переговорить с Фрилли Санкастль, однако ни на ее новой работе, ни в маленькой квартирке в Вествуде телефон не отвечал. Но, спустя некоторое время, она позвонила сама.

— Где ты находишься, Фрилли?

— В церковной библиотеке в Санта-Монике.

— Но я слышу, как звенят кубики льда в бокалах.

— Ты ходил к Гонцеру? — спросила Фрилли.

— Да, но это ничего не дало. Ему нужен не звукоимитатор, а...

— Ты уже поговорил со своим дядей?

— А, значит, ты знаешь, чего этот безумец хочет от меня?

— И ты достанешь ему эту вещь.

— Нет, я и не собираюсь.

Она вздохнула с разочарованием.

— Почему?

— Потому что, как оказалось, бывший компаньон моего дяди, Марко Аскью, уже много лет ходит кругами вокруг кола. Он во что бы то ни стало хочет заполучить его в свою коллекцию вещей Игоря Царба. — Джерри был абсолютно уверен, что из трубки доносились звуки игравшего неподалеку оркестра. — А старик, кажется, стал сентиментальным. Во всяком случае он, в конечном счете, уступил-таки просьбам Марко и согласился продать ему эту проклятую штуку. Завтра вечером. О моем предложении он вообще слышать не хочет.

— И сколько же он получит за кол?

— Он не сказал.

— Я вот все спрашиваю себя, зачем я, дура, стараюсь еще что-то сделать для тебя?! Я тут строю тебе золотой мост над головами других, а ты оказываешься таким же беспомощным, как эти недоумки в «Большом шансе».

— Прекрати, пожалуйста, Фрилли, мне не хочется снова ссориться с тобой, — ответил он. — Я очень сожалею, что могу добыть Гонцеру кол. Пятнадцать тысяч мне бы не помешали...

— Я бы посоветовала тебе все-таки убедить своего дядю продать кол Гонцеру, впрочем, дело твое — у меня действительно нет никакого желания говорить с тобой, когда ты в таком пораженческом настроении. Жалко время тратить.

А через час Джерри позвонил мне и рассказал, что произошло после нашей случайной встречи у ломбарда.

— Рад, что вы все-таки сохранили еще некоторые этические принципы, — промолвил я. — Хотите узнать мое мнение о том плане, что вы придумали?

Далее я сказал Джерри, что, вероятнее всего, его схватят и посадят за решетку.

— Самым лучшим для вас было бы забыть Фрилли, — посоветовал я. — Поезжайте куда-нибудь на две-три недели. А когда вернетесь в Лос-Анжелес, я, возможно, смогу подыскать вам здесь какую-нибудь работенку.

— Я не смогу забыть ее, — возразил он. — И я не намерен упускать возможность легко заработать пятнадцать тысяч. Но, несмотря на это, большое вам спасибо. Вы помогли мне привести в порядок собственные мысли.

Принимая во внимание особый талант Джерри, его план по овладению колом Царба был, по всей видимости, отнюдь неплох. Только он, к сожалению, несколько переоценил свои способности. И к тому же Джерри не мог, разумеется, знать, что между Марко Аскью и очаровательной китайкой из приемной Гонцера установились особые отношения.

Насколько я смог потом восстановить полную картину случившегося, Джерри действовал следующим образом.

Ближе к вечеру следующего дня у него состоялось четыре телефонных разговора. Для этого он пошел в телефонную кабину в двух шагах от дома, поскольку его квартирный телефон был отключен ввиду неуплаты по счету.

Вначале он позвонил спортсмену и экс-компаньону своего дяди Марко Аскью, который жил в собственном доме на побережье Малибу. Джерри удалось почти безупречно симитировать голос своего дяди.

— Марко, мальчик мой, — произнес он, — вот такое дело, — для большей убедительности он захрипел. — Нам придется отложить нашу встречу. Сегодня вечером в восемь я не могу.

— Ага, — проворчал Аскью. — Значит, это правда.

— Что «правда»? Я просто уезжаю на пару дней. Надо же позаботиться о своем здоровье. А когда вернусь, мы совершим нашу сделку. Можешь на меня положиться.

— Я могу на тебя положиться? Сначала ты обещаешь мне кол, потом бессовестно обманываешь. И я еще должен после этого полагаться на тебя?

— Марко, ты получишь кол. Не позднее следующей недели он станет твоим, даю честное слово.

— Ха! — прорычал Аскью и бросил трубку.

Надо же, как он разволновался, подумал Джерри. Впрочем, в любом случае добряк Марко теперь, наверняка, не появится на вилле сегодня вечером.

Потом он набрал номер бюро Гонцера, где поговорил сначала с его обворожительной секретаршей, а затем — с самим Гонцером.

— Моему дяде было бы удобнее, если бы вы заплатили всю сумму непосредственно мне, — заявил Джерри уже своим собственным голосом. — Полагаю, что это связано с налогами. Так что

вы можете передать мне сразу все деньги. Сто шестьдесят пять тысяч долларов наличными. Завтра я принесу вам ту самую вещь. И... что же еще?.. ах да, моему дяде хотелось бы, чтобы вы пока не афишировали вашу сделку.

— Понимаю. Приходите утром, в десять часов.

— Завтра? Прекрасно. И деньги уже будут при вас?

— Разумеется.

Оба следующих звонка послужили для Джерри доказательством того, что он ни в коей мере не утратил своего таланта имитации чужих голосов. Оба раза он звонил своему старому дяде.

— Привет, это Марко, — проворчал он. — Как себя чувствуешь, старый пират?

— Я еще тебя переживу, мой мальчик. Что ты хочешь сообщить мне так срочно? Мы ведь и так увидимся сегодня вечером.

— Вот из-за этого-то я и звоню. Я не могу сегодня вечером.

— Как хочешь, мой друг. В конце концов, ты ведь сам прожужжал мне все уши, что тебе нужен кол.

— Тут случилось нечто непредвиденное, — заявил Джерри голосом Марко Аскью. — Я перезвоню тебе завтра или послезавтра. В любом случае наш уговор сохраняет силу.

— Видишь ли в чем дело, — ответил ему Милдрию. — Если тебе посчастливится, то завтра цена по-прежнему будет пятьдесят тысяч, а если не повезет, то она повысится. Учти это, — с этими словами он положил трубку.

— Пятьдесят тысяч? — произнес Джерри в замолчавший аппарат. — Но ведь вещь стоит намного дороже.

Он вышел из кабины и побрел обратно домой. По дороге он ненадолго задержался возле витрины с товарами, о которых в свои лучшие дни, бывало, делал рекламные передачи.

Немного подумав, он снова зашел в телефонную кабину и еще раз набрал номер старой виллы в Альтадене.

— Вы меня не знаете, мистер Милдрию, — промолвил он голосом уверенного в своих силах мошенника, — но у меня есть то, что, возможно, вас заинтересует.

— Сильно сомневаюсь.

— Это кольцо. — Джерри точно знал, чего жаждет душа его дяди. Все коллекционеры одинаковы. Они могут иметь огромные коллекции, но какой-то одной вещи им всегда будет не хватать. — Это рубиновое кольцо в форме летучей мыши.

В трубке раздалось возбужденное хрипение.

— Кольцо вампира, принадлежащее Игорю Царбу? — недоверчиво спросил старик. — Но ведь его закопали вместе с Царбом девять лет назад, когда он умер.

— Послушай старичок. То, что было закопано, можно ведь и снова откопать. — Найдя правильный тон, Джерри произносил слова резко и бесстрастно. — Ну, так как, интересует вас эта вещь, или мне звонить Марко Аскью, попытать счастья у него?

Помолчав несколько секунд, старик ответил:

— Я бы охотно взглянул на кольцо. Приходите ко мне.

— Нет, об этом не может быть и речи. Если вам нужна эта вещь, то вы сами должны придти к нам.

— Я старый и больной человек.

— Сегодня вечером в кафе «Фурия» в Венеции. В девять.

— Молодой человек, я не знаю, где это.

— Спросите. — Джерри положил трубку и рассмеялся. — О, какой удивительный подарок ждет тебя там, мой друг, — сказал он себе голосом Барри Фицджеральда.

Он знал, что его дядя был также помешан на этом кольце, как Аскью на коле. Старик ни за что не сможет преодолеть соблазна заполучить столь редкую вещь. Несмотря на возраст, он все еще водил машину, и Джерри не сомневался, что в этот вечер его дядя отправится в Венецию. Марко Аскью, тоже думая, что свидание не состоится, не придет на виллу, а миссис Брафф, экономка, ложится спать не позднее девяти часов.

Это означало, что вилла в этот вечер останется практически пустой.

С наступлением темноты на землю упали первые дождинки, а когда часовая стрелка достигла цифры «9», мелкий дождик превратился в настоящий ливень. Парк и вилла стали напоминать декорации из фильмов ужасов, которые так любил старый Харфорд Милдрю.

Джерри, готовясь к операции, одел легкие теннисные туфли, которые моментально промокли. И когда он добрался до двери, ведущей во двор, их пришлось снять. Затем он осторожно повернул ручку входной двери. Как Джерри и ожидал, она оказалась незапертой. Под темным полувером он прятал мало-мальски похожую на оригинал копию кола, которую собственноручно вырезал из большого куска дерева, приобретенного у лесоторговца. Ему оставалось только пробраться в спальню, положить фальшивый кол под стеклянный колпак, а настоящий — забрать с собой. Дряхлый старик, наверняка, не заметит подмены. А чтобы прервать все переговоры между ним и Аскью, Джерри намеревался всего навсего еще пару раз позвонить: Аскью — голосом старого Милдрю, и Милдрю — голосом Аскью. По его замыслу, некоторые оскорбления, сказанные в подходящий момент, разожгут костер старой вражды.

Возможно, до Гонцера когда-нибудь и дойдет известие, что кол был украден. Однако Джерри не думал, что это вызовет у него сильные затруднения. Когда Гонцер решит продать кол, лет эдак через десять, старик давно будет лежать в могиле. Кроме того, уже на следующее утро Джерри будет держать в руках сто шестьдесят тысяч долларов. И если здесь, в Штатах, почва под его ногами вдруг начнет гореть, ему, наверняка, удастся уговорить Фрилли уехать с ним в Южную Америку.

С кривой ухмылкой на лице он прошмыгнул через порог в темную комнату.

— Ты совершил свою самую большую глупость, идиот! — неожиданно зажегся свет, и Джерри увидел напротив себя дядю, который держал в дрожащих дряблых руках револьвер 32-го калибра. — И что ты за увалень! Чуть было не наступил своими грязными ногами на мою мумию.

— Дядя Харфорд! Послушай, я хотел взять только кол Царба. Ты хочешь продать его Аскью за жалкие пятьдесят тысяч, а я же могу получить за кол в три раза больше. Сто пятьдесят тысяч! Собственно говоря, я хотел сказать тебе это, когда приходил сюда вчера, но ты не дал мне и рта раскрыть. Я бы получил с этой сделки только небольшие комиссионные.

— Я совершаю сделки только с теми людьми, которым доверяю. Но не со взломщиками. — Он показал револьвером на телефон, стоявший на надгробии из бальзаминового дерева. — Что же касается тебя, висельник, то я сейчас вызову полицию.

— О чем ты говоришь, дядя? Я ведь твой племянник, черт возьми, единственный на всем белом свете!

— Хорош племянничек! Звонит мне, выдает себя за Марко, потом снова набирает мой номер и действует, словно Лионел Штендер. Сразу наделал столько глупостей!

— Я думал, что сумел обмануть тебя.

— Я этого и хотел, придурок, чтобы потом схватить тебя с поличным, — он хрипел все громче.

— А теперь я вызываю полицию, как мне ни жаль.

— Ты действительно хочешь донести на меня?

— А ты думаешь, идиот, что я просидел два часа в темноте, чтобы потом чесать языком с тобой?

— Нет, ты не будешь звонить в полицию. — Джерри прыгнул вперед и ударил кулаком по руке, державшей оружие.

Старик стал хватать руками воздух, а потом издал жуткий продолжительный вопль.

— Ты убил меня, — простонал он и рухнул на пол, прямо рядом с мумией.

— Брось нести вздор, дядя. Ты уже давно толкал меня на грех, — Джерри опустился на колени возле старика и обхватил рукой его запястье.

Пульса не было.

После короткого замешательства Джерри поднялся с колен, потом снова наклонился и подхватил мертвого старика под мышки. Маловероятно, что миссис Брафф слышала их короткую перепалку, но, тем не менее, он первым делом хотел на всякий случай спрятать труп.

Кол все еще находился наверху. Но после того, как сходит за ним, Джерри намеревался усадить труп в кресло. Прекрасная мысль! Он сообщит Гонцеру, что договорился со стариком и ушел. А уж потом, возможно вследствие чрезмерного волнения от состоявшихся переговоров, Харфорд Милдрию приказал долго жить...

Спрятав труп за софой, которая в свое время использовалась в фильме «Испорченный уик-энд Дракулы», он заторопился наверх.

Кол лежал на том же месте, что и накануне. Благодаря сумрачному свету, падавшему из вестибюля в темную комнату, Джерри сразу отыскал его. Он уже схватился за стеклянный колпак, как вдруг услышал донесшийся снизу треск раскалывающегося дерева.

— Ха, ты думаешь, что твоя бумажная дверь сможет остановить меня? — прокричал хорошо знакомый Джерри голос. — Марко Аскью не так-то просто одурачить.

Джерри не знал, да и не мог знать того, что Марко Аскью пристально следил за каждым потенциальным конкурентом в борьбе за овладение колом. Одной из тех, кого он подкупил, чтобы постоянно держать в поле зрения интересующих его людей, была очаровательная секретарша из приемной Гонцера. Она позвонила Аскью после первого визита Джерри к Гонцеру, а потом на следующий день пополудни — когда Джерри обещал тому принести кол.

После второго звонка своего агента вспыльчивый Аскью ринулся из дома и совершил продолжительный забег вдоль моря. Его гнев ничуть не уменьшился и после преодоления тринадцати миль, тогда он запрыгнул в машину и поехал в Альтадену, чтобы свести счеты с Харфордом Милдрью.

Всего этого не знал Джерри, который стоял наверху в затемненной спальне и напряженно прислушивался к топоту, раздававшемуся на лестнице. Он уже забыл про кол и думал только о том, как избежать возможных неприятностей.

Он бесшумно прошмыгнул к гробу и забрался в него. Но прежде чем Джерри успел закрыть над собой крышку, в комнату ворвался Аскью.

— Предатель! Иуда! — проворчал он. — Сначала ты обещаешь мне эту штуку, которая так нужна мне для пополнения коллекции, а потом сбываешь этому идиоту Гонцеру. И за что? За деньги! Ты ведь прекрасно знаешь, что я в настоящий момент не могу раскошелиться больше, чем на пятьдесят тысяч. Подлый ты предатель!

Джерри тем временем лихорадочно думал, что же делать? По возможности незаметно закрыть крышку и ждать, или же, наоборот, встать и выложить свихнувшемуся Аскью всю правду или хотя бы часть ее? Но ведь это может закончиться тем, что его обвинят в убийстве своего дяди и арестуют!

— Ага! Вот он! — Аскью ринулся к колу, стеклянный купол полетел на пол и разбился вдребезги.

И тут Джерри осенило, каким образом он может спастись. Ведь Аскью добивался только одного — заполучить этот кусок дерева с заостренным концом. Вот Джерри и произнес из гроба голосом Харфорда Милдрью:

— Ладно, забирай этот проклятый кол и ступай домой, чтобы прекратить эту нервотрепку. Дай же мне, наконец, поспать.

— А, так значит ты здесь, иуда! — Аскью кинулся к гробу. — Я тебя предупреждал! Я тебе всегда говорил, что однажды ты меня выведешь из терпения!

Даже находясь в полной темноте, Джерри смог разглядеть в руках Аскью кол. В следующее мгновение он вонзился в сердце Джерри.

Мои преклонные годы и приближающаяся смерть не позволяют больше хранить тайну этой страшной и печальной истории. Сколько лет она давала пищу для всевозможных домыслов и жутких слухов о вампирах, семейных проклятьях и ритуальных убийствах! Уж слишком необычайной и впечатляющей была картина

случившегося: один труп лежал в гробу с воткнутым в сердце дубовым колом, а другой — за софой. И все это — в набитой до отказа всякими диковинками старинной вилле. И даже после того, как нашли подлинного убийцу и он во всем признался, многое в этом деле оставалось неясным. Так пусть же, наконец, люди узнают, какая тяжкая кара постигла талантливого безумца Джерри, и по сей день не превзойденного в своем редком искусстве!

СТЭНЛИ ЭЛЛИН

ФИРМЕННОЕ БЛЮДО

Мы у цели, — сказал Лаффлер. — Это и есть «Сбирро». Костэйн посмотрел на широкий фасад дома из темно-коричневого песчаника. Он ничем не отличался от соседних домов по обе стороны пустынной улицы, над которой уже опустились промозглые сумерки. Из зарешеченных окон подвальчика им на ноги падали отблески света, проникавшие сквозь щели меж тяжелыми плотными портьерами.

— Бог мой, — заметил он. — Экая мрачная дыра, однако.

— Извольте всегда помнить о том, — с обидой в голосе ответил Лаффлер, — что «Сбирро» — ресторан без претензий. Даже сейчас, в эти невротические времена, когда все гоняются за новомодными химерами, он не собирается капитулировать. Это, наверное, последнее заведение хорошего тона в городе, которое до сих пор освещается газом. Вы здесь найдете ту же благородную мебель, тот же великолепный шеффилдский сервис, а может быть, в каком-то дальнем уголке — ту же паутину, что и клиенты, приходившие полвека назад.

— Да уж, рекомендация не ахти какая, — проговорил в раздумье Костэйн. — И, наверное, это не сильно хорошо с точки зрения гигиены...

— Войдя сюда, — продолжал Лаффлер, — вы оставите за собой всю безумную и смехотворную суету сего года, сего дня и сего часа. Не пройдет и краткого времени, как вы уже ощутите — дух ваш воспрял. Но не роскошь станет тому причиной, а достоинство — качество в наше время утраченное.

Костэйн недоверчиво усмехнулся.

— Послушать вас, так это прямо храм какой-то, а не ресторан.

В белесом свете уличного фонаря, висевшего прямо над ними, Лаффлер испытующе поглядел в лицо своему спутнику.

— Я желал бы знать, — внезапно сказал он, — не ошибся ли я, пригласив вас сюда.

Костэйн был задет. Несмотря на свой звучный титул и высокую зарплату, он, в сущности, был лишь служащим у этого напыщенного маленького человечка, который стоял сейчас перед ним.

Поколебавшись, Костэйн решил-таки продемонстрировать свою гордость.

— Как вам будет угодно, — холодно произнес он. — И для меня тоже не составит никаких проблем найти на сегодняшний вечер какое-нибудь другое занятие.

Лаффлер уставился на Костэйна своими большими коровьими глазами. Его красноватое круглое лицо напоминало луну в полнолуние, когда по ней проносятся туманные тени. Непонятно было, чего это он вдруг так разозлился.

— Да нет же, — сказал он в конце концов. — Так вопрос вообще не стоит. Очень важно, чтобы именно вы отужинали со мной в «Сбирро».

Крепко схватив Костэйна за руку, он подвел его к двери в подвальчик, окованной железными полосами.

— Знаете, вы ведь единственный человек в моем бюро, который, кажется, понимает толк в хорошей кухне. А мне не хватает именно такого компаньона, чтобы он мог оценить «Сбирро». У меня, знаете, почти такое чувство, будто я обладатель редчайшей картины, но должен держать ее взаперти, так что ею не может насладиться никто другой.

Костэйн был польщен и сразу смягчился.

— Насколько я знаю, есть масса людей, которые просто наслаждались бы таким единоличным обладанием.

— Я не из их числа! — резко бросил Лаффлер. — И то, что я на протяжении многих лет хранил тайну «Сбирро», стало мне в конце концов невыносимо.

Он пошарил где-то сбоку у двери, и изнутри подвала донеслось слабое дребезжание старомодного колокольчика. Дверь, кряхтя и охая, отворилась. Костэйн поймал себя на том, что с интересом всматривается в черную физиономию, на которой, впрочем, ничего нельзя было различить во мраке — виден был только ряд безупречных зубов, сверкнувших в улыбке.

— Сэр? — спросила физиономия.

— Мистер Лаффлер с гостем.

— Сэр, — произнесла физиономия снова, но на этот раз уже явно приглашающим тоном. Мажордом посторонился, и Костэйн вслед за Лаффлером преодолел, споткнувшись, единственную ступеньку вниз. Входная дверь снова закричала у него за спиной, и он обнаружил, что стоит, хлопая глазами, в небольшом фойе, а лицо, уставившееся на него в этот раз — его собственное отражение в гигантском трюмо, от пола до самого потолка.

— Обстановочка, — буркнул он себе под нос и усмехнулся, проходя в зал.

Здесь он оказался за маленьким столиком на двоих, лицом к лицу с Лаффлером, и с любопытством оглядел помещение. Размеры его сами по себе были невелики, но единственное освещение — с полдюжины газовых рожков — создавало такую игру теней, что стены, казалось, подрагивали и отодвигались куда-то в немыслимую даль. Зал едва ли вмещал больше восьми или десяти столиков; расположены они были так, чтобы создать максимум уюта. Все места за ними были заняты. Немногочисленные официанты, обслуживающие гостей, передвигались спокойно и только по необ-

ходимости. Слышалось лишь позвякивание столовых приборов и приятный негромкий шум разговоров. Костэйн удовлетворенно кивнул.

Лаффлер вздохнул с явным облегчением.

— Я знал, что вам понравится, — сказал он. — Впрочем, вы обратили внимание, что здесь нет ни одной дамы?

Костэйн вопросительно поднял бровь.

— Мистер Сбирро, — пояснил Лаффлер, — никоим образом не поощряет посещений своего заведения лицами прекрасного пола. И я вам скажу, его метода в высшей степени эффективна. Не так давно я сам был свидетелем, как тут обошлись с одной дамой. Она просидела за столиком не менее часа, ожидая, пока ее обслужат. И все без толку.

— Наверно, устроила скандал?

— Устроила, конечно, — Лаффлер улыбнулся своим воспоминаниям. — Но чего этим достигла? Только побеспокоила остальных гостей, да поставила в неловкое положение мужчину, который ее сопровождал. Все совершенно впустую.

— Что же предпринял мистер Сбирро?

— А он вообще не появился. Я не знаю, наблюдал ли он всю эту сцену из-за кулис или вообще отсутствовал в это время в ресторане. Но как бы то ни было, он может записать в свой актив стопроцентную победу. Женщина эта никогда больше не появлялась здесь, равно как и джентльмен, ее сопровождавший — последний прежде всего по той причине, что привел даму и создал тем самым повод для неприятного всем конфликта.

— И это, конечно, послужило хорошим предостережением для всех присутствующих, — улыбнулся Костэйн.

В этот миг около их столика появился официант. Кожа шоколадного цвета, узкий, прекрасной формы нос, столь же безупречные губы, большие блестящие глаза с густыми ресницами, а в довершение всего — волосы цвета серебра, густые и пышные, как шапка. Откуда-нибудь из Индии, решил Костэйн. Официант поправил накрахмаленные льняные салфетки и наполнил из высокого полированного кувшина две кружки.

— Скажите же, — спросил Лаффлер с явным нетерпением, — сегодня вечером в меню есть фирменное блюдо?

Официант изобразил улыбку сочувствия, продемонстрировав при этом зубы не менее великолепные, чем у мажордома.

— В высшей степени сожалею, сэр. Сегодня вечером фирменного блюда нет.

Физиономия Лаффлера вытянулась. Он явно расстроился, и очень сильно.

— После столь долгого ожидания... Прошел уже почти месяц с прошлого раза, и я так надеялся, что смогу моему другу...

— Вспомните обо всех трудностях, сэр.

— Разумеется, разумеется... — Лаффлер печально посмотрел на Костэйна и пожал плечами. — Вот видите, хотел сразу же познакомить вас с наивысшим наслаждением, которое предлагает мистер Сбирро; но, к сожалению, сегодня вечером его нет в меню.

Официант спросил:

— Желаете, чтобы сразу же было подано, сэр?

Лаффлер кивнул. К великому удивлению Костэйна, официант удалился, не ожидая дальнейших указаний.

— Вы что, сделали заказ заранее? — осведомился он.

— Ах! Это я, конечно же, должен был объяснить вам сразу. Дело в том, что у мистера Сбирро отсутствует выбор блюд. Вам подадут все то же самое, что и любому другому в этом зале. Завтра вечером вам будет предложено совсем другое меню, но опять-таки без выбора и без выполнения каких-то ваших особенных заказов, даже малейших.

— В высшей степени необычно, — проговорил Костэйн. — А порой, наверняка, и неприятно. Что, если нет никакого желания есть то или иное блюдо, которое вам предлагают?

— О, на этот счет можете совершенно не беспокоиться! — торжественно объявил Лаффлер. — Вот вам мое слово, что вы будете здесь наслаждаться каждым попавшим в рот кусочком, как бы ни был изыскан ваш вкус.

Костэйн продолжал смотреть недоверчиво, и Лаффлер усмехнулся.

— Впрочем, поразмышляйте о тонко продуманных преимуществах такого порядка, — сказал он. — Когда вы в обычном ресторане берете в руки меню, вам предстоит быстро выбрать из множества блюд. Вам приходится оценивать, взвешивать, решать — и тут же жалеть о принятых решениях. В итоге — чувство напряженности, которое переходит в неприятную неловкость. И хорошо еще, если ненадолго. А теперь поразмыслите о другой, чисто технической стороне дела. Вместо скопища поваров, которые все в мыле, мечутся туда-сюда по кухне, чтобы срочно приготовить сотню разных блюд, мы имеем здесь шефа кухни, который одиноко царит, подобно горной вершине. Он концентрирует весь свой талант на решении единственной задачи, и у него есть все необходимые предпосылки для гарантированного триумфа.

— Ах, так вы уже однажды побывали на кухне?

— К несчастью, нет, — удрученно признался Лаффлер. — Картина, которую я вам нарисовал, сложилась у меня за долгие годы из обрывков разговоров, которые я слышал тут. Признаюсь вам откровенно, что от всего сердца хочу только одного — побывать на кухне и посмотреть, как там готовят. Это желание, ей-богу, скоро превратится в манию.

— А вы говорили о нем мистеру Сбирро?

— Десятки раз. Но он только пожимает плечами, и все намеки повисают в воздухе.

Он вздохнул.

— Но я все-таки не теряю надежды.

Тут вернулся официант. Он принес две глубокие суповые тарелки, которые с математической точностью поставил на стол, а также супницу, откуда налил каждому по порции прозрачного, нежирного бульона. Костэйн помешал в нем ложкой и с любопытством попробовал.

Бульон был очень тонко приправлен, чуть-чуть, самую малость, был почти совсем безвкусен. Костэйн нахмурил лоб и механически стал шарить по столу в поисках солонки и перечницы. Однако вынужден был сделать открытие: на столе их нет. Он поднял

глаза, поймал на себе взгляд Лаффлера и, хотя был склонен доверять собственному вкусу, так и не решился остудить пыл восхищения у своего спутника. Поэтому только улыбнулся и сказал, указывая на бульон:

— Отлично!

Лаффлер тоже усмехнулся, но ответил неожиданно холодно:

— Неправда! Он вовсе не кажется вам отличным. Он вам кажется несоленым, и вы хотите поперчить его и добавить пряностей. Я знаю!

Костэйн обескураженно посмотрел на него.

— Да, знаю, потому что много лет назад точно такой же была и моя первая реакция, потому что я, точно так же, как и вы, после первого же глотка автоматически захотел схватиться за перечницу и за солонку. Но тогда я узнал, к своему великому изумлению, что у «Сбирро» не подают ни того, ни другого.

Костэйн был почти возмущен.

— Даже соли не подают? — воскликнул он.

— Даже соли. Сам тот факт, что вы, попробовав этот бульон, испытываете потребность посолить его, свидетельствует, что ваш вкус изрядно испорчен. Я совершенно уверен, что сейчас вы сделаете то же открытие, что и я в свое время: не успеете доестъ бульон, как у вас совершенно пропадет желание посолить его.

Лаффлер оказался прав. Костэйну было еще далеко до дна его глубокой тарелки, когда он внезапно ощутил стремительно растущее наслаждение, смакуя нежные нюансы вкуса. Лаффлер отодвинул в сторону собственную пустую тарелку и оперся локтями на стол.

— И что же? Согласны теперь?

— К своему собственному удивлению — да!

Пока официант был занят уборкой стола, Лаффлер значительно понизил голос.

— Вы обнаружите, — сказал он, — что отсутствие приправ на столе — лишь одна из многих очень примечательных особенностей «Сбирро». Лучше уж я сразу подготовлю вас к неожиданностям. Например, здесь не подают совершенно никаких алкогольных напитков — без какого бы то ни было исключения! Больше того — здесь вообще не подают никаких иных напитков, кроме чистой холодной воды — первой и единственной жидкости, которая абсолютно необходима для поддержания человеческой жизни.

— Если не считать материнского молока, — сухо заметил Костэйн.

— На это я мог бы ответить вам в том же тоне, что обычные клиенты «Сбирро» давно миновали эту стадию развития.

Костэйн усмехнулся.

— Согласен с вами.

— Вот и прекрасно. Далее: здесь запрещается употребление табака в любой форме.

— Господи боже ты мой! Вам не кажется, что «Сбирро» ваш напоминает скорее прибежище абстинентов, чем место паломничества гурманов?

— Боюсь, — назидательно поднял палец Лаффлер, — что вы смешиваете значение слов «гурман» и «гурмет». Гурман, постоян-

но переполняя себя впечатлениями, требует их, чем дальше, тем больше. Он хочет все большего и большего разнообразия, чтобы еще хоть чем-то пощекотать свои пресыщенные чувства. Наоборот, естественным признаком гурмета является стремление к простоте. Грек античного мира, в своем грубом хитоне, наслаждающийся спелой оливкой; японец, медитирующий в своем лишенном излишеств жилище над единственным распустившимся цветком — вот подлинные гурметы.

— Но позволить себе время от времени капельку бренди или трубку табака, — неуверенно возразил Костэйн, — это едва ли можно назвать невоздержанностью.

— Периодическое применение стимуляторов и наркотиков нарушает утонченное равновесие ваших органов вкуса, причем в такой мере, что они теряют свое самое ценное качество — способность оценить деликатес. Будучи на протяжении многих лет клиентом «Сбирро», я достаточно убедился в этом на собственном опыте.

— Позвольте спросить — а почему вы, коли уж все это здесь запрещено, склонны объяснять запреты глубокими эстетическими мотивами? Может, причины гораздо более прозаичны? К примеру, лицензия на торговлю спиртным слишком дорого стоит, а табачный дым из-за небольших размеров помещения досаждал бы некурящим клиентам?

Лаффлер энергично покачал головой.

— Когда вам доведется познакомиться с мистером Сбирро, вы сами убедитесь, что это — не тот человек, который в своих решениях руководствуется столь примитивными и очевидными причинами. Они гораздо тоньше. К тому же, если быть совсем откровенным, именно мистер Сбирро сам впервые привел мне все то, что вы называете «эстетическими мотивами».

— Стало быть, это просто удивительный человек, — проговорил Костэйн, наблюдая, как официант сервирует следующее блюдо.

Лаффлер ответил лишь после того, как отрезал и с наслаждением разжевал изрядный кусок мяса.

— Я, вообще-то, не склонен ни о ком говорить в превосходной степени, но мистер Сбирро в моих глазах — человек, стоящий на вершине нашей цивилизации.

Костэйн скептически поднял бровь и перевел взгляд на свой кусок жареного мяса, который без всякого гарнира одиноко лежал в лужице густого соуса. От него исходил тонкий и теплый дух. Костэйн ощутил изысканный, приятно-терпкий аромат, от которого рот его незамедлительно наполнялся слюной. Он отрезал кусочек и стал пережевывать его так медленно и вдумчиво, будто вникал в нюансы моцартовской симфонии. Диапазон вкусовых ощущений, который открылся ему, был и в самом деле поразительным: от пикантной остроты поджаристой хрустящей корочки до какой-то особой пресности — и в то же время умиротворяющей душу мягкости вкуса тепловатой крови, выступавшей из полусырой середины куска под нажимом его челюстей.

Проглотив, он вдруг почувствовал почти необузданное желание съесть следующий кусок, потом — следующий, и лишь с ко-

лоссальным трудом он смог удержать себя и не покончить разом со своей порцией, испытывая жадность голодного волка. Лишь очистив полностью свою тарелку, он вдруг осознал, что ни он, ни Лаффлер не перемолвились ни словом за вторым блюдом. Он что-то заметил по этому поводу, но Лаффлер ответил:

— А! Бросьте! Что проку от слов, когда перед вами такая еда!

Костэйн совершенно новым взглядом увидел старый, скупо освещенный зал и тишину.

— Нет, — признал он в полном смирении, — я действительно не вижу в словах никакого прока. И безоговорочно прошу прощения за все те сомнения, которые когда-то у меня были. Во всех ваших похвалах мистеру Сбирро нет ни грана преувеличения.

— Ах, — сказал воодушевленно Лаффлер, — а ведь это еще далеко не все. Вы слышали, я нынче спросил официанта про фирменное блюдо, которого сегодня, к несчастью, нет в меню. То, что вы ели сейчас — просто ничто в сравнении с его совершеннейшим вкусом!

— Боже милосердный! — воскликнул Костэйн. — Что же это такое? Соловьиные язычки? Филе единорога?

Лаффлер почти минуту промолчал, погрузившись в свои мысли. Затем, наконец, медленно проговорил:

— Если бы я выразил вам собственными словами, не сдерживая себя, свое мнение об этом блюде, вы сочли бы меня совершенно безумным. Настолько глубоко меня волнует одна только мысль о нем. Это тщательно выбранная вырезка редчайшей овцы, какая только существует на свете. По названию этого рода овцы и называется блюдо — «Агнец Эмирстана».

Костэйн вопросительно поднял брови.

— Эмирстана?

— Эмирстан — это богом забытый уголок, затерянный где-то на границе Афганистана и России. Судя по тем замечаниям, которые периодически роняет мистер Сбирро, это — плато, на котором пасутся жалкие остатки отары великолепнейших овец. Мистер Сбирро — уж не знаю каким способом — заполучил право покупать их. Благодаря этому он — единственный владелец ресторана, у которого когда-либо вообще стояло в меню это блюдо, «Агнец Эмирстана». Смею заверить вас, что появление этого блюда в меню — действительно очень большая редкость, и невозможно заранее определить, когда это произойдет в следующий раз. Тут клиентам остается надеяться только на собственное счастье.

— Однако, — задумчиво сказал Костэйн, — мистер Сбирро мог бы и позаботиться, чтобы клиенты были заранее извещены о таком событии.

— На этот упрек легко ответить. В нашем городе, как известно, есть немало профессиональных ценителей гастрономического искусства и просто чревоугодников. И если такое объявление появилось бы заранее, то было бы более чем вероятно, что все они, уже из одного только любопытства, попытались бы отведать этого блюда, а после этого немедленно выжили бы старых, постоянных клиентов.

— Но не хотите ли вы сказать, что эти несколько человек, здесь сидящие — единственные во всем нашем большом

городе и даже во всем мире, кто вообще знает о существовании «Сбирро»?

— Вы почти угадали! В данный момент отсутствует только один или два постоянных клиента.

— Совершенно немыслимо!

— И все это достигнуто благодаря тому, — в голосе Лаффлера зазвучал пафос и в то же время нечто вроде предостережения, — что каждый постоянный клиент призван считать своим торжественным обязательством сохранение этой тайны. Приняв сегодня вечером мое приглашение, вы тем самым автоматически взяли на себя это же обязательство. Полагаю, что могу доверять вам в этом отношении.

Костэйн покраснел.

— Поручкой тому — мое место у вас. Я только позволю себе усомниться в продуманности такой политики. Ведь она делает столь великолепное блюдо недоступным для очень многих знатоков, которые могли бы насладиться им.

— А знаете, что стало бы непременным результатом той политики, за которую ратуете вы? — с горечью спросил Лаффлер. — Нашествие идиотов, которые каждый вечер жаловались бы, что им не подают жареную утку в шоколадном соусе! Вы бы вынесли это?

— Нет, — согласился Костэйн. — Вынужден согласиться с вами.

Лаффлер устало откинулся на спинку стула и как-то странно провел рукой по глазам.

— Я одинокий человек, — сказал он тихо, — хотя и не по своей воле. Это может показаться странным и даже нагнать на вас меланхолию, но в глубине души у меня есть такое чувство, будто этот ресторанчик здесь, это тихая гавань, это теплое прибежище в холодном и безумном мире заменяет мне все — и друзей и семью.

Костэйн, который доныне видел в своем спутнике только деспотичного работодателя, вдруг почувствовал к нему острое сострадание. Оно зародилось где-то там, в глубине, неподалеку от приятно растянувшегося желудка.

Прошло две недели. Приглашения Лаффлера сопровождать его в «Сбирро» превратились в своего рода ритуал. Изо дня в день, в две-три минуты шестого Костэйн выходил в коридор конторы и запирал за собой дверь своего кабинета. Затем бережно складывал пальто, перекидывал его через руку и, бросив короткий взгляд в зеркало на двери, поправлял галстук. Раньше за этим следовала традиционная сигарета. Но теперь, вдохновляемый Лаффлером, он решил перейти к воздержанному образу жизни. Костэйн не спеша направлялся к выходу — и вот уже откуда-то выныривал Лаффлер, пристраивался сбоку и громко откашливался.

— А, Костэйн! Надеюсь, у вас сегодня нет других планов на вечер?

— Нет, свободен, как птица! — обычно откликался Костэйн. Либо: «Всецело к вашим услугам!» Или еще какой-нибудь пустой фразой. Порой он подумывал, не будет ли тактически правильнее — хотя и бестактнее! — однажды нарушить отказом этот становящийся обязательным ритуал. Но его всякий раз останавлива-

ла та искренняя радость, с которой воспринимал его ответ Лаффлер и откровенное дружелюбие, с которой он подхватывал его под руку. А разве был среди предательских рифов сегодняшнего бизнеса какой-то лучший путь к упрочению своего положения, чем дружба с собственным шефом? Ведь секретарь, бывший в курсе всех веяний в главном бюро, уже сказал при всех, что у Лаффлера в высшей степени благоприятное мнение о Костэйне.

Одним словом, все только к лучшему. И потом — эта еда! Эта несравненная еда у «Сбирро»! В первый раз за всю свою жизнь Костэйн, который обычно отличался худобой и костлявостью, с удовлетворением отметил, что заметно прибавил в весе. Не прошло и двух недель, как его кости покрылись гладкой, крепкой плотью, а местами появились даже признаки начинающейся полноты. Однажды вечером, когда Костэйн рассматривал себя таким образом в ванне, его внезапно осенило, что, видимо, и пухленький Лаффлер когда-то был худым человечком, пока не открыл для себя «Сбирро».

Словом, он кругом в выигрыше и, в принципе, ничего не потерял, принимая приглашения Лаффлера. Впрочем, отведав великого чуда — «Агнца Эмирстана», и познакомившись с мистером Сбирро, который до сих пор ни разу не показывался, можно будет взять да и отказаться пару раз от приглашений. Но — никак не ранее того!

Вечером, ровно две недели спустя после первого визита в «Сбирро», исполнились сразу оба желания Костэйна: он отведал «Агнца Эмирстана» и познакомился с мистером Сбирро. И то и другое превзошло все его ожидания.

Когда официант сразу же, едва они заняли места за столиком, склонился к ним и с достоинством сообщил: «Сегодня вечером есть фирменное блюдо, сэр!», Костэйн неприятно поразился тому, как от волнения забухало его сердце. На столе перед собой он увидел мелко дрожащие руки Лаффлера. Он вдруг подумал, что в этом есть что-то ненормальное. Два взрослых, зрелых мужчины, вполне интеллигентные, полностью способные владеть своими чувствами — и ведут себя, как два голодных кота, ожидающих, что им бросят кусочек мяса!

— Ну наконец-то! — Тон Лаффлера испугал его еще больше, он чуть не подпрыгнул на стуле. — Кулинарный триумф всех времен! И он пробудит в вас целую бурю эмоций!

— Откуда вы все знаете? — спросил Костэйн слабым голосом.

— Откуда? Оттуда, что я сам десять лет назад испытал ту же бурю. Кроме того, вы не умеете скрывать свои чувства. Они написаны у вас на лице. И сейчас легко заметить, что вас неприятно поразило осознание того факта, что человек еще не забыл, какова бывает страсть, неудержимая страсть — отведать кусок мяса!

— А все остальные? — шепнул Костэйн. — Они что, испытывают то же самое?

— Судите сами.

Костэйн украдкой скользнул взглядом по соседним столикам.

— Вы опять правы, — сказал он, наконец. — Во всяком случае, утешает, что ты не одинок.

Лаффлер еле заметным кивком головы указал в сторону.

— Одному из наших рядов, — заметил он, — кажется, предстоит немалое разочарование.

Костэйн посмотрел туда, куда указал Лаффлер. За тем столиком одиноко сидел мужчина, и Костэйн наморщил лоб, глядя на пустующий стул напротив него.

— Ах, да! — вспомнил он. — Такой низенький, лысый господин, не правда ли? Мне сдается, за эти две недели он в первый раз пропускает ужин.

— Скажите лучше — впервые за десять лет! — сказал Лаффлер, полный сочувствия. — Что бы ни происходило: дождь, жара, экономический кризис и тому подобные дела — я не помню такого, чтобы с того момента, как я в первый раз побывал здесь, он пропустил хотя бы один вечер у «Сбирро». Представьте, каким будет выражение его лица, когда он узнает, что именно в тот единственный раз, когда он отсутствовал, подавали фирменное блюдо «Агнец Эмирстана»!

Костэйн еще раз посмотрел на пустой стул. Непонятно почему, но его охватило какое-то неприятное чувство.

— Говорите, в самый первый раз?

— Мистер Лаффлер! С другом! Очень приятно! Очень, очень приятно! Нет, пожалуйста, не вставайте, я сейчас позабочусь о себе.

Под человеком, который подошел к ним, моментально оказалась табуретка, скрывавшаяся до этого где-то под столиком.

— Думаю, «Агнец Эмирстана» будет иметь сегодня полный успех. Я лично целый божий день протолкался на кухне, все приглядывал да заставлял нашего тугодума-повара педантично исполнить все до последней мелочи. Педантичность — это ведь не так мало в нашем деле, а, господа?

Речь струилась, как поток, обволакивала и завораживала — так, что Костэйн уже не мог выдавить из себя ни слова, только молча таращил глаза. Рот, из которого исходил этот монолог, был пугающе велик. Тонкие губы изгибались и кривились при каждом слове. Плоский нос, под ним редкие усики. Почти восточный разрез широко посаженных глаз, которые поблескивали в неверном свете газовых светильников. Наконец, длинные гладкие волосы, высоко зачесанные назад, надо лбом без единой морщинки — волосы настолько белесые, что кажутся обесцвеченными перекисью. Совершенно уникальный тип. И все же Костэйна, после первого же взгляда, стало мучить ощущение, что он, наверняка, где-то уже встречал этого человека и хорошо его знает. Вот только где? Он изо всех сил напрягал и терзал свою память, но так и не смог вспомнить что-то определенное.

Голос Лаффлера вывел Костэйна из состояния оцепенения.

— Мистер Сбирро; мистер Костэйн, мой хороший друг и сотрудник.

Костэйн поднялся и пожал протянутую ему руку. Она была теплой, сухой и твердой, как камень.

— Очень приятно, мистер Костэйн. Очень, очень приятно, — продолжал журчать и обволакивать голос. — Как вам нравится у меня? Вам предстоит немалое удовольствие. Даю слово.

Лаффлер хихикнул.

— О, Костэйн регулярно, уже на протяжении двух недель столуется здесь, — сказал он. — Он на пути к тому, чтобы стать вашим верным почитателем, мистер Сбирро.

Взгляд Сбирро обратился к Костэйну.

— Это очень большой комплимент. Вы оказываете мне честь, приходя сюда, а я отвечаю вам на это своими блюдами. Но «Агнец Эмирстана» бесконечно превосходит все то, что вы доньше пробовали, клянусь вам. Все трудности, связанные с его добычей, все сложности его приготовления поистине оправдывают себя.

Костэйн сделал отчаянную попытку не вспоминать, где он видел это лицо.

— Я уже выражал свое удивление, — сказал он, — почему вы, при всех этих сложностях, вообще идете на то, чтобы предлагать своим клиентам «Агнца Эмирстана». Ваших остальных блюд было бы вполне достаточно, чтобы поддерживать репутацию великого гастронома.

Сбирро весь прямо расплылся в улыбке.

— Наверное, разгадка — в человеческой психологии, господа. Тот, кто открывает чудо, чувствует жгучую потребность поделиться с другими. И хочет испить чашу удовольствия до дна, наблюдая наслаждение всех тех, кто доверился ему и стал его гостем.

Он помолчал, пожал плечами и сказал:

— А может, здесь дело просто в профессиональной чести.

— Да, но глядя на все в таком свете, — не отступал Костэйн, — и учитывая все те правила, которые вы установили для своих клиентов, осмелюсь спросить: а зачем вы вообще открываете свой ресторан для публики? Почему не превратите его совершенно официально в закрытый клуб?

Взгляд Сбирро пронзил Костэйна до глубины души, а затем ушел в сторону.

— Как остроумно. Что же, отвечу так: потому что в моем открытом для всех ресторане свобода личности еще выше, чем в самом элитарном клубе, какой только существует! Здесь никто не наводит о человеке никаких справок, не спрашивает его о положении и делах. Здесь единственный лозунг — «Вкусно поесть!» Мы не интересуемся именами и адресами наших клиентов, как и причинами, по которым они приходят к нам, либо, скажем, перестают к нам приходить. Если они приходят, мы приветствуем их от всей души. Если перестают бывать у нас, мы особо не печалимся. Как, теперь-то вы удовлетворены ответом?

Костэйна смутила такая запальчивость.

— Поверьте, я вовсе не собирался выведывать у вас какие-то тайны, — пролепетал он.

Сбирро быстро облизнул губы.

— Да нет же, нет же! — поспешил он успокоить Костэйна. — Вы не спрашиваете ничего такого особенного. Ради бога, не подумайте, что я против расспросов. Я как раз их приветствую.

— Выше нос, Костэйн! — подключился Лаффлер. — Не давайте Сбирро загнать себя в угол. Я знаю его уже несколько лет и гарантирую вам, что на него тоже распространяется поговорка — «Собаки, которые лают, не кусают». Он вас разом проинформиру-

ет обо всех особенностях своего заведения. Правда, за исключением экскурсии на кухню. Это, как всегда, запрещено.

— Ах, — улыбнулся Сбирро, — что касается кухни, то мистери Костэйн еще придется немножко подождать. Во всем остальном — я всецело к вашим услугам.

Лаффлер в досаде хлопнул ладонью по столу.

— Ну, что я вам говорил! — воскликнул он. — А теперь скажите мне, наконец, правду, Сбирро: разрешается ли вообще кому-то, кроме ваших работников, входить на кухню, в этот ваш храм, в святая святых?

Сбирро поднял взгляд.

— Вот там, на стене прямо над вами, — с абсолютной серьезностью проговорил он, — висит портрет одного из тех людей, которых я удостоил этой чести, — он был нашим старым другом и постоянным клиентом на протяжении многих лет — свидетельство тому, что наша кухня не так уж недостижима.

Костэйн внимательно поглядел на портрет, вдруг узнал того, кого он изображал, и даже вздрогнул от неожиданности:

— Да, но ведь это известный писатель! — взволнованно вскричал он, — Лаффлер, вы его наверняка знаете! Он всегда писал такие чудные миниатюры и несколько циничные ироничные заметки. Он еще потом внезапно отправился путешествовать и пропал без вести где-то в Мексике!

— В самом деле! — воскликнул Лаффлер. — А я годами сидел под его портретом и не обращал внимания. Это же надо!

Он снова повернулся к Сбирро.

— Говорите, он был вашим старым другом? В таком случае его исчезновение, наверное, стало настоящим ударом для вас.

Лицо Сбирро вытянулось.

— Да, конечно. Конечно. Даю слово. Но все имеет и свою обратную сторону, джентльмены, не правда ли: быть может, после смерти своей он стал более великим, чем был при жизни? Это был человек трагичной судьбы. Он мне не раз признавался, что свои по-настоящему счастливые часы он пережил только здесь, у меня, за этим столом. Волнующее признание, не правда ли? А я-то всего лишь смог предоставить ему однажды единственную привилегию — возможность приобщиться к таинствам моей кухни! Которая, если все узнать о ней, сразу теряет всякую загадочность и превращается в нечто тривиальное.

— Мне кажется, вы совершенно уверены в его смерти, — отметил Костэйн. — Но, насколько я знаю, о ней не сообщали, и никто ничего не знает.

Сбирро задумчиво посмотрел на портрет.

— Да, не сообщали, и никто ничего не знает, — повторил он мягко. — Не правда ли, удивительно, джентльмены?

Когда появилось фирменное блюдо, Сбирро вскочил и принялся подавать его собственноручно. Он снял кастрюлю с подноса. Глаза его горели, а ноздри чувственно раздувались от запаха, который шел от нее. Стараясь не пролить ни капли соуса, он положил на два блюда по чудесному сочному куску мяса. Затем, словно в изнеможении, он снова упал на свой стул и тяжело перевел дух.

— Джентльмены, — сказал он, — я желаю вам приятного аппетита.

Первый кусочек Костэйн жевал очень долго и с величайшей сосредоточенностью, прежде чем наконец проглотил его. Затем уставился остекленевшими глазами на зубья своей вилки.

— Великий боже! — выдохнул он.

— Хорошо? Лучше, чем вы представляли себе?

Костэйн, совершенно оглушенный, покачал головой.

— Для непосвященного, — очень медленно проговорил он, — столь же невозможно заранее представить себе наслаждение от «Агнца Эмирстана», как для смертного — окинуть взглядом собственную душу.

— Может быть, — Сбирро так приблизил свою голову, что Костэйну ударил в нос неприятный запах из его рта, — может быть, вам только что удалось окинуть взглядом свою собственную душу?

Костэйн невольно попытался отодвинуться, но так, чтобы не обидеть.

— Может быть! — он засмеялся. — И это было, безусловно, впечатляющее зрелище: одни сплошные когти и зубы, и больше ничего. Но, не желая вас обидеть, скажу — все ж таки я вряд ли соглашусь отныне строить храм своей веры на агнце из кастрюльки.

Сбирро поднялся и мягко положил руку ему на плечо.

— Как остроумно. Как-нибудь, когда вам уже не останется ничего другого, кроме как очень недолго размышлять в темной комнате об этом нашем мире, каков он есть и каким станет в будущем, вам придется задуматься и о том значении, какое отводит агнцу религия. Это весьма занятная тема.

— Ну, а теперь, — он согнулся в глубоком поклоне перед Костэйном и Лаффлером, — теперь позвольте оставить вас. Я и так надолго оторвал вас от ужина. Был очень рад.

Он еще раз кивнул Костэйну.

— Надеюсь, мы увидимся еще. Убежден в этом.

Зубы сверкнули, глаза блеснули в последний раз — и Сбирро исчез, лавируя меж своих столиков.

Костэйн чуть не вывихнул себе шею, провожая его взглядом.

— Я его ничем не обидел? — спросил он.

Лаффлер поднял взгляд от своей тарелки.

— Обидел? Его? Нет, он любит такие разговоры о том, о сем. «Агнец Эмирстана» — это для него что-то ритуальное. Тут стоит его задеть, и он разойдется вовсю, еще почище, чем священник, который собрался обратить вас в свою веру.

Костэйн продолжил прерванную трапезу, но лицо Сбирро продолжало стоять у него перед глазами.

— Интересный человек, — подумал он. — Весьма странный.

Ему потребовался целый месяц, чтобы вспомнить, наконец, на кого это лицо похоже, и когда ему удалось, он даже громко захотал, лежа в постели. Ну конечно же, вылитый Чеширский Кот из «Алисы в стране чудес»!

На следующий же вечер он поделился этим открытием с Лаффлером, когда они спускались по улице к ресторану, с трудом шагая против ледяного завывающего ветра. Но Лаффлер только посмотрел на него пустым взглядом.

— Быть может, вы и правы, — сказал он, — тут мне трудно судить. Времена, когда я читал книгу, давно минули, и меня вряд ли так поразила бы такая ассоциация.

Едва прозвучали эти слова, как вдруг, будто в ответ на них, тишину улицы разорвал отчаянный вопль. Оба застыли как вкопанные.

— Кому-то там пришлось туго, — сказал Лаффлер. — Глядите-ка!

Неподалеку от входа в «Сбирро» в сумерках можно было различить две борющиеся фигуры. Они раскачивались из стороны в сторону, а потом упали на тротуар, и там продолжалась какая-то возня. Жалобный вопль раздался снова, и Лаффлер с удивительной для своей полноты скоростью побежал вперед. Костэйн, значительно более осторожный, потрусил сзади.

На мостовой навзничь лежал хилый, тощий человек, темнолицый, седоволосый — один из официантов Сбирро. Пальцы его беспомощно цеплялись за мощные ручки, которые сомкнулись на его горле, а коленями он еще делал слабые попытки столкнуть с себя здорового верзилу, который безжалостно навалился на него всей тяжестью.

Лаффлер, задыхаясь, подбежал к ним.

— Отпустите его! — закричал он. — Что здесь происходит?

Глаза, уже почти вылезшие из орбит, умоляюще обратились к Лаффлеру.

— Помогите, сэр! Этот человек пьян!

— Это я-то пьян, ты, дерьмо!

Костэйн, наконец, смог разобрать, что верзила — матрос в совершенно измызанной форменке.

— Сначала хотел залезть ко мне в карман, а теперь орешь, что я пьян, ты, подлюга!

Пальцы на горле сжались сильнее. Жертва застонала громче. Лаффлер схватил матроса за плечи.

— Немедленно отпустите его, послушайте! Вы должны его отпустить! — вскричал он, и в тот же самый момент отлетел в сторону, прямо на Костэйна, чуть не сбив его с ног.

Столь откровенное нападение на собственную персону молниеносно привело Лаффлера в бешенство. Не издав ни звука, он подскочил к матросу и ударил его в незащищенное лицо, а потом — несколько раз по ребрам. Обескураженный противник, однако, быстро оправился, вскочил на обе ноги и напал на Лаффлера. Мгновение они стояли, вцепившись друг в друга, затем, когда Костэйн тоже включился в борьбу, все трое грохнулись наземь.

Через секунду Лаффлер и Костэйн тяжело поднялись на ноги и устались на матроса, который продолжал лежать на мостовой.

— Одно из двух: либо парень отключился от выпитого, либо ударился головой, — сказал Костэйн. — Во всяком случае, этим должна заняться полиция.

— Нет, нет, сэр! — официант еле поднялся на ноги и теперь стоял, шатаясь. — Никакой полиции, сэр. Мистер Сбирро этого очень не любит. Поймите, сэр.

Он умоляюще дотронулся до руки Костэйна, а Костэйн посмотрел на Лаффлера.

— Разумеется, нет, — сказал Лаффлер. — Нам вовсе не к чему ввязываться в полицейские разбирательства. Они и так его скоро подберут, этого пьяного убийцу. Но скажите мне, ради всего святого, как вообще дело дошло до драки?

— Все из-за него, сэр. Он выписывал такие зигзаги на ходу, что я его совершенно случайно задел. Тут он набросился на меня с криком, что я его хочу обокрасть.

— Так я и полагал, — Лаффлер легонько подтолкнул официанта ко входу в ресторан. — Ну, а теперь входите, и пусть о вас позаботятся.

Официант был близок к тому, чтобы разрыдаться.

— Вам, сэр, я обязан своей жизнью. Если я когда-нибудь смогу что-то сделать...

Лаффлер тоже подошел к двери.

— Да нет же, нет, вы мне ничем не обязаны. Осторожно, здесь ступенька. А если у мистера Сбирро будут какие-то вопросы, посылайте его ко мне. Я все улажу.

— Моя жизнь, сэр... — таковы были последние слова, которые они услышали, прежде чем за ними закрылась дверь в зал.

— Там, на улице, Костэйн, вы имели честь наблюдать его — современного цивилизованного человека во всей красе, — сказал Лаффлер через несколько минут, отодвигая от столика стул и усаживаясь. — Одурманенный алкоголем, он, шатаясь, бредет по улице, готовый наброситься и задушить любого несчастного, кто случайно подойдет к нему слишком близко.

Костэйн попытался как-то сгладить ужасное впечатление от инцидента. У него все еще подрагивали руки.

— В сущности, те, кто пьет — тоже невротики, — ответил он. — И для того состояния, в котором находился этот матрос, тоже, наверняка, можно найти объяснение.

— Объяснение? Пожалуйста! Это чистейшая, неприкрытая атавистическая дикость!

Рука Лаффлера описала в воздухе круг, долженствующий означать всеобщность явления.

— Почему, спрашивается, мы все здесь восседаем над своими тарелками с мясом? Конечно же, не только потому, что требуется удовлетворить свою потребность в пище, а прежде всего по той причине, что наше атавистическое Я так и вопит, желая вырваться из оков. Помните, Костэйн, я как-то называл мистера Сбирро символом всей нашей цивилизации, человеком с ее вершины? Вам понятно, почему? Этот великий человек — один из тех, кто полностью постиг естественную, природную сущность человека. Но есть единственное, что отличает его от мужей менее великих. Он стремится удовлетворить требования человеческой природы так, чтобы не повредить при этом какому-нибудь невинному малому, случайно подвернувшемуся навстречу.

— Когда я вспоминаю о том блаженстве, которое мне доставил «Агнец Эмирстана», — проговорил Костэйн, — я вполне понимаю, куда вы клоните. Да, кстати, не настало ли время ему снова появиться в меню? Уже прошло больше месяца с того дня, когда его подавали в прошлый раз.

Официант, который как раз наполнял водой их стаканы, сказал:

— Весьма сожалею, сэр. Сегодня вечером фирменного блюда в меню нет.

— Вот вам сразу же и ответ, — усмехнулся Лаффлер. — А я, вероятно, и вообще буду иметь несчастье пропустить в следующий раз его появление — с гарантией!

Костэйн удивленно воззрился на него.

— Полноте вам! Это же невозможно!

— Увы! Возможно, и даже очень!

Лаффлер одним глотком наполовину осушил свой стакан, и официант тут же долил его доверху.

— Мне нужно выехать с внезапной ревизией в Южную Америку. Как долго она продлится, одному богу известно — месяц, два...

— Что, так скверно обстоят наши дела там, в филиале?

— Выразимся иначе: они могли бы обстоять лучше, — Лаффлер вдруг ослабил. — Никогда не забывайте, пожалуйста, что нужны весьма прозаические доллары и центы, дабы платить надлежащую дань «Сбирро».

— Но в конторе я об этом не слышал ни словечка!

— Какая же это была бы внезапность, если бы вы слышали об этом в конторе. Об этом никто не знает, кроме меня, и теперь вот — вас. Я собираюсь свалиться как снег на голову. Я разберусь там, что за темные делишки они проворачивают. А что касается конторы, то тут пусть думают, что я уехал ненадолго куда-нибудь отдохнуть. Скажем, в какой-то санаторий. Как бы там ни было, а дело наше все это время будет в надежных руках. В том числе — в ваших.

— В моих? — удивленно спросил Костэйн.

— Когда вы завтра войдете в свой кабинет, то найдете там соответствующее предписание. Это — на тот случай, если меня завтра не будет в конторе, чтобы лично вручить его вам. Поймите меня правильно — наши дружеские отношения здесь ни при чем. Вы продемонстрировали отличные деловые способности, и я бесконечно благодарен вам за это.

Костэйн даже покраснел от такой похвалы.

— Вы говорите, что вас, быть может, завтра уже не будет. Стало быть, вы хотите покинуть нас уже сегодня ночью?

Лаффлер кивнул.

— Я попытался заказать себе билет быстрее обычного, так сказать, несколько обходным путем. Если это выгорит, то, значит, у нас сегодня с вами своего рода прощальный вечер.

— Если б вы знали, — с чувством проговорил Костэйн, — как страстно я надеюсь, что вам не удастся раздобыть билет так быстро. Наши совместные обеды здесь постепенно приобрели для меня

такое значение, что я даже не мог раньше представить себе что-то подобное.

Их прервал голос официанта:

— Желаете, чтобы я подавал сразу же, сэр?

От неожиданности оба вздрогнули и кивнули.

— Конечно, конечно, — резко сказал Лаффлер. — Я и не заметил, что вы все еще стоите за спиной и ждете.

— Единственное, что меня удручает, — обратился он к Костэйн, когда официант ушел, — так это то, что я, наверняка, пропущу теперь «Агнца Эмирстана». Признаюсь вам откровенно: я и так уже фактически оттянул отъезд на неделю, каждый вечер надеясь, что счастье мне еще улыбнется. Но дальше откладывать уже некуда. Во всяком случае, я очень рассчитываю, что вы вспомните обо мне с грустью, когда получите свою порцию «Агнца Эмирстана».

Костэйн усмехнулся.

— Обещаю вам это, — сказал он, принимаясь за еду.

— Ах, мистер Сбирро, слава Богу, что вы пришли. Этот человек говорит тут что-то непонятное, вроде того, чтобы я не ходил к вам на кухню. Может, вы объясните, что он имеет в виду?

Беззвучная широкая улыбка обнажила ряд великолепных зубов.

— Ну, конечно же! Этот славный малый захотел дать вам дружеский совет. Дело в том, что у нас тут сегодня вышло такое! Мой чересчур горячий шеф-повар прознал откуда-то, что я сегодня собираюсь пригласить постороннего на его возлюбленную кухню, и немедленно пришел в бешенство. Настоящий приступ бешенства, джентльмены! Он даже пригрозил мне, что немедленно уволится, а вы понимаете, что это значило бы для «Сбирро». К счастью, я догадался сказать ему, что это будет очень уважаемый постоянный клиент и тонкий ценитель его искусства, который хочет посмотреть за его фундаментальными приготовлениями. Только на том он и настаивал.

Не ус
тарелкой.
вал их. Э

— О,
не пришл

Офиц
мания. В
цо страш

— Сэр
вернуть ва

Лаффл
качал головой.

— Вот что,
поняли? Вы за
Идите и продс
этом не слыш

Официант
повысил голос.

— Клянусь
вам, даже если
кухню, сэр! Говор
Ни сегодня вечер
входите на кухню

Лаффлер, соверш

— Никогда не
никогда не входит
ды придет в голов
тесь?

Тяжелая рука л
официанта за запя
тверт... а вз

ал он. —

а Сбирро
сам.

роить вам
ить вас на
ке, остает-

даже хрипнув от
и вечером сможем

катерти. На на-

о, не знаю да-

линию на ска-

лет были моим

5. Ваше приглаше-
мое присутствие не
ствовать, потому что
одна встреча, и мне,
как видите, никакой

— Об этом не может
нтльменски. Д...не
...я
ет,
а,
и-

Оба посмотрели на Сбирро, но тот только с сожалением пожал плечами.

Костэйн решительно поднялся.

— Я все не...

Костэйн

ра

Бирро

кон

Сбирро

Сбирро

— Р

сказал

ужина

верняка

Сбирро

— Я ж

В сл

чтобы

усп

двер

СОДЕРЖАНИЕ

6

20

34

41

50

58

МИ

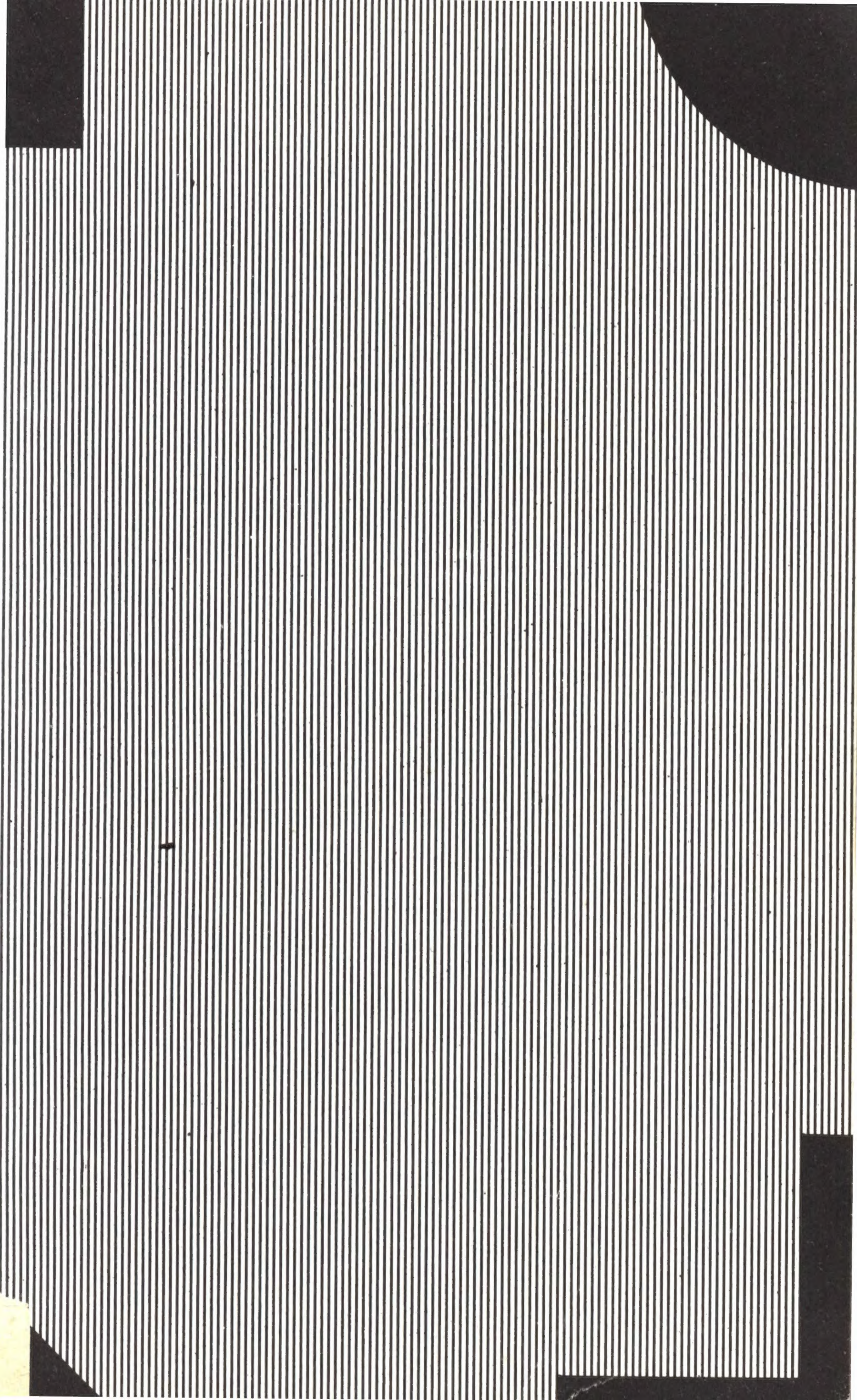
71

0

2

а

2.

АЛЬФРЕД

ХИЧКОК

ЛЮБЫЕ РАССКАЖАЮТ О СВОЕЙ
ИСТОРИИ.